

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина

**ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
в 1920–1940-е гг.:
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

Ростов-на-Дону
2009

УДК 94 (47)
ББК 63.3 (235.7)
К82

Программа Президиума РАН «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез»

Подпрограмма фундаментальных исследований «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона»

Ответственный редактор

д. и. н., профессор *Н.Ф. Бугай*

Рецензенты:

д. и. н., профессор *В.И. Меньковский,*

д. и. н., профессор *И.Б. Орлов*

Кринко, Е.Ф., Хлынина, Т.П.

К82 История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография / Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. — Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. — 304 с.

ISBN 978-5-902982-64-7

Монография посвящена изучению сложного и неоднозначного процесса формирования современной российской историографии ранней советской истории Северного Кавказа. В ней анализируются механизмы создания исторических образов советского прошлого региона, особенности региональной и общероссийской историографий, природа и характер возникновения наиболее острых и дискуссионных историографических сюжетов.

Исследование выполнено в рамках проекта «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона». Предназначено как специалистам, так и широким кругам читателей, интересующихся историей Северного Кавказа и современной российской историографией.

УДК 94 (47)

ISBN 978-5-902982-64-7

© Учреждение Российской академии наук
«Институт социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН», 2009

© Кринко, Е.Ф., 2009

© Хлынина, Т.П., 2009

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SOUTHERN SCIENTIFIC CENTRE
INSTITUTE OF SOCIAL-ECONOMIC
AND HUMANITIES RESEARCHES

E.F. Krinko and T.P. Khlynina

**HISTORY OF THE NORTHERN
CAUCASUS IN THE 1920–1940s:
CONTEMPORARY RUSSIAN
HISTORIOGRAPHY**

Rostov-on-Don
2009

K82

Programme of the RAS Presidium «Basic Problems of Spatial Development of the Russian Federation: Interdisciplinary Synthesis»

Sub-programme of Basic Research «Problems of Social-Economic and Ethno-Political Development of the Southern Macro-Region»

Managing Editor

Dr (History) Professor *N.F. Bugai*

Reviewers:

Dr (History) Professor *V.I. Menjkovskiy*

Dr (History) Professor *I.B. Orlov*

K82 Krinko, E.F. and Khlynina, T.P. (2009). History of the Northern Caucasus in the 1920–1940s: contemporary Russian historiography. Rostov-on-Don. SSC RAS Publishers. 304 p. (in Russian)

ISBN 978-5-902982-64-7

The monograph focuses on the study of complicated and controversial formation process of contemporary Russian historiography of the early Soviet history of the Northern Caucasus. It analyzes the mechanisms of creating the historical images of the Soviet past of the Region, specific features of regional and all-Russian (national) historiographies, origin, nature, and character of the most sensitive and disputable plots and subjects of historiography.

The present research has been carried out within the framework of the project «Historical Knowledge and its Possibilities for Ensuring Sustainable Development of the Southern Macro-Region». The monograph is intended for experts and specialists, as well as a wider range of readers interested in the history of the Northern Caucasus and contemporary Russian historiography.

ISBN 978-5-902982-64-7

© Institution of Russian Academy of Sciences

Institute Of Social-Economic and Humanities Researches, 2009

© Krinko, E.F., 2009

© Khlynina, T.P., 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последние десятилетия ушедшего и начало нового века стали свидетелями значительных изменений в отношении российского общества к своему недавнему прошлому. Если в начале 1990-х гг. оно являлось ареной ожесточенных идейных столкновений, то на сегодняшний день получает все более спокойную и взвешенную оценку. Не меньшие изменения претерпела и отечественная историография советской истории, в которой на протяжении всего этого времени сосуществовали и противоборствовали самые разнообразные представления о природе советского политического режима, его достижениях и просчетах. Наибольший интерес в этом отношении вызывает историография отдельных регионов, где отмеченные особенности восприятия прошлого получили несколько отличную от общероссийской оценку. Так, на Северном Кавказе с его чрезвычайно сложным в этническом отношении составом населения, спорными границами и территориальными претензиями наследие советской эпохи пересматривается крайне неравномерно и избирательно. Причинами тому являются как нынешнее положение дел в самом регионе, многие проблемы которого связываются с «советским тоталитарным наследием», так и современное состояние исторической науки, пытающейся при помощи новых открывшихся возможностей найти ответы на злободневные вопросы прошлого.

В ряду таких вопросов ранней советской истории 1920–1940-х гг. — причины участия горского населения в революциях начала века; цели и характер национально-государственного строительства и вызванные им административно-территориальные преобразования в регионе; повстанческое движение и репрессии в отношении национальной элиты; участие северокавказских народов в Великой Отечественной войне, их депортации и реабилитация; оккупация, партизанское движение и коллаборационизм. Их выдвигание на передний край «боев за историю» связано не только с длительной ангажированностью изучения советского прошлого, выработавшего особый «историко-партийный» тип его описания, но и с происходящими именно в этом направлении серьезными

изменениями. Они проявляются как в попытках создания новой концепции региональной истории, так и в придании отдельным ее сюжетам ключевой направленности, резко изменившей развитие и судьбы народов региона.

Раскрытию механизмов формирования нового историографического пространства советской истории региона, ее взаимоотношениям с «большой» наукой и политикой и посвящено данное исследование. Его авторы поставили перед собою довольно непростую и вместе с тем вполне оправданную задачу: показать, как на протяжении небольшого, но крайне беспокойного в профессиональном и общественно-политическом отношении десятилетия менялись образы советского прошлого; как, вторгаясь в несовременную им действительность, они меняли тотальность своего изложения и оценки когда-то произошедших событий. В содержательном отношении исследование включает в себя не только конкретные историографические сюжеты, но и обращение к проблемам более общего порядка. Вниманию профессионального читателя предлагается небольшой очерк о становлении исторической регионалистики, в пространстве которой создается новая региональная история; сюжет о месте источника в современной системе исторического познания и его воздействии на характер и современные практики изучения прошлого. Такое, на первый взгляд, «странное соседство» объясняется возрастающей ролью методологии и теоретического источниковедения в работе историка, ее увеличивающейся зависимостью от эпистемологических новаций последнего времени.

Обращение к историографическому осмыслению конкретных сюжетов продиктовано, помимо всего прочего, профессиональными интересами авторов, почти двадцать лет безуспешно «осваивающих» советское прошлое народов Северного Кавказа. Многие идеи, нашедшие отражение на страницах данной книги, стали органическим продолжением их предыдущих работ, потребовавших своего дальнейшего развертывания и наполнения новым содержанием¹. Наконец, решающим обстоятельством, побудившим авторов обратиться к сугубо историографическому жанру, стали возможности самой историографии в понимании того, каким образом проис-

¹ См.: Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003; Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М., 2004 и др.

ходит формирование наших представлений о еще совсем недавно забытом прошлом, почему оно оказывается таким разным и изменчивым.

Насколько нам удалось решить поставленную задачу, судить читателям. Надеемся, что книга окажется полезной и востребованной не только специалистами, но и всеми теми, кто интересуется советской историей и ее современным прочтением.

Введение, разделы 1.1, 1.2, 2.1, 2.2, 2.3 и заключение написаны д.и.н. Т.П. Хлыниной; разделы 1.3, 3.1, 3.2, 3.3, 4.2, 4.3 — д.и.н. Е.Ф. Кринко, раздел 4.1 написан совместно.

Глава 1

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 1920–1940-х гг.: КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОИСКА

§ 1.1. Историческая регионалистика и региональная история

Развитие современного исторического знания представляет собою сложный и противоречивый процесс, в пространстве которого осуществляется взаимодействие различных по своей методологической природе направлений исследовательского поиска. Подобное многообразие идейных представлений и теоретических подходов обусловлено как внутренними проблемами самой исторической науки, так и общими процессами, протекающими в интеллектуальной сфере. Их результатом становится широкомасштабная ревизия эпистемологических основ гуманитарного знания в целом, сохраняющая свои специфические особенности в отношении его отдельных отраслей.

Изменения, происходящие в процессе постижения прошлого, сопровождаются не только стремительным обновлением явно устаревших историографических положений и объяснительных схем. Они свидетельствуют и о намерении профессионального сообщества выработать определенную систему ценностей, позволяющих ему ориентироваться в ситуации одномоментного сосуществования противоположных воззрений и концепций. В данной связи особую значимость приобретает вопрос об отношении к предшествующему опыту решения тех или иных проблем исторической науки. Значительную помощь в его разрешении способен оказать историографический анализ. В нем находят свое отражение как смена исследовательских приоритетов в изучении определенной области исторического познания, так и ее взаимосвязь с идейно-

политическими и мировоззренческими переменами в жизни страны. В этом отношении не является исключением и обращение к историографическому осмыслению опыта советского прошлого народов Северного Кавказа.

Его своевременность и познавательная значимость определяются, на наш взгляд, двумя принципиально важными обстоятельствами. С одной стороны, советская история национальных регионов страны все еще содержит в себе немалое количество мифологизированных сюжетов, в пространстве которых зачастую переплетаются вымысел и откровенная фальсификация реалий прошлого. С другой — в развитии историографии самой проблемы обнаруживается своеобразный симбиоз из идеологических брендов советской эпохи и попыток ее научного осмысления.

Столь парадоксальное, на первый взгляд, положение имеет своим следствием восприятие народами региона советского наследия, и прежде всего таких его достижений, как обретение государственной самостоятельности и победа в Великой Отечественной войне в качестве безусловной и исторически выстраданной ценности, не подлежащей критическому переосмыслению. К сожалению, процесс влияния научной практики и вырабатываемых ею понятий на формирование самосознания различных народов еще не стал предметом специального исследования. Хотя именно он мог бы оказаться серьезным подспорьем в понимании тех изменений, которые произошли в развитии региона в предыдущем столетии.

Наконец, нельзя не отметить возросший интерес исследователей к так называемой региональной проблематике. История отдельных областей и местностей, а также населяющих их народов начинает определять собою облик современного историописания. Если ранее историки настойчиво искали в местном материале подтверждения общероссийских закономерностей, то на сегодняшний день они предпочитают видеть в нем самобытную страницу российской истории. Зачастую не менее самобытной оказывается и региональная историография, что и находит свое подтверждение в изучении советской истории народов Северного Кавказа. В данной связи представляется целесообразным обратиться к анализу становления и дисциплинарного роста относительно нового направления исследовательского поиска — исторической регионалистике, в пространстве которой региональная история получает дополнительный импульс своего развития.

Становление новой российской государственности, начавшееся сразу же после распада СССР, привело к ряду серьезных изменений в области организации и практики исторических исследований. Будучи идеологическим рупором свершений «первой в мире страны победившего социализма», историческая наука в демократизировавшейся России нуждалась в явной перестройке. При этом осознание необходимости внутреннего обновления науки существенно уступало потребностям политической конъюнктуры. Дискредитация преимуществ советской административно-политической системы в условиях обострившихся межэтнических противоречий, множасьих исторических обид и претензий народов друг к другу в конечном итоге привели к регионализации профессиональной историографии.

Процесс регионализации исторической науки, начавшийся в 1990-е гг. и совпавший с самоопределением российских территорий, являлся ответной реакцией новых субъектов на исчезновение координирующего научного центра и распад сложившихся институциональных взаимосвязей в области изучения прошлого. В содержательном отношении он свелся к преимущественному изучению «собственной» истории, а также ее «правильному» истолкованию. Наиболее сложной и неоднозначной оказалась ситуация в полиэтничных районах страны, где история региона зачастую произвольно подменялась историей ее титульных народов. Следствием такого переосмысления региональной истории стало усиление этноцентризма — исследовательского подхода, для которого характерны сочувственная фиксация черт своей этнической группы, вплоть до выделения этнонационального фактора в качестве основного критерия исторического познания¹. Начавшийся всплеск активности национальных историй привел к тому, что у многих российских народов обозначились собственные приоритетные темы исследований. Так, чеченцы сосредоточились на изучении создания имамата Шамиля, адыги — на последствиях Кавказской войны и махаджирства, репрессированные народы — на преступлениях эпохи сталинизма. Народы Урала и Поволжья ревизию региональной истории начали с национальных движений конца XIX — начала XX вв.

Отличительными чертами регионализации исследовательской практики в рассматриваемый период времени становятся

¹ Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М., 2003. С. 5.

прогрессирующая самодостаточность местного историописания и его позиционирование в качестве одной из наиболее активно развивающихся отраслей социально-гуманитарного знания. По оценкам специалистов, эта тенденция вполне объяснима и связана с потребностью в прагматизации и технологизации социально-гуманитарных исследований в целом, а также с особенностями современного этапа развития России как сложной этнофедеральной системы. Потребность в осмыслении причин кризисных явлений на региональном уровне, необходимость обобщения позитивного и негативного опыта развития российских территорий, нацеленного на получение востребованного в практическом отношении знания, придают регионологическим исследованиям прошлого вполне обоснованный и профессионально легитимный характер.

В настоящее время приобретает широкое хождение и укореняется понятие «региональная наука», появившееся еще в 1950-е гг. Происходит перестройка системных и институциональных основ научного знания, формами которых все чаще становятся глобалистика и регионалистика. Они оказывают заметное воздействие на отраслевую историческую науку, ее инфраструктуру, язык и стиль исторического письма. Подобного рода изменения находят свое отражение и в структурных преобразованиях, произошедших в системе академического знания в целом. На сегодняшний день в системе Российской академии наук действуют 3 региональных отделения (Уральское, Сибирское и Дальневосточное) с входящими в них 21 научным центром и 14 самостоятельных региональных научных центров (Кольский, Санкт-Петербургский, Карельский, Научный Центр РАН в Черноголовке, Пущинский, Троицкий, Южный, Кабардино-Балкарский, Владикавказский, Дагестанский, Саратовский, Самарский, Казанский и Уфимский).

Необходимость создания ряда из них была вызвана прежде всего практическими потребностями в заполнении академических лакун, образовавшихся во многих российских регионах после распада СССР. Например, на Юге страны в бывших союзных республиках вместе с остальной инфраструктурой осталось около 300 академических институтов. В этой связи в ранг государственных задач поставлено расширение присутствия РАН на Юге России и развитие фундаментальных исследований в данном регионе¹.

¹ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов-на-Дону, 2006. С. 14–15.

Следует отметить, что необходимость создания академического научного центра на Юге России обсуждалась достаточно давно. Впервые вопрос о нем был поставлен еще в июле 1931 г., когда состоялась Чрезвычайная выездная сессия Академии наук СССР. С докладом об организации академических филиалов и баз выступил президент АН СССР В.Л. Комаров. По итогам доклада Общее собрание АН СССР приняло решение о создании академической базы в Ростове-на-Дону, оставшееся невыполненным из-за разделения Северо-Кавказского края на другие административно-территориальные единицы. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности создания филиала АН СССР в Краснодаре, но и этот проект остался нереализованным. Тем не менее в послевоенное время на Северном Кавказе возникли первые академические научные центры. В 1949 г. был создан Дагестанский филиал АН СССР (в настоящее время — Дагестанский научный центр РАН), затем — Кабардино-Балкарский и Северо-Осетинский (Владикавказский) научные центры. Но созданию единого академического научного центра воспротивились руководители союзного и республиканского министерств высшего и среднего специального образования. Вместо этого они поддержали организацию в 1969 г. в Ростове-на-Дону Северо-Кавказского научного центра высшей школы, сыгравшего свою роль в интеграции науки и высшего образования региона.

В 1991 г. президент АН СССР Г.И. Марчук, находясь в Краснодаре, высказался за «продвижение Академии наук на юг». Однако в последующее десятилетие Академия наук и ее структурные подразделения с трудом решали проблемы выживания, резко сократилось их финансирование, вызвавшее своеобразную «утечку мозгов», отток научных работников за рубеж и в другие сферы занятости. Только в начале 2000-х гг. ситуация в стране стала постепенно меняться. Немаловажное значение имели создание Южного федерального округа и поддержка, оказанная полномочным представителем Президента Российской Федерации в ЮФО. К этому времени на Юге России сложились различные научные школы исследователей в гуманитарной и социальной сфере, часть из которых получила широкую известность за рамками своих регионов. Тем не менее сама исследовательская инфраструктура долгое время развивалась бессистемно, без общегосударственной и ведомственной программы, в результате академические научные учреждения социального и гуманитарного профиля оказались распределены крайне неравномерно.

В настоящее время в составе Дагестанского научного центра РАН действуют Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства, Институт социально-экономических исследований, региональный центр этнополитических исследований. Кабардино-Балкарский научный центр включает Институт гуманитарных исследований и Институт информатики и проблем регионального управления. Во Владикавказский научный центр входят Институт гуманитарных исследований и социальных исследований, центр скифо-аланских исследований, отдел региональной экономики и управления. В то же время в ряде наиболее крупных субъектов ЮФО (в Ростовской и Волгоградской областях, Краснодарском и Ставропольском краях) вплоть до недавнего времени отсутствовали специальные академические институты в сфере гуманитарных и социальных исследований.

В декабре 2002 г. Президиум и Общее собрание РАН приняли решение о создании Южного научного центра РАН, а в 2004 г. в его составе был создан гуманитарный отдел, впоследствии преобразованный в объединенный отдел социально-политических и экономических проблем южных регионов. Научные подразделения отдела были образованы в Ставрополе, Волгограде и Краснодаре, обсуждались вопросы возможности их создания и в других субъектах ЮФО. Одним из исследовательских подразделений стала лаборатория региональной истории и казачества.

20 мая 2008 г. Президиум РАН принял постановление о создании на основе Объединенного отдела Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН. Целью института является проведение комплексных социально-политических, экономических и гуманитарных исследований южного макрорегиона как целостного объекта научного познания для выявления закономерностей его функционирования, моделирования и прогнозирования развития в рамках единого политико-правового, экономического и социокультурного пространства России.

Несмотря на предпринимаемые усилия, на Юге страны сохраняется этнотерриториальная разобщенность гуманитарной и социальной науки, что находит выражение в узости разрабатываемой проблематики многих научно-исследовательских учреждений, занятых по преимуществу изучением региональных проблем, ориентированных на конкретные титульные этносы. В условиях дефицита серьезных исследований растет число публикаций, имитирующих

научную продукцию, содержащих недостаточно достоверные, мифологизированные, идеологически и политически ангажированные оценки исторических процессов и современного состояния дел на Юге России. В результате складывается парадоксальная ситуация, при которой российский бюджет несет расходы по организации исследований, результаты которых способствуют разрушению единого историко-культурного пространства страны¹.

На сегодняшний день в определении самого концепта региональной истории, области и границ его бытования существует немало разногласий. Прежде всего, речь идет о разграничении предметных полномочий таких направлений исследования, как регионалистика/регионология, краеведение/историческое краеведение, локальная история/новая локальная история, провинциальная/региональная/местная история и историография. Впервые вопрос о дисциплинарном статусе региональной истории был поставлен в рамках международного семинара «Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт», организованного Институтом «Открытое общество» в Санкт-Петербурге в 2000 г.

Анализируя опыт и существующую практику решения аналогичных проблем, С.О. Шмидт предложил разграничить предмет краеведения и регионалистики по широте охватываемых ими явлений: «В наши дни регионология (или регионалистика) утвердилась как междисциплинарная научная и просветительская деятельность на стыке наук гуманитарного и иного профиля... Это комплекс более широких (и в тоже время менее конкретизированных) знаний, чем краеведение, включающих современное состояние региона и сферу политологии... Под краеведением понимают не только науку, изучающую развитие и современное состояние конкретных региональных сообществ и территорий, но и научно-популяризаторскую и просветительскую работу определенной тематики: о прошлом и настоящем какого-либо края (обычно своего родного — “малой родины”) и его памятников. Объектом интереса краеведа может быть местность разного пространственного масштаба и культурно-исторического значения...»².

¹ См.: Батиев Л.В., Кринко Е.Ф. Проблемы интеграции социальных и гуманитарных наук на Юге России // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты. Краснодар, 2008. С. 190–192.

² Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России. URL: <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>

В то же время взятый за основу пространственный масштаб позволяет рассматривать региональную историю и как историю «конкретных региональных сообществ и территорий», включающую в себя историко-научную и историографическую составляющую краеведения¹; историю места, под которым понимается «совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность»²; историю научного «микросообщества» в виде «школы», «направления», «течения» исторической мысли³. При этом нередко история края понимается в качестве региональной или провинциальной историографии⁴, а историческое краеведение отождествляется с регионалистикой⁵.

На «новый» пространственный масштаб истории указывает и новая локальная история». Ее организационное становление и исследовательская институционализация основываются на «рефлексии о способности видеть целое прежде составляющих его локальных частей, воспринимать и понимать контекстность, глобальное и локальное, отношения исторических макро- и микроуровней. Изучаемый локус предполагает не-локальность, так как исследовательская операция строится на признании глубокой взаимной детерминации “внешнего” и “внутреннего”. Происходит осознание того, что “исторический ландшафт” не дан историку; историк должен его построить сам»⁶. В отличие от традиционного подхода к изучению местной истории «новая локальная история» сама определяет объект своего изучения, который заранее не задан ей территориальными рамками.

¹ Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России. URL: <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>

² См.: Гамаюнов С.А. Местная история: проблемы методологии // Вопросы истории. 1996. № 9.

³ Михальченко С.И. Киевская школа в российской историографии (школа западнорусского права). М.; Брянск, 1996; Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001.

⁴ Бердинских В. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003.

⁵ Маловичко С.И., Мохначева М.П. Регионалистика — историческое краеведение — локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости». URL: <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>

⁶ Новая локальная история: методы, источники, универсальная и провинциальная историография: Материалы научной конференции. URL: <http://nlh.stavsu.ru>.

Многообразие бытующих версий, претендующих на определение предметных границ региональной истории, связывается и с не всегда ответственным отношением исследователей к рабочим языкам историографии. В этом отношении С.И. Маловичко и М.П. Мохначева отмечают: «Авторские трактовки этих предметных полей... демонстрируют различные точки зрения на субъект и объект историографического дискурса и историографического “письма” (текста)»¹.

Не менее дискуссионным остается и понимание региональной историографии, в истолковании предмета и дисциплинарного статуса которой сохраняется целый ряд нерешенных вопросов. Следует отметить, что интерес к региональным особенностям российской истории имеет давние традиции и восходит к появлению первых центров местного летописания на рубеже X–XI вв. Региональная история как область исторических исследований прошла долгий путь от простого собирательства древностей и описаний местной истории в XVIII в. до академических исследований конца XIX в. Однако если в первой половине XX в. в пространстве «большой» историографии она занимала второстепенное место, то за последние десятилетия ее статус коренным образом изменился.

В современных историографических исследованиях региональная составляющая чаще всего определяется понятием региональной историографии. Как исследовательская категория она соединяет в себе частное и общее и представляет собой определенное пространственно-временное выражение единого историографического процесса. Ее появлению, по заключению современной украинской исследовательницы И.И. Колесник, способствовали две группы факторов. Первая оказалась тесно связанной с процессами самоидентификации локальных общностей на территории бывшего союзного государства и становлением в их рамках национальных историографий. Понятие регионального в данном случае выступает в качестве способа самоопределения локального во всемирном процессе, преодоления провинциализма и интеллектуальной изолированности. Вторая — со спецификой развития историографического процесса последней трети XX в., которая ознаменовалась расширением локальных исследований.

Исследовательница предлагает в качестве широкого понимания региональной истории науки изучение ее прошлого, отделенного от

¹ Маловичко С.И., Мохначева М.П. Указ. соч.

таких структур, как российская, польская, австрийская историческая наука. В узком значении это понятие может использоваться для изучения прошлого науки в отдельном регионе или родном крае. В широком социокультурном плане региональное выступает как общее. Это положение на примере украинской исторической науки И.И. Колесник иллюстрирует следующим образом: в своих научных формах украинская историография возникает в XVIII в., но в Левобережной Украине, включенной в состав Российской империи, она существует как определенное направление общероссийской исторической науки. При этом если рассматривать становление украинской историографии в контексте украинского национального возрождения, то она выступает уже в качестве региональной в широком значении этого слова¹.

Таким образом, категория «региональная историография» представляет проекцию понятия локальной истории на область истории исторической науки, способ осмысления всеобщего историографического процесса через национальное или локальное. В сам же предмет региональной историографии входят состояние научных и учебных учреждений, а также характер исследовательской работы в различных областях исторического познания.

По мнению другой украинской исследовательницы Я. Верменич, региональная историография представляет собою научное направление, которое предметно исследует закономерности становления и развития исторической мысли в конкретных регионах и процесс изучения региональной специфики. Вместе с тем региональная историография выступает и как подсистема страноведения. Отмечая, что предлагаемое определение все-таки не дает ответа на вопрос об объекте изучения региональной историографии, Я. Верменич предлагает разграничить области научного поиска. От региональной историографии следует отделить историографию региональных исследований, в сфере внимания которой должны находиться вопросы обобщения развития научного знания в регионах; проблемную историографию регионов, которая должна заниматься исследованием в историческом разрезе региональных особенностей и обобщением знаний о регионах.

Рассуждая о соотношении проблемных полей исторической регионалистики и исторического краеведения, Я. Верменич считает,

¹ Попова Т. К анализу региональной историографии: институциональный подход. URL: http://www.crs.org.ua/data/Regional_Historiography...

что за пределы краеведения должна выходить та сфера региональной историографии, которая исследует региональную специфику развития исторической мысли. Именно поэтому региональную историографию следует воспринимать в двух ипостасях, выделяя онтологический и гносеологический ракурсы ее рассмотрения. Они включают в себя, с одной стороны, ее восприятие в качестве некой реальности историографического процесса в его локально-хронологическом измерении и, с другой, исследовательскую рефлексию этой реальности. Их взаимосвязь и относительная самостоятельность существования, собственно, и позволяют разграничить понятия региональной историографии как области изучения от региональной историографии как результата познавательного процесса. Поскольку историографический процесс подавляющим большинством исследователей признается аналогом понятия истории исторической науки, постольку и его региональная составляющая подчиняется той же номенклатуре исследовательских подходов¹.

Наряду с внешними по отношению к саморазвитию исторической науки аспектами существуют и внутренние потребности по уточнению предметных границ региональной историографии, что во многом обусловлено представлениями самих историков о базовых ценностях своей профессии. Нередко эту потребность связывают с проблемой дилетантизма в науке, необходимостью изучения взаимоотношений научного и околонучного пространства, деятельности историка-профессионала и историка-любителя, выяснения роли непрофессиональных исследователей в разработке проблематики научно-отраслевого знания. Зачастую попытки решения данной проблемы ограничиваются верификацией таких понятий, как провинциальная историография и историческое краеведение.

По заключению специалистов, концепт «провинциальная историография» требует более аккуратного обращения в работах по региональной и местной истории второй половины XIX и особенно XX столетий. Его появление в исследовательской практике отечественной исторической науки связано с развитием историописания в российской глубинке. Далеко не сразу в научном сообществе родилось понимание того, что в каждой национальной историографии у этой категории будут свои хронологические рамки, уточне-

¹ Попова Т. К анализу региональной историографии: институциональный подход. URL: http://www.crs.org.ua/data/Regional_Historiography...

ние которых напрямую связано с миром национальной культуры, с особой социокультурной средой провинции.

В российской региональной историографии за последнее время произошли достаточно серьезные изменения, которые требуют более глубокого осмысления, нежели это представлялось ранее. Ряд из них связан с последовательным отходом современной историографии от традиционной методологии и слабой методической подготовкой специалистов. Они достаточно противоречивы и определяются не столько поиском новых методологических решений в организации исторического знания, сколько разрушением системы подготовки специалистов-историков, в том числе и в области региональных исследований.

Несмотря на переживаемые региональной наукой трудности, в качестве положительных изменений следует отметить усиление позиций региональной историографии с присущими ей специфическими интересами и темами, а также ярко выраженными регионально-цивилизационными подходами. Наблюдается институциональное становление отдельных направлений региональных исследований, идет процесс формирования региональных научных центров и самостоятельных школ.

О повышении значимости российской исторической регионалистики свидетельствует и состоявшаяся в июле 2006 г. международная конференция «Региональные школы русской историографии». Организатором ее проведения выступил Центр русистики Будапештского университета. На форуме рассматривался широкий круг проблем: от специальной терминологии и обобщения истории развития региональной историографии до конкретных вопросов, касающихся различных аспектов истории России. Анализировались понятия «научная школа», «регионалистика», «краеведение», обсуждались итоги и перспективы развития постсоветской исторической науки. Поднимались проблемы шотландской школы русской историографии, московской и петербургской историографических школ, их существования и взаимоотношения. Докладчики касались таких тем, как гендерные исследования, изучение истории казачества, концепция раскола в русской церкви, региональная историография Гражданской войны в России.

Большой интерес вызвал доклад директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН, председателя его Объединенного ученого совета по гуманитарным наукам академика

В.В. Алексеева, подробно рассказавшего об особенностях формирования уральской региональной школы. Он отметил, что уральская региональная школа изначально имела определенный, независимый от времени и научной или политической конъюнктуры предмет исследования — историю региона. Спектр проблем, разрабатываемых уральскими историками, чрезвычайно широк. Это колонизация Урала, развитие горнозаводской промышленности и промышленный переворот, история индустриального развития и рабочего класса, аграрная сфера, научно-техническая политика, культура, социально-политическое развитие и многие другие. При этом особое место занимают специализированные школы, среди которых школа византиеведения, политической и духовной культуры Запада, историографическая школа, школа российских модернизаций. Уральскую научную школу отличает не только интерес к собственно исторической проблематике, но и глубокое внимание к научной организации исследований, к теоретическим, методологическим, источниковедческим основам, творческим лабораториям крупнейших ученых. Подобная основательность и обеспечивает ей общероссийское и международное признание¹.

За последние десятилетия в отечественной исторической науке произошли большие перемены, в том числе в плане институциональной и корпоративной организации региональных исследований. Учебно-научный центр краеведения и москвоведения Российского государственного гуманитарного университета (далее — РГГУ), кафедра региональной истории и краеведения факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ вот уже более десяти лет занимаются разработкой региональной истории России и исторического краеведения. Значительно активизировалась деятельность Российского общества интеллектуальной истории. В 2001 г. на базе Кубанского государственного университета был создан Междисциплинарный научный центр историко-психологических исследований². Успешно развиваются исследования в области гендерной истории, исторической антропологии, регионального научного сообщества и других новаторских направлений.

¹ Алексеев В.В. Уральская школа историков на международном форуме. URL: http://www.uran.ru/gazetanu/2006/07/nu16_17/wvmnu.

² Междисциплинарный научный центр историко-психологических исследований. URL: <http://mncipi.narod.ru>.

В 2002 г. на базе Ставропольского государственного университета при активном содействии ученых и преподавателей Историко-архивного института РГГУ был создан научно-образовательный центр «Новая локальная история», одной из программных задач которого является поиск путей преодоления теоретико-методологической пороговой несовместимости «старой» и «новой» традиции в российской историографии региональной истории¹. Аналогичную задачу включил в свою программу недавно созданный в Рязанском государственном педагогическом университете Центр исторического регионоведения и краеведения. Продуктивные научные разработки региональной истории, географии, экономики, культуры ведутся в Сибири силами университетских преподавателей Омска, Томска, Новосибирска.

Достижения исторической регионалистики получают свое освещение на страницах научно-публицистического журнала «Региология». Его разделы включают теоретические аспекты региональных проблем, блок практической информации, преимущественно правового характера, рубрики «Региональная историография» и «Провинциальная культура». Тем самым проблемное поле и потребности регионоведения смыкаются с интересами исторической науки, теории и истории культуры, культурологии, ряда социальных наук.

Появление и развитие электронной сети Интернета предоставили научному сообществу историков новую технологию научно-информационного обмена, которая кардинально изменила ситуацию в отношении не только любительского, но и профессионального изучения региональной истории. Анализ обращения к ресурсам российского сегмента Интернета, ведущим и наиболее посещаемым поисковым системам Yandex и Rambler, позволили М.П. Мохначевой сделать следующие выводы. В первой наиболее посещаемыми оказались 158 сайтов, во второй — 250 сайтов, содержащих разнообразную информацию по исторической проблематике, истории науки и техники, культуры, духовной и политической жизни общества в прошлом и настоящем. По отечественной истории в системе Yandex представлено 39 сайтов, в системе Rambler — 53; по всеобщей истории — соответственно 31 и 55; по этнографии и региональной истории — 19 и 10. Самыми известными среди пользователей, ежедневно посещаемыми веб-страницами по истории российской

¹ Научно-образовательный центр «Новая локальная история». URL: <http://www.newlocalhistory.com>.

провинции и провинциальной культуры XVIII–XIX вв. являются проект двуязычной (англо-русской) цифровой библиотеки «Встреча на границах» — «Meeting of Frontiers» и проект PULMAN-XT.

Опыт создания цифровой библиотеки «Встреча на границах» получил продолжение и развитие в проекте PULMAN-XT, реализация которого начата в 2001 г. при финансовой поддержке Европейской комиссии ЕЭС в рамках программы IST (Information Society Technologies). В этом проекте участвуют библиотеки и библиотечные ассоциации 36 стран — членов ЕЭС и кандидатов на вступление в ЕЭС. От России в проекте участвует Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского (Санкт-Петербург). В число задач проекта входит содействие объединению на местном уровне усилий библиотек, музеев и архивов по обеспечению посредством электронных источников широкого доступа пользователей Интернет к мировому и национальному культурному наследию¹.

Среди вузовских сайтов, специально посвященных разработке региональной истории, истории российской провинциальной культуры и историографии, следует отметить сайт «Новая локальная история» Регионального научно-образовательного центра (далее — РНОЦ) Ставропольского государственного университета, созданный при поддержке и участии Историко-архивного института РГГУ. В число основных кросс-исторических полей программы «Новая локальная история» РНОЦ входят сравнительное источниковедение локальной истории, интеллектуальная история Ставрополья, Северного Кавказа, история повседневности, городская история, а также новая биографика. В мае 2003 г. РНОЦ и Историко-архивный институт РГГУ провели первую Всероссийскую научную интернет-конференцию «Новая локальная история: методы, источники, универсальная и провинциальная историография».

Анализ развития исторической регионалистики показывает, что в ходе реализации исследовательских программ компьютерные базы данных по локальной истории создаются очень редко. Имеющиеся же в качестве инструмента исследования истории региона практически не используются, поскольку нацелены на достижение в первую очередь популяризаторской или образовательной цели. Общий их недостаток — нечеткость структуры и низкий уровень пред-

¹ Мохначева М.П. Internet-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. и задачи научного краеведения. URL: <http://his.1september.ru/2004/34/26.htm>.

ставительности данных, а также ориентация на фактологию, а не на источники. При этом потенциальные возможности баз данных для изучения региональной истории не ограничиваются лишь сугубо спекулятивной стадией исследования. Как свидетельствует опыт разработки базы данных по истории Латгальского края «Latgales Dati»¹, наиболее перспективной является возможность гибкого моделирования истории региона, при котором база данных уже в своей структуре отражает факторы, определяющие идентичность края, а через них — и его историческую специфику. В результате, по заключению специалистов, сама база становится динамической моделью истории региона, видимой через призму источников².

Подводя итоги, следует отметить, что историческая регионалистика как самостоятельное исследовательское направление переживает период своего институционального становления. Динамизм ее развития определяется как общими переменами, происходящими в отечественной исторической науке, так и усилением позиций самих регионов и соответственно региональных научных центров. Отсутствие четкой дефиниции, определяющей предмет и область исследовательских задач региональной истории, ее предельно широкий и междисциплинарный характер позволяют рассматривать региональное историописание в качестве составной части российской историографической традиции, чьи усилия направлены в основном на изучение процесса отражения единичного в общем.

Современный этап исторических исследований, в той или иной мере связанных с изучением советского прошлого Северного Кавказа рассматриваемого периода времени, во многом определяется общим состоянием отечественной историографии в целом. Вместе с тем на его развитие существенное воздействие оказывают и сугубо региональные особенности, порождаемые сложившейся инфраструктурой и типом «местного» историописания с присущими ему сюжетными приоритетами и представлениями о предназначении истории как таковой. Таким сюжетным выбором для региональной историографии на долгие годы стали темы обретения государственной самостоятельности и жертвенного подвига северокавказских

¹ URL: <http://www.dpu.lv/LD>.

² Иванов А.С. База данных как динамическая модель истории региона. URL: <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/30/99.html>.

народов в годы Великой Отечественной войны. Их исследовательские судьбы складывались по-разному, что, собственно, и нашло свое отражение в принципиально разной манере историографического анализа двух предлагаемых вниманию читателя проблем. Так, если для понимания современной историографической ситуации в области изучения национально-государственного строительства потребовался сравнительно небольшой, но довольно объемный экскурс в прошлое, то анализ исследовательских практик в отношении военной тематики оказался в большей степени нацеленным на выявление ее взаимосвязи с происходящими сегодня в историографии изменениями.

§ 1.2. Национальная государственность: между историческим знанием и региональными практиками историописания

Сюжет, связанный с изучением национальной государственности, для отечественной историографии достаточно традиционен. Пожалуй, его следовало бы отнести к извечным вопросам регионального историоисания, чья непреходящая актуальность присутствует на страницах исторических сочинений с момента появления национальных автономий на политической карте страны. С тех пор прошло немало времени, а дискуссии относительно природы и предназначения «административно-территориальных образований с этнической спецификой» до сих пор интригуют воображение исследователя. Эта интрига во многом определяется обстоятельствами сугубо внешнего характера, связанными с административно-политическими и экономическими преобразованиями последних десятилетий. Вместе с тем в ней присутствует и элемент исследовательского поиска, концентрирующийся вокруг вопроса о том, что и с какой целью строилось на Северном Кавказе все годы советской власти. Попытки ответа на него с определенной долей условности можно подразделить еще на две группы поисков: одна из них нацелена на выявление мотивов участия горцев в революции 1917 г., с которой нередко отождествляется оформление идеи государственной самостоятельности народов региона; другая — подчинена выявлению правовой и политической сущности национальной автономии. При этом вне зависимости от направления предпринимаемых по-

исков и полученных результатов становление национальной государственности на Северном Кавказе признается процессом исторически оправданным и объективным по своей сути.

Современная историография рассматриваемой проблемы достаточно неоднородна и демонстрирует как приверженность сложившимся традициям ее изучения, так и стремление к применению теоретико-методологических достижений последних десятилетий. Совмещение этих двух исследовательских практик приводит зачастую к весьма любопытным «открытиям», демонстрирующим поиски новой модели понимания проблемы. Ее неотъемлемой частью следует признать и предпринимаемые исследователями усилия по наполнению концепта «национальная государственность» новым содержанием. Для понимания сути происходящих в этом направлении обновленческих процессов следует иметь в виду два принципиально значимых обстоятельства.

Во-первых, в своей профессиональной деятельности историк национально-государственного строительства сталкивается с множеством понятий, происхождение и смысл которых до сих пор остаются спорными. Одним из них следует признать советскую национальную государственность, представления о которой складывались под воздействием не столько научных, сколько политических и идеологических потребностей времени. В результате существующие в литературе определения советской национальной государственности едва ли способны с достаточной степенью надежности пояснить природу и социальную значимость подобного рода образований, а также охватить собою все реальное многообразие ее форм.

В распоряжении историка находятся термины письменных источников, специальные понятия, которые вырабатываются им для систематизации разнородного фактического материала и категории иных гуманитарных дисциплин, обеспечивающих историческому исследованию необходимый уровень научной абстракции и взаимосвязь с различными областями жизни общества. Термин «советская национальная государственность» принадлежит к специально созданным понятиям. Его создание обосновывалось как реальным фактом существования самих автономных образований, так и практической потребностью объяснить их отличие от других форм административно-территориального устройства страны.

Во-вторых, в 1920–1980-е гг. представителями советской школы государственного права и историками велись плодотворные дискус-

сии, в результате которых при всей разности понимания сути исследуемой проблемы было достигнуто согласие относительно природы национальной государственности. Она признавалась исторически изменчивой и ограниченной в своих политико-правовых возможностях порождающим ее союзным (или федеральным) органом власти. В данной связи в 1920-х гг. возникло и соответствующее понятие «правовой октроизм»¹.

Современная историографическая практика оказалась на редкость невосприимчивой к теоретическому наследию предшественников. Традиции широкого обсуждения применяемых исследователями понятий уступили место не менее широким доктринальным построениям. Многие из них, при всей масштабности и многоплановости решаемых проблем, используют те же «скомпрометированные временем и практикой социалистического строительства» определители. В частности, такие понятия, как «национальная государственность» и «национально-государственное строительство» применяются по отношению ко всем периодам существования автономных образований. Со страниц профессиональных исследований исчезают и те смысловые коннотации, посредством которых автономная область отграничивалась от автономной республики и автономного округа². При этом ряд исследователей по-прежнему усматривает в национально-государственных образованиях «акт доброй воли молодого советского государства», а их оппоненты видят в них «стремление народов к самосохранению в условиях революционного хаоса»³. В последнее время наметилась интересная тенденция рассматривать такого рода образования в качестве воплощения этнического национализма⁴.

¹ См. подробнее: Алферова Е.А. Советская автономия и федерация — государственно-правовые формы решения национального вопроса (исследования ученых-правоведов 20-х годов). М., 1989; Хлынина Т.П. Советская национальная государственность: природа, понятие, образ. Майкоп, 2001; Ее же. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М., 2003.

² В качестве исключения хотелось бы обратить внимание на коллективное исследование: Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1998.

³ См. подробнее: Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX века в России // Вопросы истории. 2000. № 1.

⁴ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999. С. 33.

Следует отметить, что очень многие трудности познавательного характера сопряжены прежде всего с неопределенностью в отечественной историографии таких ключевых понятий, как нация и этничность. Именно они лежат в основе современных научных представлений о сущности и характере национально-государственного образования и тесно с ним связанного процесса национально-государственного строительства. Их смешение или, напротив, достаточно расширительное толкование приводят и к своеобразному пониманию природы и предназначения первых автономных образований, а также пояснению их последующего преобразования в национальную государственность.

В этом отношении представляется далеко не случайным утвердившееся в отечественной правовой мысли 1920–1930-х годов понятие национальной автономии. Оно абсолютно верно указывало на объем полномочий и законодательных возможностей самоуправляющихся частей Российского государства. Представляется, что их последующее расширение никак не было связано с «оформившимися в годы советского строительства нациями». Более того, появление в 1960-е гг. нового термина «советская национальная государственность», скорее всего, отражало процессы хозяйственно-политического развития народов, нежели уровень их национального самоощущения. Поэтому при сопоставлении данных понятий речь должна вестись лишь о разных формах самостоятельности, а не о принципиально различных типах национально-государственного устройства.

На необходимость более осторожного употребления таких понятий, как «нация» и «национальная государственность», указывают многие современные исследователи. Наиболее последовательным сторонником данного подхода является В.А. Тишков. В частности, он отмечает, что «ученые во многих странах все больше приходят к мнению, что дать четкое определение нации как некоего объективно существующего типа социальной группы людей, как типа этнической общности не представляется возможным»¹. Тем не менее идея нации вполне реальна и реализуется с достижением народом государственности. Развивая эту мысль, исследователь подчеркивает: «Никогда в прошлом, а тем более в современной ситуации, национальная государственность сама по себе не гарантирует обеспечения прав народов, их свободного развития и, наоборот, зачастую порождает

¹ Тишков В.А. Народ, нация, государственность // Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М., 2001. С. 17.

ложные атрибуты власти и престижные формы культуры для доминирующей или «коренной» в пределах данной государственности национальности»¹. Нельзя не согласиться с ним и по поводу оценки такой формы автономии, как территориальная автономия, которая, хотя и «является дорогим удовольствием», но выполняет ряд важных функций по сохранению групповой целостности народов, поддержки их культуры и развития. Видимо, по этой причине ее опыт, по заключению В. А. Тишкова, следует сохранить и развивать².

Началось и переосмысление проблем, связанных, в частности, с определением основных этапов становления и развития национальной государственности на Северном Кавказе. В решении данной проблемы наметились две основные точки зрения. Одна из них начальным периодом образования национальных автономий возводила к Терской республике. Именно тогда, согласно ее сторонникам, шел процесс формирования как многонациональной государственности — Терской республики, так и входивших в ее состав национальных округов. Вторая точка зрения относит первый этап национально-государственного строительства у горских народов к образованию Горской АССР³. Не менее дискуссионным оказался и вопрос о природе и причинах образования самой Горской республики. Появились представления о ней не только как о первом опыте многонационального сотрудничества народов, но и как о «политически необходимом шаге, нужным в условиях борьбы за советскую власть»⁴.

История образования и развития Горской автономной республики привлекает внимание исследователей вот уже на протяжении нескольких десятилетий. Вместе с тем сам факт ее существования, причины возникновения и ликвидации не получили в отечественной историографии однозначной оценки. События того времени и связанные с ними процессы национально-территориального размежевания народов Северного Кавказа позволили не одному поколению исследователей видеть в ней первый опыт многонациональной автономии, позволившей горским народам разрешить острейшие социально-

¹ Тишков В.А. Указ. соч. С. 19.

² Тишков В.А. Что есть самоопределение? // Тишков В.А. Указ. соч. С. 54.

³ Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. // Из истории социального и коммунистического строительства в СССР. М., 1978. С. 129–131.

⁴ Там же. С. 138.

экономические и национальные противоречия своего развития: «Многонациональная Горская АССР возникла как результат поиска наиболее целесообразной формы национально-государственного устройства горских масс»¹. Более того, именно с ее возникновением связывается и начальный период развертывания в регионе самого процесса национально-государственного строительства².

Изучение национальной политики советской власти и сопряженных с нею форм и методов разрешения национального вопроса придавало опыту Горской автономии непреходящее значение. По свидетельству современного исследователя, именно «она явилась первым неформальным объединением многочисленных народов края, состоявшимся уже в совершенно новых условиях, когда завершилась Гражданская война и на передний план выдвигались меры мирного характера, хотя и оставалась еще нерешенной задача по окончательному разгрому остатков контрреволюции»³.

Создававшаяся как многонациональная автономия Горская республика продемонстрировала и возможности успешного преодоления сугубо хозяйственных проблем, и практическую безуспешность безболезненного разрешения вопросов территориального характера. Между тем «в силу своего специфического положения Горская республика строилась на территориальной, а не национальной основе. Она не носила название, соответствующее преобладающей по численности нации, как другие республики»⁴. Данное обстоятельство как раз и послужило поводом к весьма противоречивой оценке самой автономии и причин ее образования.

В последнее десятилетие изучение опыта Горской республики приобрело, как это ни парадоксально, достаточно взвешенный и ровный характер. Так, в объемном труде Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова, анализирующем сложный и противоречивый процесс взаимоотношений народов и власти на Северном Кавказе в 1920-е гг., история образования и деятельности республики заняла значитель-

¹ Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. Проблемы национально-государственного строительства: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1984. С. 13.

² Бугаев А.М. Указ. соч. С. 134.

³ Бугай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп, 1995. С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

ное место¹. Авторы подошли к оценке ее правовой природы и политической сущности не столько с позиций конкретных обстоятельств времени, сколько с точки зрения советского руководства на предназначение такого рода автономии. Сам факт провозглашения Горской республики связывался ими с деятельностью И.В. Сталина и с его пониманием происходивших в регионе событий: «Выступая на съезде, Сталин пояснил, что «автономия означает не отделение, а союз самоуправляющихся горских народов с народами России. Этот союз — есть основа горской советской автономии»². Вместе с тем исследователи обратили внимание и на такое достаточно очевидное, но не особо артикулируемое в историографии проблемы обстоятельство: «Провозглашение автономии горских народов наряду с политическим значением имело и огромное эмоциональное значение на сознание масс, способствовало росту авторитета советской власти, прочному переходу их значительной части на ее сторону, всемерной поддержке ее начинаний»³.

По заключению исследователей, Горская АССР являлась первым объединением многонациональных народов края, образцом национального мира. Она обеспечила дальнейшее развитие народов, была «удачным, хотя и временным путем концентрации усилий ранее разрозненных народов Северного Кавказа в единое многонациональное государственное образование, строившееся на административно-территориальной основе»⁴. Положение Горской республики в регионе определялось изменением политической обстановки в Закавказье и пробуждением национального сознания горских масс: «Уже на начальном этапе развития Горской автономии четко проявились политические группировки, среди них были... те, кто выступал за независимость от России; за полное объединение; 3-я группировка состояла в основном из контрреволюционеров»⁵.

В работе Н.Ф. Бугая и Д.Х. Мекулова детально проанализирована позиция руководства Кабардинского округа, с которой и начался фактический распад еще не успевшей окрепнуть и набрать силы республики. Причину своего выхода из состава автономии ру-

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп, 1994.

² Там же. С. 89.

³ Там же. С. 89–90.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же.

ководители Кабардинского округа объясняли отсутствием определенной экономической связи с остальной частью населения ГАССР. Последующие события все отчетливее свидетельствовали о процессе распада республики, приостановить который становилось все труднее. Главной причиной, предопределившей краткосрочность существования республики, стали взаимные территориальные претензии народов: «Претензии одних народов по отношению к другим разрастались как снежный ком. В качестве одной из них выступало и то, что якобы состав СНК ГАССР и ЦИКа не сможет удовлетворить взаимные притязания в принадлежности земельных угодий из-за грабежей и т. д.»¹. В целом положительно оценивая опыт многонациональной автономии края, исследователи отметили: «Народы прошли путь в организации своей государственности, то объединяясь в одну республику, то создавая свои собственные “национальные кварталы”». Наверное, для каждого определенного этапа истории было правомерным существование как одного, так и другого образования. Несомненно одно, что в основе этих мер присутствовало единство цели — создание нормальных условий для жизни народов»².

Сходные оценки образования и практической деятельности республики содержались и в вышедшем год спустя коллективном исследовании национально-государственного строительства на Северном Кавказе³. В нем особо подчеркивалась негативная роль И.В. Сталина в процессе строительства самой республики: «Очевидно, что позиция Сталина по отношению к Горской республике в данном случае сыграла заметную отрицательную роль и не была направлена на ее укрепление. Она оказалась в основе сразу же начавшихся бурных процессов по “развалу” Горской республики, хотя партийные и советские работники, занятые в республике, прикладывали немало усилий к консолидации народов именно вокруг Горской республики»⁴. Наряду с ней отмечалась и вся сложность обстановки, в которой приходилось проводить меры как по национально-государственному, так и по административно-

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 97.

² Там же. С. 115.

³ Бугай Н.Ф. Горская АССР: правомерность создания, особенности, причины и ход ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.).

⁴ Там же. С. 67.

территориальному устройству. В республике не затихал бандитизм, наблюдался отход от демократических форм решения аграрного вопроса. Нередко применялись шаблонные подходы, списанные с действий центральных властей. Становление и развитие Горской республики проходило в крайне сложной и противоречивой обстановке. Несмотря на то что «самостоятельный этап национально-государственного строительства у народов Северного Кавказа закончился полным крахом Горской республики», она строилась как объединение народов, связанных общей целью — «экономическое и культурное возрождение, укрепление позиций советской власти, разгром остатков контрреволюции»¹.

Одним из последних по времени появления исследований, посвященных непосредственно Горской автономии, стала работа А.Х. Даудова². Предпосылками создания единой советской национальной государственности на Северном Кавказе в ней названы сложная политическая и экономическая обстановка в стране, целесообразность в связи с этим объединения всех имеющихся ресурсов горских народов для защиты революционных завоеваний. По заключению исследователя, советское строительство в крае, несмотря на региональную специфику, обуславливалось в решающей степени общероссийскими тенденциями и являлось их составной частью. Вопрос о национально-государственном устройстве малых народов приобрел особую остроту по мере их освобождения и перехода к советскому строительству: «Для решения задач социалистического строительства, вставших перед горскими народами с победой Советской власти, необходимо было тесное сотрудничество этих народов, объединение их экономического потенциала и культурных сил. Ни один из горских народов в отдельности не был в состоянии своими силами решить задачи ликвидации политической, экономической и культурной отсталости, искоренения всех контрреволюционных элементов и банд, строительства социалистического общества»³.

Исследователь связал упразднение Горской республики с задачами совершенствования системы государственного управления в регионе и социалистическими преобразованиями на Кавказе. Образование Северо-Кавказского края, которое завершило курс на

¹ Бугай Н.Ф. Указ. соч. С. 87.

² Даудов А.Х. Горская АССР. 1921–1924 гг. Очерки социально-экономической истории. СПб., 1997.

³ Там же. С. 37.

создание единого административного региона, делало ненужным существование и сохранение Горской АССР¹. Примечательно, что в работе практически не упоминается о сложностях территориальных взаимоотношений народов республики.

Напротив, в новейших исследованиях становления автономии Кабардино-Балкарии они называются определяющими для распада многонациональной автономии. Подчеркивая воздействие территориального фактора на характер поведения политической элиты Кабардинского округа, специалисты отмечают, что «процесс институционализации ГАССР проходил на фоне увеличения конфликтности этнотерриториальных отношений»². А территориальные притязания руководителей Горской республики лишали смысла пребывание Кабарды в ее составе: «Совершенно очевидно, что участие кабардинцев в коллективной форме государственности обернулось для них национальной катастрофой. Но аппетиты руководителей Горской АССР только возрастали... Можно теперь представить себе те чувства, которые кабардинцы испытывали по отношению к Горской АССР... Кабарда превращалась в один из захолустных округов искусственного государственного образования, хищнически распоряжавшегося остатками ее благосостояния»³. Сама же форма многонациональной автономии представляется ряду современных исследователей наиболее удобной формой решения земельного вопроса и оптимальным способом управления этим краем, вызванным к жизни исключительно соображениями военно-политического характера⁴.

Одной из дискуссионных проблем в осмыслении национально-государственного строительства на Северном Кавказе по-прежнему остается вопрос о той роли, которую сыграли в процессе его развертывания и осуществления первые советские республики. Созданные в ходе ожесточенного военного противоборства Кубано-Черноморская, Терская и Северо-Кавказская республики явились по существу первым опытом взаимодействия населявших их наро-

¹ Даудов А.Х. Указ. соч. С. 206–207.

² Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 — первая половина 1920-х гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. С. 15.

³ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999. С. 50–51.

⁴ Там же. С. 50.

дов в послереволюционной России. Несмотря на кратковременность своего существования и достаточно прагматичные цели образования, они, тем не менее, свидетельствовали о начавшемся советском строительстве в регионе. Оно потребовало учета и тех специфических особенностей, которые отличали его многонациональное население. По свидетельству исследователей, административные автономии того времени возникали по инициативе правительства и в основном явочным порядком. Причинами их появления чаще всего оказывались «экономические, бытовые, культурные, религиозные, языковые особенности региона, отдаленность от столицы и вызванная этим сложность связи с центром страны»¹.

Последнее десятилетие ознаменовалось пристальным вниманием исследователей к проблемам национально-территориального развития страны и к их историографическому осмыслению. Появилось немало интересных работ, в которых прилагаются усилия по-новому взглянуть на, казалось бы, уже решенные вопросы². В этом отношении не является исключением и история возникновения и развития советских республик на Северном Кавказе. В изучении причин возникновения и природы первых советских республик на Юго-Востоке России исследователи сосредоточились на разработке проблемы национально-территориального принципа создания автономий. В данной связи многие из них пришли к выводу, что в ситуации того времени его последовательное осуществление оказалось невыполнимым. С одной стороны, наблюдался разрыв экономических связей между отдельными территориями, с другой — отмечалась несостоятельность малых народов образовывать экономически сильные государственные единицы. Поэтому первые автономные республики являлись и откликом народов «на призыв III Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов решать свою судьбу, определяя форму отношений с центром,

¹ Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар, 1994. С. 200.

² Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 1992; Его же. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ, 1994; Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч.; Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.); Мекулов Д.Х. Проблемы власти и демократии на Северном Кавказе: история, динамика, особенности. 1917–1941 гг.: Дисс... в виде научного доклада д-ра ист. наук. Махачкала, 1996; Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. 3-е изд. Владикавказ, 2000.

устанавливая статус самих национально-государственных образований». К таким автономиям О.И. Чистяков отнес и Донскую, Кубано-Черноморскую, Терскую, Туркестанскую республики: «Все они носили своеобразный характер, включали в себя нерусские народы, но ни одна из них не была однонациональной»¹.

Исследователи обратили внимание на трудности соблюдения в республиках одновременно и экономических, и национальных принципов. По заключению А.А. Сенцова, именно невозможность решения сугубо национальных задач свидетельствовала о том, что советские или «уездные и военные» республики 1918 г. являлись не национальными субъектами федерации. Так, построенная не по национальному принципу Северо-Кавказская республика исчерпала себя как государственная форма утверждения пролетарской власти. При образовании этих республик «экономическое и этническое районирование почти не учитывалось при определении административных границ, так как натуральное хозяйство занимало еще важное место в экономике страны, а народам предстояло стать нациями и осознать свою национальную самостоятельность»².

В оценках политической природы советских республик все чаще стали подчеркиваться вынужденный и чрезвычайный характер обстоятельств, вызвавших их к жизни: «Таким образом, автономия северокавказских республик была вынужденной автономией, временной по своему характеру, призванной решать сиюминутные задачи. По нашему мнению, в их число не входила задача предоставления каждому народу Северного Кавказа права на создание своей государственности — все народы обязаны были принять советскую форму государственного управления»³. Проанализировав процесс утверждения советской власти в крае, современные исследователи пришли к выводу, что оценивать советские республики как первый этап национально-государственного строительства на Северном Кавказе едва ли представляется возможным: «Необходимо констатировать, что в 1918 г. вопрос о предоставлении каждому народу

¹ Чистяков О.И. О национально-государственном размежевании в период становления Российской Федерации // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 144.

² Сенцов А.А. Указ. соч. С. 201.

³ Озова Ф.А. Северо-Кавказская республика: причины возникновения и ликвидации // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. С. 47.

Северного Кавказа национально-государственной независимости не ставился ни советами народных депутатов, ни Народными советами (Терская область) как губернского, так и областного уровня. В общественном сознании господствовала идея необходимости общеобластных, общегубернских органов государственной власти, которые обеспечили бы порядок и спокойствие в крае»¹.

Достаточно плодотворной для осмысления рассматриваемой проблемы представляется и сравнительно новая оценка воздействия Кубано-Черноморской республики на политическую активность черкесского населения области. Ф.А. Озова, исследовавшая практику советизации начального периода утверждения большевистской власти на Кубани, отметила исключительную роль, которую сыграла армия в ее становлении. Исследовательница особо подчеркнула, что «горские народы Кубани в силу своей малочисленности по сравнению с численностью русского населения области не могли занять достойное место в той политической борьбе, которая развернулась здесь. Скорее, их можно назвать ее жертвой»². Тем не менее черкесский народ, в основной своей массе чуждый политической борьбе, также оказался ею охваченным. Образование республики и ее последующая деятельность спровоцировали не только политическую активность горского населения области, но и его последующую борьбу за предоставление ему собственного национально-государственного образования — автономной области³.

В новейшей отечественной историографии находят продолжение и те положения, которые были высказаны исследователями в предыдущие годы. Многие историки на основе достаточно показательного архивного материала, отмечая зависимость национальной политики советского государства от решаемых им конкретных задач, указывают и на его беспорные достижения в этой области. В частности, по-прежнему высоко оценивается опыт первых советских республик: «Национально-государственное обустройство народов России началось сразу же после свершения со-

¹ Озова Ф.А. Указ. соч. С. 57.

² Озова Ф.А. Кубано-Черноморье в условиях кризиса Российской государственности // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Черкесск; Ставрополь, 1999. Вып. 1. С. 38.

³ См.: Хлынина Т.П. Адыгея в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1993; Ее же. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997.

циалистической революции. На ее территории возникли одна за другой автономные советские республики, строившиеся главным образом на административно-территориальной основе, имевшие характер областного значения. Так было на Юге России, где начали действовать Терская, Кубано-Черноморская, Ставропольская, Северо-Кавказская и др. республики». В этих изначальных акциях по национально-государственному устройству народов преобладал политический расчет — привлечь на сторону советской власти как можно в более короткие сроки местное население¹.

Начальный этап национально-государственного строительства у народов Северного Кавказа связывается с фактом провозглашения Терской области автономной советской республикой. В.Д. Дзидзоев, рассуждая о многолетнем опыте решения национальных проблем в стране и отмечая его явные издержки, указал: «Сегодня... решения СНК Терской республики (как и все решения СНК РСФСР) расцениваются многими как уродливые, антинародные и даже преступные. Однако объективный и всесторонний анализ острейших проблем в Терской области, а затем Терской и Горской республик... позволяет сделать вывод о том, что декрет СНК Терской республики (об отмене частной собственности на землю, воды и леса) имел большое значение в решении земельного и национального вопросов»².

Таким образом, анализ историографической практики свидетельствует о том, что интерес исследователей к осмыслению той роли, которую сыграли первые советские республики в обретении народами Северного Кавказа собственных национальных образований, имел определенную логику своего развития. Она не всегда обуславливалась сугубо научными потребностями, но, тем не менее, отражала общую ситуацию в понимании специалистами самого процесса национально-государственного строительства на Северном Кавказе. Его начальным рубежом многими из них видится коллективная автономия народов Терской республики, а роль Кубано-Черноморской и Северо-Кавказской республик расценивается в качестве приобретения нерусскими народами первого опыта советского строительства.

К сожалению, исторический опыт решения первыми советскими республиками национальных проблем в регионе так и не был востребован последующим ходом развития страны. Практически все

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 87.

² Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. С. 125–126.

они оказались многонациональными по составу населения и находили в себе возможности удовлетворения его разнообразных потребностей. При высших органах власти республик были организованы комиссариаты и коллегии по национальным делам. Однако краткий период их существования не позволил осуществить им сколько-нибудь последовательных мероприятий в этой области. Советские республики, будучи таковыми по существу, вместе с тем являлись и своеобразными формами коллективных автономий народов.

Представляется, что именно многонациональная автономия позволяла находить механизмы разрешения тем многочисленным территориальным конфликтам, которые сопровождали в дальнейшем становление национальных автономий на Северном Кавказе. Более того, само наименование подобного рода образований советскими республиками исключало и рост межнациональной напряженности между народами, и неверное понимание ими самой сути и предназначения советских национальных автономий.

Несмотря на разность используемых источников и подходов, представления о сущности советской национальной государственности за эти годы разительных изменений не претерпели. Хотя именно в этот период времени интерес к теоретическим проблемам советской национальной государственности был необычайно высок. Тем не менее в понимании природы и движущих факторов ее становления в отечественной историографии в 1990-е гг. наметились некоторые изменения. В частности, В.П. Булдаков обозначил и активно разрабатывает проблему феномена революционного национализма в России¹. Связав его появление с распадом империи, автор последовательно низводит послефевральское движение народов России к «достаточно элементарным посылкам. Этносы исходили из специфически преломившегося императива выживания в гибнувшей империи. Зрелого «буржуазного национализма» нигде, за исключением Финляндии и Польши, не было. Культурно-автономистский компонент движения был слаб в сравнении с политически-автономистским. Налицо было обычное для 1917 года тяготение к региональной самостоятельности, а вовсе не

¹ Булдаков В.П. XX век российской истории и посткоммунистическая со-ветология // Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? М., 1993; Его же. Красная смута. Природа и последствия революционно-го насилия. М., 1997; Его же. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1999 и др.

к национально-территориальной государственности»¹. Подобные идеи прослеживаются и в региональной историографии последнего десятилетия².

Следует отметить наметившуюся среди национальных историков тенденцию к пересмотру начала процессов национально-государственного строительства у народов Северного Кавказа. По мнению кабардинских исследователей, непредвзятый подход к интерпретации материалов, относящихся к 1917–1921 гг., позволяет сделать вывод, что начало национально-государственного строительства связано не с Октябрьским переворотом, а с Февральской революцией. В ее результате был образован Нальчикский исполнительный комитет, который и предлагается рассматривать как первую форму политического самоопределения кабардинцев и балкарцев³. Предпринимаются попытки переосмыслить и сам смысл существования национальной государственности. Его нередко связывают с функцией этнического воспроизводства, которая собственно и определяет собою историческое предназначение национальной государственности⁴. В данной связи исследователи полагают, что национальная государственность со своей специфической задачей справлялась плохо. Она «не только не способствовала развитию этнической культуры кабардинцев, но и стала орудием ее разрушения в 20–30-е гг. XX в.».

Наряду с этим исследователи признают, что в политической традиции XX в. национальная государственность выступала и как форма политического самоопределения народов, и как административно-политический механизм управления этими народами со стороны центральной государственной власти⁵. В данной связи начинается переосмысление самого процесса формирования национальной государственности. В частности, К.Ф. Дзамихов, рассмотрев формы исторического взаимодействия адыгов и России, предложил схему его основных этапов. Один из них, охватывавший 1917–1921 гг., получил название «распада империи и первого опы-

¹ Булдаков В.П. XX век российской истории и посткоммунистическая советология. С. 23.

² Хлынина Т.П. Адыгья в 1920-е годы. Проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997; Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик, 1999.

³ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 35.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 5.

та самоопределения». Характеризуя его содержание, автор отметил: «В условиях окончательного устранения традиционной элиты и несформированности национального общества с полной социальной структурой стремление к национальной независимости оказалось весьма слабо выраженным у адыгов. Но потребность в политическом оформлении своей этнонациональной идентичности воплотилось в борьбу за достижение статуса отдельных советских автономий»¹. В 1920-е гг. «центральная власть инициирует процесс становления национальной государственности на принципах автономии. В ходе него окончательно ликвидируются остатки традиционного местного самоуправления... и будет создана иерархия соподчиненных государственных образований, которая, в конечном итоге, привела к неравноправным отношениям между народами»².

Достаточно плодотворным для осмысления проблемы в последнее время стало и «вмешательство» профессиональных этнологов. Междисциплинарные новации, предметом изучения которых оказалась политизированная этничность, позволят историкам по-новому взглянуть на предназначение и задачи национальной государственности в целом³. В.А. Тишков, анализируя «гигантский социальный эксперимент так называемого национально-государственного строительства», обратил внимание профессиональных исследователей на природу самой этничности, которая «носит очень часто подвижный и множественный характер, особенно в среде этнически смешанного населения». Поэтому работа по национальному размежеванию и созданию национальных образований, по его мнению, сопровождалась существенными трудностями⁴. Так, для Северного Кавказа и Средней Азии, где господствовали традиции коллективной идентичности, этнический признак в построении «своих государств не мог быть строго выдержан»⁵. Этнологи предложили рассматривать и сам процесс национально-государственного строительства в категориях этнического национализма, «т.е. представления о нации

¹ Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М., 2000. С. 248.

² Дзимихов К.Ф. Указ. соч. С. 152.

³ См., например: Этничность и власть в полиэтничных государствах. М., 1993; Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М., 1996.

⁴ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах. С. 17.

⁵ Там же. С. 18.

как о высшем типе этнической общности, на основе которой якобы только и может быть построена “нормальная государственность”¹.

Исследовательский интерес к национальной проблематике инициируется все больше настоящим положением дел в регионах страны. Между тем его истоки непосредственно связаны и с теми научными представлениями, краеугольным камнем которых на протяжении многих лет оставалась теория национальной государственности. Ведь очень часто «неадекватная научная доктрина, перейдя в сферу практики», вызывает к жизни различного рода негативные явления. Примером тому может служить и эволюция советской национальной автономии-государственности, во многом определявшаяся ее теоретическим осмыслением.

Не менее дискуссионной остается и проблема участия горцев в революции 1917 г., чье историографическое осмысление началось уже в первое послеоктябрьское десятилетие. Именно в те годы закладывались основы и традиции ее изучения, а появившиеся тогда представления об «интернациональной сущности первой в мире социалистической революции» определили собою основные исследовательские направления в этой области. На протяжении многих десятилетий профессиональный интерес историков к участию нерусских народов в революционном движении обосновывался необходимостью «выявления глубинных корней революционного процесса, его общих закономерностей и особенностей»². Исходя из них исследователи оценивали степень «пролетарской зрелости» и «классовой сознательности» трудящихся национальных регионов страны, их готовности к участию в социалистическом строительстве.

Подобные методологические установки создавали крайне упрощенный и по большей части неверный национальный образ российской революции. Категории классового анализа, применяемые историками к осмыслению революционных процессов того времени, плохо срабатывали на материале национальных регионов и порождали не соответствовавшие действительности представления об уровне социально-экономического и политического развития их народов. Более того, они лишали историков возможности сосредоточить свои усилия на разработке социально-психологических

¹ Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М., 1996. С. 34.

² Гутов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик, 1988. С. 219.

причин и конкретных обстоятельств, обусловивших выступления народов на стороне советской власти или ее идейных противников. Содержательному углублению рассматриваемой проблемы мешало и ее восприятие в качестве неотъемлемой части национально-освободительного движения народов, которое, по признанию большинства исследователей, имело «громадное значение для победы советской власти в национальных районах страны»¹.

Обращает на себя внимание и сложившаяся традиция изучения такого рода движений в тесной связи с подготовкой и проведением Октябрьской революции. В литературе неоднократно подчеркивалась та значительная роль, которую сыграл в их понимании Научный совет АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции»: «За время существования Научного совета в научный оборот были введены значительные пласты фактического материала, созданы глубокие и интересные исследования, позволившие приступить к написанию обобщающих фундаментальных трудов по установлению Советской власти во многих регионах страны». Результатом его деятельности стало появление работ, где всестороннее освещение получило «общественно-политическое развитие народов в общем русле общероссийского революционного процесса, их национально-освободительное движение»². При этом последнее все чаще понималось и истолковывалось с позиций национального самоопределения народов.

В этом отношении не являлись исключением и северокавказские национальные движения, историография которых, как правило, оказывалась представленной исследованиями по истории Великого Октября и защиты его завоеваний. По свидетельству современного исследователя, «историография Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе очень богата, но львиная доля ее сегодня, разделив участь всей советской исторической науки, ждет переоценки с новых методологических позиций»³. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что такого рода ориентация исследователей в освещении самой проблемы отразилась и на состоянии ее источниковой базы. Она, как правило, представлена сборниками до-

¹ Козлов А.И., Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 42.

² Гутов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Указ. соч. С. 221–222.

³ Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 81.

кументов по борьбе за советскую власть в национальных районах края, воспоминаниями ее участников, материалами съездов различных народов, а также сборниками официальных статей и речей их партийных и советских руководителей. Та же направленность прослеживалась и продолжает сохраняться в подборе архивных документов, что приводит к одностороннему освещению процесса участия северокавказских народов в революции 1917 г.

Идеологическая заданность и незыблемость интернациональных основ данной проблематики привели к тому, что современная историография оказалась более восприимчивой к точке зрения западных специалистов, склонных к меньшей политической ангажированности и масштабному теоретизированию. Во многих исследованиях пересматривается характер правовых и социально-экономических отношений имперского центра с национальной периферией¹. Исследователи практически отказались и от употребления таких понятий, как «колониальная политика» и «колониальная эксплуатация национальных окраин». Все чаще ими указывается и на отсутствие зрелого национального сепаратизма, на его связь с общей кризисной ситуацией в стране. Показательно, что в специальной литературе начинают разграничиваться и направления в самом национальном движении пореволюционного времени. Отмечается наличие в нем одновременно и антирусской, и антироссийской направленности. Причем если первая в основном сопрягается с земельными проблемами, то вторая находит выражение в политической ориентации определенной части горского населения².

В последние десятилетия интерес историков к национально-освободительному движению народов революционного времени приобрел несколько иную направленность. В связи с общим изменением интеллектуальной атмосферы в исторической науке у исследователей появилась возможность более широкого и непредвзятого изучения самой проблемы. Достаточно плодотворным представляется предложение дагестанского историка М.А. Магомедова рассматривать ее в процессе взаимодействия двух крайне непохожих цивилизаций — русско-православной и горско-мусульманской. По его мнению, «вовлечение народов с весьма своеобразной ментальностью в болезненно-катастрофический

¹ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997.

² Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 35–52.

процесс российской революции — это не только и не столько результат умелого использования большевиками их инстинктов и страстей, сколько неизбежный итог глубоких внутренних противоречий... предопределивший совпадение разрушительных интересов самых разнообразных сил»¹.

Вместе с тем большинство исследователей пытается найти истоки политической активности нерусских народов в стремлении к обретению собственных национальных образований. Едва ли такая историографическая позиция могла бы быть названа новой, если бы не одно примечательное обстоятельство. Историки все чаще начинают обращать внимание на отсутствие в послефевральской России стремления народов к территориальному обособлению². Именно с кризисом Российской империи ряд современных исследователей связывает всплеск революционной активности народов и последующее их стремление к самоопределению. По заключению В.П. Булдакова, одного из самых активных сторонников этой идеи в отечественной историографии, «падение самодержавия породило в России особую разновидность лексически-доктринального абсурда: все нерусские народы стали считать себя «нациями» — это была возвышающая антитеза былой угнетенности. При этом не принималась во внимание ограниченная способность народов воспользоваться самоопределением»³. Однако по мере углубления революции порожденные ею анархия и хаос побудили многие народы искать спасения сначала в региональной, а затем уже и в государственной обособленности. Этому стремлению во многом способствовала и национальная политика большевиков⁴.

¹ Магомедов М.А. Указ. соч. С. 81.

² Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 34.

³ Там же. С. 35.

⁴ См., например: Озова Ф.А. 1918 год: из истории межнационального конфликта на Кубани // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; Хлынина Т.П. Горские народы Кубанской области: большевистская модель решения национального вопроса // Там же; Очерки по истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар, 1996; История Кубани. XX век: очерки. Краснодар, 1998; Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917–1920 гг.). Майкоп, 1998; Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. соч.; Хлынина Т.П. Проблемы государственного устройства и деятельность органов власти в Адыгее (февраль-октябрь 1917 г.) // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: Сб. научных статей, посвященных 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп, 2002.

Кризис общероссийской власти и ее неспособность обеспечить элементарный порядок вызвали к жизни различные формы политической активности народов. Такими формами на Северном Кавказе стали Союз горцев Кавказа, Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей, Горская республика. На протяжении многих десятилетий советская историография видела в них лишь «классовую консолидацию буржуазно-националистических сил», направленных на борьбу с революцией. В последние годы начинает переосмысливаться и сама природа данных организаций, и вызвавшие их к жизни конкретные обстоятельства. Отмечается, что «в ряду наименее исследованных проблем гражданской войны находятся вопросы политической истории ее национальных окраин. Именно в этой сфере концентрировались трудноразрешимые классовые, сословные и национальные противоречия, обусловившие углубление политической конфронтации. Поиски путей консолидации общества привели к активным действиям, направленным на создание военно-политической организации, вошедшей в историю как “Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей”»¹.

Непредвзятый подход к интерпретации событий 1917–1921 гг. в Кабарде и Балкарии позволил историкам увидеть в создании «Союза объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана» институционализацию их стремления к образованию региональной автономии. Проанализировав его политическую программу и конституцию, исследователи пришли к выводу, что союз выступал за федеративный принцип государственного устройства демократической России². Реализация этого принципа нашла отражение в образовании исполнительных окружных комитетов, которые и стали первой формой политического самоопределения народов. Так, характеризуя деятельность членов исполкома Нальчикского округа, историки отметили, что это были лучшие представители кабардинской и балкарской интеллигенции, которые в «жесточайших условиях Российской Смуты старались, с одной стороны, спасти свои народы от ужасов надвигавшейся Гражданской войны, а с другой — утвердить соответствующие

¹ Почешхов Н.А. Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп, 1999. Вып. 2. С. 37.

² Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 35, 36.

формы политического самоуправления»¹. При этом подчеркивается, что местная историография определяла их как «буржуазных националистов, проводивших антинародную политику».

СOLIDНЫМ подспорьем для понимания событий, происходивших на Северном Кавказе в годы революции и Гражданской войны, является вышедший в 1990-х гг. сборник документов и материалов, посвященный организационному становлению и деятельности Союза объединенных горцев и Горского правительства². Во вступительной статье отмечается, что основной задачей союза стало создание на Северном Кавказе горской национально-территориальной автономии в составе будущей Российской Федеративной демократической республики. При этом автономия мыслилась в качестве гарантии широкого самоуправления для всех народов Северного Кавказа и Абхазии³.

Составители сборника предлагают рассматривать образование союза как «первую, после имамата Шамиля, попытку создания на Северном Кавказе объединенной государственности горских народов». Продолжением этого процесса в условиях Гражданской войны должна была стать Горская республика, главное предназначение которой сводилось к отделению от советской России⁴. К сожалению, не все вопросы, в той или иной степени проясняющие природу и причины возникновения данных образований, нашли свое отражение в предисловии к публикуемым документам. Тем не менее сами документы и материалы позволяют с достаточной степенью уверенности рассматривать Союз объединенных горцев и порожденную им Горскую республику уже не только как политическую консолидацию контрреволюционных сил. Данная точка зрения находит свое развернутое отражение и в практически единственном на сегодняшний день диссертационном исследовании, посвященном изучению процесса зарождения, становления и причинам падения Горской республики⁵.

Политические события того времени и участие в них горцев стали предметом осмысления и идейных противников советской вла-

¹ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 37.

² Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). Документы и материалы. Махачкала, 1994.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ Гусейнова И.С. Горская республика: зарождение, становление и причины падения (1917–1920 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2003.

сти. Уже в 1930-е гг. за границей были опубликованы размышления одного из активных участников Союза горцев Кавказа Б.П. Байтуганова (Байтугана), которые стали доступны профессиональному читателю лишь недавно¹. По его мнению, «события 1917 г. застали народы Кавказа не готовыми к требованиям, которые им предъявила история. Главной причиной поражения попыток самостоятельного создания ими национального государства в 1917–1918 гг. явились не внешние факторы в лице “красных” или “белых”, а прежде всего внутренние противоречия между национальными и религиозными лидерами, боровшимися за власть»².

Анализируя становление северокавказской национальной мысли, Б. Байтуган отметил, что «ничего оригинального, самобытного горского она не создала до русской революции 1917 г. Северокавказская интеллигенция не успела оторваться от тех течений, в среде которых она вынуждена была развиваться в силу обстоятельств... В результате освободительные тенденции проникали на Северный Кавказ в чуждом и непонятном для народных масс толковании. Национальный момент играл в нем второстепенную роль, уступая первое место моменту социальному. Вместо того чтобы исходить из собственного прошлого и собственных национальных традиций, северокавказская интеллигенция восприняла чуждые лозунги тогдашних русских общественных течений или же (в меньшинстве) плелась в хвосте мусульманских прогрессивных кругов, репрезентирующих, в сущности, идеалы пантюркизма»³. Автор отметил и теоретическую неразработанность идеи независимости, и отсутствие для ее практического проведения «организационных кадров».

Вместе с тем, оценивая значение революции для горцев и их национально-освободительного движения, Б. Байтуган подчеркивал, что последнее демонстрировало «минимум сепаратистских тенденций». Оно настаивало только на федеративном переустройстве русского государства в его прежних границах, где горцы составляли бы отдельную территориально и автономную единицу⁴. В качестве основ-

¹ См. подборку его статей: Исхаков С.М. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5.

² Там же.

³ Байтуган Б. Этапы развития национально-освободительного движения на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 14.

⁴ Байтуган Б. История возникновения и развития народной партии горцев Кавказа // Там же. С. 18.

ных причин неудачи горского освободительного движения Б. Байтуган назвал разьединенность и неорганизованность кавказских народов, полное отсутствие внешней поддержки и малую заинтересованность проблемой независимости старой горской эмиграции.

Единственной организацией, «из лоно которой постепенно выкристаллизовывался горский сепаратизм», стал Исполнительный комитет Союза горцев Кавказа. Хотя и он в конечном итоге потерял контакт с массами, и Северный Кавказ оказался охвачен анархией. Отсутствие авторитетной национальной группы привело к краткосрочному существованию и Горской республики, попытавшейся сплотить в единое целое все горские народы: «каждое из племен образовало, помимо этого, свои национальные советы, которые действовали без общего плана, каждый учитывал свои локальные интересы». Кабарда, Осетия, Карачай оказались оторванными от центра республики, а в Ингушетии влияние горского правительства оставалось минимальным¹.

Таким образом, в осмыслении проблемы участия северокавказских народов в революции 1917 г. обозначились определенные изменения. В отличие от своих предшественников, современные исследователи не склонны к восприятию всех форм социально-экономической и политической активности нерусских народов того времени в терминах классовой борьбы. Более того, в работах последнего времени практически не встречается и самого понятия «национально-освободительное движение народов». Пересматриваются традиционные оценки различных военно-политических и политических организаций горских народов. По-новому толкуются и причины, побудившие народы «втянуться» в малопонятные им революционные преобразования. Предметом всестороннего изучения становятся сложные процессы «надклассовой» консолидации горского населения в условиях революционного времени, его восприятия происходивших событий и влияния этого восприятия на последующие процессы национального самоопределения народов². Все чаще в качестве фактора, провоцировавшего рост полити-

¹ Байтуган Б. Роль горской интеллигенции в горском освободительном движении // Там же. С. 24.

² Кажаров А.Г. Революция 1917 г. в России и проблемы формирования государственности народов Северного Кавказа // В кн. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения): Тезисы докладов. Владикавказ, 2008. С. 93–94.

ческой активности северокавказских народов, историки называют неспособность центральной и местных властей справиться с охватившей страну анархией.

Представляется, что рост политической активности северокавказских народов был спровоцирован не только общероссийской ситуацией, но и внутренними процессами их развития. Происшедшие в стране изменения не могли не затронуть некогда традиционных сфер жизнедеятельности народов региона. Втягивание их в водоворот общероссийской политической и хозяйственной жизни осложнялось радикализацией общественного развития страны. Вместе с тем сохранялась и приверженность народов патриархально-родовому укладу жизни. Взаимодействие этих противоборствующих начал в конечном итоге определило мотивы и поведение большинства из них в революции 1917 г. Именно поэтому достаточно сложно ответить на популярный ныне в современной литературе вопрос о том, против чего или за что боролись горцы Северного Кавказа. Скорее всего, они боролись за Россию, которая обеспечила бы им право на свободное национально-культурное существование.

Фактически начавшийся в октябре 1917 г. процесс становления советской национальной государственности, получивший в специальной литературе название национально-государственного строительства, принадлежит к тем сюжетам отечественной историографии, интерес к которым не ослабевает вот уже на протяжении более полувека. Разнообразные аспекты обретения народами России собственных государственных образований находят отражение и в не менее разнообразных (в жанровом и содержательном отношении) исследованиях. Тем не менее проблемы «освещения и оценки национальной политики большевиков и проведенного ими национально-государственного строительства в первые годы советской власти» по-прежнему остаются одними из ключевых и наиболее спорных проблем новейшей истории нашей страны¹.

К сожалению, их разрешение происходит не только посредством методологических новаций и введения в исследовательский оборот ранее не известных документальных комплексов, но и за счет текстового плагиата. В ситуации обязательного перевода диссертационных исследований в электронную форму, доступности результатов науч-

¹ Козлов В.П. Предисловие // Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII. Протоколы руководящих органов Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг.: Каталог документов. М., 2001. С. 5.

ных изысканий в сети Интернет, а также снижения общего профессионального и образовательного уровня подготовки специалистов довольно распространенным явлением последнего времени оказывается дословное заимствование чужого текста. Причем если ранее присваивались только идеи, то сегодня объектом экспансии все чаще оказываются и продукты их представления. Так, просматривая один из «интеллектуальных» сайтов, посвященных обзору диссертационных исследований, один из авторов этой книги заинтересовался работой с весьма характерным названием «Народы Северного Кавказа в условиях общенационального кризиса 1917–1920 гг.»¹. Каково же было его искреннее изумление, когда в «вывешенном» тексте он узнал часть собственной работы, защищенной в 2003 г., без единой сноски и упоминания имени «первоисточника».

Современная историографическая практика характеризуется не только стремлением к выработке новых и более созвучных прошлому исследовательских образов, но и поиском нетрадиционных форм представления исторического знания. Такой формой, наряду с привычными монографическими исследованиями, становится атлас², представляющий собою «возможность проследить процессы формирования региона с помощью последовательного картографического материала»³. По Северному Кавказу таких атласов пока два: «Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004) А.А. Цуциева и «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России» в трех томах, изданный Южным научным центром РАН.

А.А. Цуциев рассматривает собственную работу в качестве «некоторых материалов к такому атласу», как «последовательность схем/конструкций, где отражены или сформированы некоторые современно значимые сюжеты в административно-территориальной и национально-государственной истории региона». Атласы ЮНЦ РАН, в свою очередь, предлагают «системный анализ процессов, наиболее значимых для макрорегиона», в числе которых находятся

¹ Ахмадов А.Д. Народы Северного Кавказа в условиях общенационального кризиса 1917–1920 гг.: Дис... канд. исторических наук. М., 2005. См.: URL: http://www.mirrabot.com/work/work_66544.html.

² См.: Суций С.Я. Атлас как форма презентации научного знания // Политэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9–10 октября 2008 г., г. Ростов-на-Дону). Ростов-на-Дону, 2008. С. 296–299.

³ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006. С. 8.

проблемы специфики политических и властных структур на Юге России, этнодемографические и миграционные процессы, тенденции экономического развития. Солидным подспорьем для их анализа выступают события прошлого, последствия которых до сих пор сказываются на развитии современных северокавказских республик¹.

Историографический анализ проблемы становления советской национальной государственности у народов Северного Кавказа свидетельствует о достаточно непростом пути ее формирования. На протяжении многих десятилетий приоритет в ее разработке принадлежал специалистам центральных научных учреждений страны, что не могло не сказаться и на самом характере осмысления проблемы в целом. Абсолютизация исследователями общероссийской логики и хода развития событий в полиэтничных регионах страны постепенно привела к переоценке их национальной специфики. Начиная с 1960-х гг. вопросы образования и последующего развития национальных автономий становятся своеобразной монополией северокавказских историков. Несмотря на в общем сдержанный тон, именно их работы подготовили появление в 1990-е гг. нового историографического направления с явно выраженными национальными особенностями истории народов региона.

§ 1.3. Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: смена исследовательской парадигмы и историографические традиции

Изучение Великой Отечественной войны всегда относилось к числу наиболее разрабатываемых исследовательских направлений и в советской, и в современной российской историографии. Уже в первой половине 1980-х гг. общее количество публикаций по данной теме исчислялось 20 миллионами наименований, а за прошедшие с тех пор два с половиной десятилетия их количество выросло как ми-

¹ Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов-на-Дону, 2006; Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов-на-Дону, 2007; Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов-на-Дону, 2008.

нимум на треть. В то же время историография Великой Отечественной войны всегда испытывала значительное влияние идеологической и политической конъюнктуры, ощущая пристальное внимание со стороны не только профессионального сообщества, но и государства. В результате освещение военной темы долгое время связывалось с пропагандистскими задачами и военно-патриотическим воспитанием молодежи, а исследователи главное значение придавали показу решающей роли коммунистической партии, прославлению фронтового и трудового подвига советских людей.

Кардинальные перемены в развитии историографии были обусловлены общественно-политическими и экономическими переменами в стране, начавшимися в середине 1980-х гг. Они сказались во всех областях исторического знания, но в изучении истории Великой Отечественной войны проявились ближе к концу десятилетия, а в региональной историографии проблемы еще позже. Современные исследователи отмечают: «Надо было отказываться от “себя прошлого”, признавать, что очень многое, сделанное в предыдущий период, может быть перечеркнуто полностью или частично, что целые пласты прежней историографии просто перестают существовать»¹.

Отсутствие перемен в работах большинства профессиональных историков было особенно заметно на фоне публицистики, активно пересматривавшей многие вопросы советской истории. Но ее «вторжение» в военную тему нередко сопровождалось эмоциональным всплеском, и героический пафос в описаниях событий военных лет уступал место, а то и парадоксальным образом сочетался с их трагическими оценками. Между тем и мартирологическое, и викторианское восприятие прошлого одинаково односторонни и прямолинейны: «Сторонники мартирологического представления о прошлом видят его как бесконечный ряд жертв (лучшие люди — жертвы, народ — страдалец и мученик). При викторианском видении истории героические личности, события, подвиги заполняют прошлое, которое является предметом бездумного восхищения и преклонения. И те, и другие призывают, естественно, не исказить. В действительности ни викторианское, ни мартирологическое массовое историческое сознание не является научным»².

¹ Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 10.

² Волобуев О., Кулешов С. Очищение. История и перестройка. Публицистические заметки. М., 1989. С. 10.

Пересмотр взглядов, в котором вскоре приняли участие и профессиональные историки, первоначально выражался в изменении прежних оценок на противоположные. Как отмечал Н.И. Дедков, «в наше время, чтобы числиться в рядах демократических, современных, прогрессивных, мыслящих, — достаточно немного: надо лишь утверждать обратное тому, что говорилось десять лет тому назад»¹. В результате прежние «герои войны» порой менялись местами с «антигероями», их образы подвергались десакрализации и демифологизации. В региональной историографии подобная смена знаков проявлялась в меньшей степени, за исключением отдельных проблем, таких как, например, советская национальная политика в годы войны. С другой стороны, в ней сильнее оказалась обратная тенденция: «попытки критически переосмыслить выводы и оценки, утвердившиеся ранее в литературе, по-новому подойти к освещению событий военной истории зачастую воспринимались как стремление опорочить, принизить величие и значение победы советского народа»².

Процессы обновления порой приобретали болезненный и противоречивый характер, отдельные исследователи заявили о своем решительном разрыве с историографической традицией, подвергнув ее безоговорочному осуждению за догматизм, приверженность сталинистским взглядам. В свою очередь, историки, разделявшие прежние подходы, обвиняли своих оппонентов в тенденциозности и «конъюнктурщине». На ход и характер дискуссий определенным образом влияло политическое противостояние сторонников советского строя и новой России. Не случайно, что так и не состоялось издание десятитомного труда по истории Великой Отечественной войны, подготовка которого велась в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КПСС от 13 августа 1987 г. авторским коллективом под руководством Д.А. Волкогонова, а сам он был уволен с должности начальника Института военной истории Министерства обороны СССР за «очернение советской истории». Только к концу 1990-х гг. удалось издать новый обобщающий труд по истории Великой Отечественной войны. Но незавершенный,

¹ Дедков Н.И. «Как я документально установил» или «Смею утверждать». О книге Д.А. Волкогонова «Ленин» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996. С. 115.

² Дружба О.В. Великая Отечественная война: проблемы современной историографии // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. 1995. № 1. С. 10.

переходный и дискуссионный характер складывающегося исторического знания о войне обусловил его очерковую форму¹.

Противоречивый процесс переосмысления истории Северного Кавказа отразило проведение научных конференций различного уровня, многие из которых были приурочены к годовщинам победы в войне и другим юбилейным датам. Нередко на одной и той же конференции непримиримая критика в адрес «фальсификаторов» соседствовала с призывами к переоценке советской истории, а утверждения о «дружбе народов, нерушимом союзе рабочих и крестьян» — с описанием противоречий в духовной и политической жизни страны, массовых репрессий в военные годы. Острая полемичность в освещении военной темы, неизменное присутствие в ее изучении политической составляющей объясняются не только различиями в исследовательских подходах, но и тем особым местом, которое по-прежнему занимает Великая Отечественная война в общественном сознании, политике и идеологии современной России.

Рассматриваемая в качестве фактора консолидации общества, победа в войне во многом продолжает сохранять свой сакральный характер, а различные табу затрудняют работу исследователей. Ю.Н. Афанасьев отмечает, что «отказываться от комфортных исторических штампов далеко не просто. Слишком много замешано в них личных судеб, воспоминаний молодости, боли утрат... миллионы стояли насмерть за общий дом, за Родину. Истерзанная земля, невиданные разрушения, десятки миллионов погибших... Любые негативные интерпретации связанных с этим событий — даже вполне аргументированные — могут задеть и задевают глубоко личное, память индивидуальную и историческую»². Стремление государства сохранить контроль над формированием исторической памяти о войне отражает и принятое 5 мая 2008 г. распоряжение Президента Российской Федерации об издании нового фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов». Утвержденный состав его главной редакционной комиссии включает преимущественно военных руководителей и других высших чиновников под председательством министра обороны.

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. М., 1998–1999.

² Афанасьев Ю.Н. Другая война: история и память // Другая война: 1939–1945. М., 1996. С. 30.

Региональные исследователи позже включились в процесс историографического обновления, который на местах оказался не столь радикальным, как в центре. Работы начала 1990-х гг. носили переходный характер, их тематика и стиль заметно тяготели к традиционным для советской историографии сюжетам, в оценках авторов порой еще чувствовались «идеологические детерминанты прошлых лет»¹. Это особенно отразилось в содержании новых обобщающих работ по истории региона, многие положения которых практически без изменений повторяли оценки прежних лет². Тем не менее развитие историографии проблемы постепенно вело к дальнейшему расширению круга рассматриваемых вопросов и комплекса используемых источников. Свою роль играло и расширение научных контактов с зарубежными исследователями, более широкое знакомство с работами западных и эмигрантских авторов в связи с их публикациями в России.

Однако процесс смены поколений исследователей военной темы проходит не всегда безболезненно как в профессиональном, так и в социально-психологическом отношении, а освобождение от прежних идеологических стереотипов сопровождается утверждением новых ограничений. Их роль выполняют усвоенные исследовательские принципы и способы осмысления прошлого, а также личные и групповые, нравственные и общественно-политические взгляды. В частности, тенденция к героизации прошлого, порождающая новые исторические мифы, нередко связана с развитием этнического самосознания. В результате характерной моделью освещения участия того или иного народа в войне становится пересказ подвига его представителей на фронте и в тылу. Данный подход находит свое отражение, например, в попытках подсчитать, какой народ внес больший вклад в дело победы или в максимальной степени пострадал от жестокостей сталинского режима.

В целом современная отечественная историография проблемы, в отличие от советской научной школы, отличается плюрализмом мнений и подходов. При этом в условиях отказа от единой марксистской парадигмы многие историки обратились к позитивист-

¹ Ковальченко И.Д., Сахаров А.Н. XX в. Россия: на перекрестках мнений // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 7.

² История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917–1991 гг.). Майкоп, 1991; История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.). Майкоп, 1994; Край наш Ставрополье: очерки истории. Ставрополь, 1999.

скому (точнее, неопозитивистскому) методу исследования, считая своей задачей воссоздать историю «как это в действительности было», опираясь непосредственно на документы и отказываясь от каких-либо общетеоретических концепций. Немало авторов, особенно представителей старшего поколения, призывают отделять правду от вымысла, «писать правду, на основе добротных источников интерпретировать факты, объективно исследовать прошлое и рассказывать читателям, что и как было»¹. Однако обращение к позитивизму рассматривается в историографии как «шаг назад даже по сравнению с марксизмом». Чрезмерное доверие документам привело к тому, что все реже стали задаваться вопросы «о том, почему это было написано и что оно вообще обозначает». По словам А.И. Филюшкина, «многие сторонники позитивизма стали просто прятаться за текстами, превращать свои работы в аннотированные хрестоматии источников, полагая, что публикуемые документы смогут говорить сами за себя»².

Постепенно в историографии формируется убеждение в том, что добиться серьезных сдвигов в изучении военной темы возможно лишь при обращении к более совершенным, современным исследовательским методикам. При этом главным направлением методологических инноваций становится повышение интереса к человеку в истории, что выразилось в обращении к исторической антропологии. Сущностными чертами данного направления считаются: фокусированное внимание историка на конкретных антропологических объектах изучения, которыми, как правило, выступают небольшие социумы, позволяющие всесторонне показать роль человека; описание социальных взаимодействий в терминах и категориях самих этих социумов; большое внимание к символизму повседневной жизни: обычным ритуалам, манере одеваться, есть, общаться друг с другом и т. д.³

В последние годы в российской историографии значительно выросло количество работ, посвященных «человеческому измерению» Великой Отечественной и других войн и вооруженных кон-

¹ Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 5.

² Филюшкин А.И. Методологические инновации в современной российской исторической науке (вместо предисловия) // АСТНО NOVA 2000 (сб. науч. ст.). М., 2000. С. 7–8.

³ Там же. С. 10–11.

фликтов¹. Это позволяет говорить о формировании нового исследовательского направления — военно-исторической антропологии как комплексной междисциплинарной отрасли исторической науки на стыке психологии, социологии, культурологии, военной науки и некоторых других дисциплин. Ключевыми задачами конкретно-исторических исследований в рамках нового направления считается: определение того общего и особенного, что влияет на психологию социума и армии в конкретной войне; изучение взаимовлияния идеологии и психологии вооруженных конфликтов, механизмов формирования героических символов, а также диалектики соотношения образа войны в массовом сознании и сознании ее участников; анализ психологии боя и солдатского фатализма, проявлений религиозности и атеизма, особенностей самоощущения человека в боевой обстановке и других проблем². Они находят отражение в целом ряде исследований, в том числе выполненных на материалах Северного Кавказа, авторы которых обращаются к вопросам формирования образа врага в годы войны, повседневной жизни населения региона на фронте, в тылу и на оккупированной территории.

При этом наибольшее внимание отечественные историки в 1990-е гг. уделяли изучению менталитета советского общества. Однако разработка данной проблемы породила ряд вопросов, в частности, о том, кого следует считать носителем определенного типа ментальности — индивида, социальную группу или народ в целом, как соотносятся в этом понятии элементы сознательного и бессознательного, «другими словами, что в человеческом сознании и поведении соответствует термину “менталитет”, а для чего требуются какие-то иные термины?»³. К сожалению, ответы, предложенные отечественными исследователями военной темы, не всегда можно признать удовлетворительными.

Так, В.Ф. Зима определяет менталитет как «высшую субстанцию человеческого интеллекта, которая содержит необходимую информацию на все чрезвычайные ситуации жизни. Менталитет выража-

¹ См.: Кринко Е.Ф. Антропологический ракурс в изучении истории Великой Отечественной войны // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар, 2006. С. 100.

² Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 13–14.

³ Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М., 2003. С. 181.

ет национальный характер. Основа менталитета — подсознание»¹. В то же время в дальнейшем автор разбирает «влияние войны на демографическую ментальность народа», под которой понимает отражение жертв войны в памяти людей, характеризует «солдатскую ментальность», «партизанскую ментальность» и даже «ментальность советского генерала». Другой автор одну из глав своей монографии назвал «Советский человек на фронте и в тылу: повседневный быт и ментальности (на примере Северного Кавказа)»². Однако предметом его изучения выступают общественные настроения советских граждан и их эволюция, формирование представлений о противнике. Еще один исследователь отмечает, что «одним из важнейших источников массового героизма на фронте и в рядах партизанского движения на Северном Кавказе стали особенности менталитета советского человека, оформившиеся в довоенные годы. А в ряде случаев срабатывали более глубинные причины — особенности национального сознания и религиозного чувства горских народов»³.

Между тем понятие «ментальность», впервые введенное представителями школы «анналов», как раз и отражает наиболее глубинные пласты народного сознания, сформировавшиеся в ходе длительного развития определенной социальной общности. Во всех приведенных работах речь, скорее, должна идти об особенностях общественного (массового) сознания и (или) социальной психологии советского человека как совокупности его представлений и чувств. В современной историографии справедливо отмечается неправомерность употребления данных понятий в качестве синонимов, что ведет к превращению понятия «ментальность» в некое модное увлечение⁴. В результате подмены первоначального содержания утрачивается сама целесообразность употребления данного термина, обоснованная как раз отсутствием в русском языке аналога, адекватно передающего вкладываемый в него смысл.

С исторической антропологией тесно смыкается другое направление — микроистория, сторонники которого исследуют прошлое через всестороннее воссоздание жизни одного из рядовых предста-

¹ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М., 2000. С. 16.

² Азашиков Г.Х. Адыгя в годы войны. Майкоп, 1998. С. 75.

³ Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа). М., 1998. С. 207.

⁴ Кром М. Указ. соч. С. 185, 197.

вителей того или иного социального слоя, который считается «типичным» представителем эпохи, социума, исторического процесса. Уже первые работы представителей данного подхода обнажили два его существенных недостатка: уход в описательность и проблему репрезентативности изучаемого объекта, т. е. насколько жизнь данного индивидуума отразила важнейшие процессы эпохи. Тем не менее он имеет достаточное количество приверженцев в западной науке¹. В российской историографии микроистория, отличающаяся от широко распространенного жанра исторической биографии, лишь формируется в качестве самостоятельного исследовательского подхода и остается одним из возможных, но мало реализованных на практике направлений в разработке истории Северного Кавказа.

Проблема интерпретации источников, необходимость выявления скрытого смысла, который вкладывался людьми изучаемых эпох в свои слова и тексты, получили дальнейшее развитие в исторической науке благодаря работам представителей отечественной семиотики — Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского и других авторов. Семиотическое изучение истории основано на представлении о том, что историк всегда имеет дело с текстами и выступает в роли их дешифровщика, приводя символы и коды прошлого в соответствии с современной знаковой системой. Необходимо также отметить развитие исторической герменевтики как определенного способа интерпретации источника, основанного на расшифровке заложенного в них смысла.

В последние годы предметом специального изучения стала и проблема интерпретации советских документов. Современные исследователи отмечают необходимость их критического анализа: «это источники не просто глубоко идеологизированные, но изначально искажавшие смысл событий», поскольку идеократии задают «посредством табуированного языка особое видение событий, соответствующее искаженному сознанию тех, кому эти законы адресованы». В результате в историографии постепенно вырабатывается понимание того, что даже открытие самых секретных архивов не может все прояснить. И.В. Павлова отмечает «парадоксальный факт, что наиболее фальсифицированными документами сталинского времени оказались самые недоступные из них — материалы архивно-следственных дел, сосредоточенных в архивах КГБ»².

¹ Филюшкин А.И. Указ. соч. С. 17–18.

² Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 6, 8.

В 1980-е гг. в рамках «истории женщин» возникло новое исследовательское направление, приобретшее самостоятельность благодаря использованию категории «гендер», которая подчеркивает социальный, а не биологический характер неравенства между полами. Основные теоретико-методологические положения данного подхода сформулировала Д. Скотт, считавшая, что гендер составляют «четыре неразрывных взаимосвязанных компонента: культурные символы, вызывающие множественные и зачастую противоречивые образы; нормативные утверждения, которые определяют спектр возможных интерпретаций смысловых значений этих символов и находят свое выражение в религиозных, педагогических, научных, правовых и политических доктринах; социальные институты и организации (не только система родства, семья и домохозяйство, но и такие сексуально-дифференцированные институты, как рынок рабочей силы, система образования и государственное устройство); а также самоидентификация личности»¹. В отличие от прежней «женской истории», предметом гендерных исследований оказываются не сами женщины, а социально обусловленные отношения между ними и мужчинами.

В последние годы появились первые гендерные исследования, выполненные на материалах Второй мировой войны, в частности, посвященные положению женщин в немецких концлагерях и советских партизанских отрядах. Однако использование данного подхода в отечественной историографии пока следует рассматривать скорее как перспективное, чем уже состоявшееся исследовательское направление. Большинство работ российских авторов на рассматриваемую тему в значительной степени следуют историографической традиции, даже если и называются «гендерными». Их авторы нередко по-прежнему высчитывают общее количество женщин, работавших в тылу и воевавших на фронте, приводят отдельные примеры их героизма как свидетельство значительного вклада в достижение победы.

Определенные перспективы для исследователей истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны представляет и такое направление, как демографическая («демосоциальная») история, прежде всего история семьи. Динамика брачности, про-

¹ Цит. по: Репина Л.П. История женщин и гендерная история на рубеже веков: итоги и перспективы развития (Аналитический обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. М., 2001. Ч. 2. С. 107.

креации, сексуальности, взаимосвязь общественного и личного статуса членов семьи, изменения в распределении семейных ролей, материальных, эмоциональных, сексуальных, матримониальных отношений и представлений в регионе во время войны по-прежнему остаются неизученными вопросами.

Разумеется, к указанным направлениям не сводятся методологические новации в современной историографии. Например, в последние годы стали активно обсуждаться проблемы альтернативности, сослагательности и случайности в истории, что, в частности, связано с появлением синергетики, в рамках которой развитие рассматривается как становление качественно нового состояния системы, определяемого событием в точке бифуркации¹. Использование принципа альтернативности позволяет выявить возможности развития Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, определить «поле вероятностей», диалектику взаимосвязи объективных и субъективных факторов в его истории, противоречивость самого хода событий. Например, в западной историографии давно разрабатывался вопрос о возможностях развития иного варианта событий в оккупированных областях СССР. Подобные попытки предприняты и рядом современных российских авторов, но они нуждаются в более серьезном обосновании². В данной связи необходимо отметить разрабатываемые отечественными исследователями методы применения математического моделирования в изучении исторического процесса.

Достаточно актуален для современной российской историографии и «постмодернистский вызов» как отражение общего эпистемологического кризиса исторической науки. Постмодернизм ставит задачу «освободить творческую индивидуальность от пут и ограничений, налагаемых на нее всякого рода глобальными детерминизмами». Представители данного направления ставят под сомнение привычное понимание исторической истины, считая, что историк «столь же суверенно творит исторический текст, как создают его поэт или писатель». Любая версия истории в равной степени признается имеющей право на существование и одинаково безразличной к истине: «она способна выразить, собственно, лишь взгляды и оценки автора

¹ Бородин Л.И. История, альтернативность и теория хаоса // Одиссей. Человек в истории. 2000. М., 2000. С. 23.

² См., например: Кудряшев С., Олейников Д. Оккупированная Москва // Родина. 1995. № 5 и др.

исторического сочинения, взгляды которого по сути своей субъективные». В результате, по словам А.Я. Гуревича, доведенные до предела постмодернистские критические построения «грозят разрушить основы исторической науки»¹. В региональной историографии влияние постмодернизма пока мало заметно, но постепенное осознание несовершенства традиционных методов прочтения источников может придать ему дополнительную популярность.

Обновление методологии и методики исследований приводит к появлению иной, чем раньше, научной терминологии, прежде всего за счет использования понятий, имеющих иностранное происхождение, а также употребляемых в смежных гуманитарных и социальных дисциплинах. Потребность в новой терминологии объясняется прежде всего открытием новых областей изучения, новыми исследовательскими задачами, стоящими перед историками. В частности, Е.С. Сенявская в своих исследованиях, посвященных поведению человека на войне, ввела использовавшееся в международном праве понятие «комбатант» (от французского слова, означающего «воин», «боец») в значении «непосредственный участник боевых действий в составе вооруженных сил или иррегулярных вооруженных формирований, партизанских отрядов». Его применение позволило исследователю охарактеризовать особый психологический тип личности, присущий «человеку воюющему»².

Теоретические дискуссии о природе советского государства и общества 1990-х гг. привели к появлению новых дефиниций для их обозначения. Некоторое время продолжал использоваться термин «социализм» с различными эпитетами («государственный», «казарменный», «феодальный»), позже его заменили новые понятия — «мобилизационное общество», «командно-административная система». Затем широкое распространение получил термин «тоталитаризм», впервые использованный для характеристики советского строя в западной науке времен «холодной войны». Однако новая терминология также оказалась в немалой степени идеологически и политически «нагруженной», вследствие чего не может в полной мере удовлетворять исследователей. По мнению специалистов, понятие «тоталитаризм» может использоваться прежде всего в каче-

¹ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. 1996. М., 1996. С. 6–7.

² Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997 и др.

стве типологического понятия, для сравнительной характеристики определенного типа политических режимов, но его применение в качестве некоего универсального способа объяснения событий мировой и российской истории вызывает обоснованные сомнения¹.

В региональной историографии проблема используемой терминологии стоит наиболее остро. Присущая ряду региональных исследований военной темы терминологическая путаница, соединение совершенно разных и порой взаимоисключающих понятий свидетельствует о недостаточной методологической и теоретической подготовке их авторов. Даже в диссертационных исследованиях, уровень квалификационных требований к которым, как правило, должен быть выше, чем к большинству публикаций, на одной странице, например, можно встретить две различные характеристики советского режима в годы войны — и как авторитарного, и как тоталитарного².

Сочетание новых подходов и трактовок с традиционными представлениями и оценками по-разному проявляется в освещении отдельных проблем Великой Отечественной войны, формируя весьма противоречивую картину ее истории. Так, в новом обобщающем труде говорится о сложных взаимоотношениях ВКП(б) с государством и обществом, о том, что страной фактически правил «управленческо-бюрократический аппарат», в то время как роль «рядовых коммунистов и простых трудящихся» была сведена к обязательной поддержке принимаемых руководством решений. Здесь же отмечаются высокие мобилизационные качества советской системы, связанные с централизацией государственных полномочий и авторитарным характером руководства³.

Другие авторы считают, что победа в войне была одержана не «благодаря», а «вопреки» Сталину. По мнению В.С. Кожурина, сущность политики, проводимой в СССР по отношению к народу в годы войны, стала еще более жесткой и циничной. При этом он считал, что политика советского руководства, «защищающая, прежде всего, свою власть,

¹ Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 8–9, 499.

² Хапчаев Р.И. Организация и управление хозяйственно-трудовой деятельностью и этнополитическими процессами народов Северного Кавказа (1943–1957 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. С. 6.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга первая. Суровые испытания. М., 1998. С. 57, 70.

свой строй и выражающая стремление подавляющего большинства советских людей уничтожить нависшую смертельную опасность», стала фактором национального единства, прежние противоречия между властью и обществом отошли на задний план¹. В.В. Черепанов выделяет чрезвычайность, милитаризацию и централизацию управления, перераспределение его функций, ужесточение методов и стиля руководства, расширение полномочий бюрократического аппарата, возрастание роли исполнительных органов и уход на второй план партийных структур, усиление контроля над армией и обществом, возрастание ответственности кадров в качестве наиболее важных особенностей функционирования властного механизма в военные годы².

Данные оценки имеют существенное значение и для переосмысления вопросов общественно-политического развития Северного Кавказа в военные годы. М.Х. Шебзухов пришел к выводу о том, что организаторская и политическая деятельность партийных организаций Северного Кавказа в целом была направлена на обеспечение победы в войне, однако методы их работы оставались административно-управленческими, партия подменяла собой все общественные организации, допускала ошибки и просчеты в решении хозяйственных и социальных вопросов³. М.М. Ибрагимов считает, что централизация и жесткая дисциплина стали факторами, которые «смогли в итоге обеспечить оптимальную управляемость государственных, военных, политических структур в годы войны»⁴. Е.М. Малышева одновременно подвергает критике «проявления тоталитаризма власти» и в то же время положительно оценивает «внутреннее единство социума» в годы войны⁵.

Своеобразную трактовку характера советского строя в годы войны предложил В.А. Селюнин. Подчеркивая приостановление конституционных норм, он считает, что в стране и в регионе сложилась «новая система власти в форме военно-политической диктатуры, которая доказала свою жизнеспособность и эффективность».

¹ Кожурин В.С. Народ и власть (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995. С. 4–5.

² Черепанов В.В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 490–491.

³ Шебзухов М.Х. Тыл — фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. Майкоп, 1993. С. 49–52.

⁴ Ибрагимов М.М. Указ. соч. С. 208.

⁵ Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп, 2000.

Историк определяет ее как «систему государственных, общественных и хозяйственных организаций, реализующую задачи военного времени при опоре на все силовые структуры и юридические нормы чрезвычайного характера»¹. При этом он отмечает, что не все руководящие работники соответствовали требованиям времени, приводя факты их халатного отношения к своим обязанностям, использования служебного положения в корыстных целях. В то же время В.А. Селюнин утверждает, что эти факты не были преобладающими, а в работе аппарата «превалировали строгая дисциплина, деловой стиль управления, высокая оперативность, готовность к самопожертвованию, фанатичная преданность коммунистическим идеалам, принципиальность, нравственность»².

Постепенно центр внимания исследователей перемещается с вопросов истории партийных инстанций на деятельность других властных и управленческих структур, общественных организаций в военные годы. В ряде современных исследований нашли отражение роль и функции советов и исполкомов Северного Кавказа³. Н.А. Чугунцова считает, что в их работе в это время проявилось две тенденции. Первая «была вызвана к жизни объективными военными обстоятельствами и нашла свое выражение в значительном усилении централизма». Вторая тенденция — «стремление трудящихся к непосредственному участию во всех важнейших процессах борьбы советского народа». В целом, по мнению Н.А. Чугунцовой, система советов «в ходе войны продемонстрировала способность гибко перестраивать структуру и деятельность с учетом новых условий»⁴. Появились и первые исследования, посвященные действиям советских правоохранительных органов на Северном Кавказе в годы войны⁵.

¹ Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону, 1997. С. 47–48.

² Там же. С. 56.

³ Чугунцова Н.А. Местная власть и война. Краснодар, 1996; Булгарова М.К.-Г. Деятельность местных советов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — май 1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002 и др.

⁴ Там же. С. 183.

⁵ Мартианов В.Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1998; Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект: Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2000; Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2007 и др.

Е.В. Панарина проанализировала структуру и организационные формы деятельности профсоюзов региона, их производственно-массовую, политико-воспитательную и культурно-массовую работу, участие в восстановлении народного хозяйства, борьбу за повышение производительности труда, мобилизацию трудящихся на оказание помощи фронту, решение социальных проблем населения. По мнению автора, продолжая «выполнять в годы войны присущие им функции “приводных ремней” от партии к массам», профсоюзы участвовали в непосредственном решении многих производственных и социальных проблем и внесли весомый вклад в победу над врагом¹.

Историки стали гораздо больше внимания уделять вопросам массового сознания и духовной жизни советского общества в 1941–1945 гг.² Изменились и оценки советской пропаганды, современные исследователи подчеркивают, что она определенным образом трансформировалась, отойдя от прежних классовых принципов к патриотическим идеям. Н.Д. Козлов пришел к выводу о том, что «русский патриотизм» сблизился в годы войны с «советским патриотизмом», «основные доминанты национального менталитета... в советское время сохранились и закреплялись своеобразной практикой и новым идеологическим обоснованием»³.

Духовным ценностям и массовому сознанию населения Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, патриотизму и интернационализму его жителей был посвящен ряд конференций, состоявшихся в регионе в последние два десятилетия. Нередко инициатива в их проведении исходила от властных структур, стремящихся через обращение к прошлому воздействовать на современные духовные процессы. Данные вопросы находят широкое отражение и в самостоятельных публикациях, книгах и статьях региональных исследователей, многие из которых традиционно рассматривают советский патриотизм в качестве основы для взаимодействия представителей различных социальных слоев совет-

¹ Панарина Е.В. Профсоюзы Кубани и Ставрополья в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2001. С. 21–22.

² Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995; Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М., 1995 и др.

³ Козлов Н.Д. Духовные истоки Победы и их извращение в современной публицистике // Великая Отечественная война: правда и вымысел: Сб. ст. СПб., 2000. С. 76–77, 79.

ского общества в борьбе за победу: «Важным фактором успешной мобилизации народа на самоотверженную борьбу с завоевателями явилась общность интересов, взаимопомощь дружественных классов и народной интеллигенции, их патриотизм и готовность на самопожертвование»¹.

Однако постепенно в современной историографии находят отражение и представления о сложности и противоречивости массового сознания военного времени. В.А. Селюнин указывает на то, что в регионе «наряду с патриотическим порывом, охватившим большинство людей, имел место обнаженный антисоветизм и антикоммунизм части обывателей», проявлялись «панические настроения, нарушения трудовой дисциплины, рвачество, спекуляция, воровство, бандитизм». Тем не менее он считает, что под влиянием идеологии в сознании людей произошел перелом, сущностью которого стала «испепеляющая ненависть нашего народа к врагу, готовность сполна отомстить ему за насилие и бесчинства, осознание правомерности трудностей и лишений, вызванных войной, необходимости самопожертвования ради победы»².

Особое место в современной российской историографии войны занимают работы Е.С. Сеньявской, посвященные влиянию на человека экстремальных условий военного времени. Она анализирует социальную психологию и массовое сознание поколения фронтовиков Великой Отечественной войны, опираясь прежде всего на источники личного происхождения, фольклорные произведения, устные свидетельства³. Е.С. Сеньявская останавливается на особенностях восприятия войны командирами и рядовыми, пехотинцами и танкистами, летчиками и моряками, анализирует роль социального положения, пола, возраста, рода войск в данном процессе. Значительное место в ее работах уделено солдатскому фатализму, отношению к смерти на войне, положению женщины, фронтовому быту и другим сюжетам, к которым ранее исследователи практически не обращались. Е.С. Сеньявская также впервые поставила вопрос о «выходе из войны», возвращении к мирной жизни фронтовиков, считая, что они «оказались “потерянным поколением” в послевоен-

¹ Малышева Е.М. Указ. соч. С. 94.

² Селюнин В.А. Указ. соч. С. 65–66.

³ Сеньявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение (Историко-психологическое исследование). М., 1995; Ее же. Человек на войне. Историко-психологические очерки; Ее же. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М., 1999 и др.

ные годы и воистину трагическим поколением в конце своего жизненного пути»¹.

Новым направлением стало обращение исследователей к вопросам взаимного восприятия советских граждан и их противников в годы Великой Отечественной войны, механизму формирования образа «врага»². Историки указывают на то, что захватчики не сразу приобрели черты враждебности для советских граждан, отмечают роль пропагандистских органов в создании образа «врага», который приобрел отчетливые этнические черты, стал ассоциироваться прежде всего с немцем.

Современные авторы раскрывают роль религии и церкви в годы войны, особенности религиозной политики оккупантов, непростые отношения местных органов советской власти и церкви, их эволюцию³. В новых исследованиях отмечается оживление религиозной жизни в регионе в годы войны. Их авторы, в частности, указывают на различные формы патриотической деятельности религиозных организаций региона (сбор средств фронту, шефство над госпиталями и другие), а также широкое распространение так называемой народной религии (например, листовок религиозного содержания)⁴.

¹Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение (Историко-психологическое исследование). С. 111.

²Всеволодов В.А. «Образ врага» (к вопросу о характере советской пропаганды накануне и в период войны) // Трагедия плена. Красногорск, 1996; Кринко Е.Ф. Немцы о русском характере (1941–1945 гг.) // Национальное возрождение России: теория и практика. Ростов-на-Дону, 1996; Сенявская Е.С. Человек на войне. Историко-психологические очерки; Горяева Т. Убить немца: образ противника в советской пропаганде // Родина. 2002. № 10 и др.

³Шимон И.Я. Отношение Советского государства к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дисс... д-ра ист. наук. М., 1995; Гущина А.В. Эволюция отношений государства и Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. М., 1996; Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М., 2001; Шкаровский М.В. Крест и свастика. Национальная Германия и Православная Церковь. М., 2007 и др.

⁴Кринко Е.Ф. Религиозные представления населения Кубани в годы Великой Отечественной войны // Национальное возрождение России: теория и практика. Ростов-на-Дону, 1996; Сомова И.Ю. Религиозный вопрос на Ставрополье в 1943–1945 гг.: новшества, особенности и состояние к концу войны // Актуальные проблемы российской и всемирной истории. Ученые записки. Пятигорск, 2002. Вып. 1; Фефилин С.В. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х — середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края): Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2002 и др.

В новых обобщающих и специальных исследованиях появились иные, чем раньше, оценки командной экономики и колхозного строя военного времени. В частности, М.А. Вылцан в разрез с прежними положениями советской историографии утверждает, что «партийные организации всех уровней в годы войны так и не смогли найти эффективных форм партийно-политической работы в деревне», они сводились «к трем главным направлениям: партийные взыскания, снятие с работы, отдача под суд»¹. М.А. Вылцан считает, что, в отличие от промышленности, сельское хозяйство в военные годы оказалось на грани развала, поэтому для него больше подошло бы определение «пиррова победа»², которое он и избрал в качестве части заголовка своей работы.

Во многих работах региональных историков приводятся новые сведения по вопросам выполнения и перевыполнения производственных планов в промышленности и сельском хозяйстве региона, показана роль соревнования как важного фактора советского экономического развития. В других публикациях по данной проблематике их новизна порой проявляется лишь в названиях, а текст во многом дублирует содержание работ предыдущих лет. Так, в работах по истории сельского хозяйства и промышленности Адыгеи приводится ряд новых данных о развитии экономики области в годы войны, однако главное место по-прежнему занимает описание деятельности партийных организаций по руководству народным хозяйством³. Противоречивы и выводы их авторов: «несмотря на проводимую большую организаторскую работу, государственные органы не сумели до конца преодолеть огромные трудности в развитии сельского хозяйства. Тоталитарная система... также сказалась на стиле и методах руководства местных органов. Тем не менее, была повышена производительность труда в колхозах и совхозах, что позволило увеличить поставки сельскохозяйственной продукции фронту и стране в целом»⁴.

¹ Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945. Пиррова победа. М., 1995. С. 10–11.

² Вылцан М.А. Указ. соч. С. 24. Однако резкая переоценка им прежних положений вызвала возражения других специалистов. См.: Анисков В.Т. По поводу «Пирровой победы» // Анисков В.Т. О бедной деревне замолвите слово... 1941–1945–19?? Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Научная публицистика. Вологда; Ярославль, 1996.

³ История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917–1991 гг.). Майкоп, 1991; История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.). Майкоп, 1994.

⁴ История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи. С. 209.

Весомый вклад в изучение промышленности, железнодорожного и водного транспорта Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны внесли докторская диссертация и монографии В.А. Селюнина. Значительное внимание историк уделил совершенствованию системы управления экономикой в военных условиях, отметив ослабление внимания отраслевых наркоматов к предприятиям региона осенью 1941 г., приведшее к прекращению их финансирования, снабжения сырьем и материалами, по-видимому, «из-за усиления заботы правительства об укреплении оборонного комплекса на востоке страны». В результате инициативу управления на себя взяли местные органы власти, что в целом, по мнению исследователя, оказалось оправдано. В то же время В.А. Селюнин привел и факты организации местными властями выпуска военной продукции на непригодных для этого предприятиях, без необходимой документации и квалифицированных кадров, что приводило к бессмысленным затратам труда и материалов¹. Анализируя восстановление экономики после освобождения, он пришел к выводу о том, что ни одна отрасль не достигла прежнего уровня выпуска продукции, за исключением отдельных предприятий. При этом в номенклатуре промышленных изделий после освобождения стали преобладать уже не военные, а народнохозяйственные заказы². Значительное место в его исследованиях занимает и освещение проблемы подготовки кадров для промышленности и транспорта. Развитие отдельных отраслей промышленности и транспорта, судьба наиболее крупных предприятий региона в военные годы рассматривается в ряде кандидатских диссертаций, а также в обобщающих работах и отдельных статьях³.

Советские историки подчеркивали беспрецедентный масштаб эвакуации людей, имущества, оборудования, скота с территории, которой угрожала немецкая оккупация, акцентировали внимание на атмосфере дружбы, заботы и сотрудничества в отношениях между эвакуированными и местными жителями. При этом недооценивались материальные и финансовые потери эвакуации, трудности

¹ Селюнин В.А. Указ. соч. С. 113–120.

² Там же. С. 283–284, 366–367.

³ Селюнина Н.В. Водный транспорт Юга России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ростовской области и Краснодарского края): Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2002; Печалова Л.В. Кооперативная промышленность Ставрополя и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007 и др.

и ошибки в ее проведении, находящие отражение в современной историографии. Например, В.А. Селюнин утверждает, что не все беженцы, прибывшие на Северный Кавказ, «были удовлетворены оказанным им приемом, качеством жилья, материальным и бытовым обеспечением»¹. М.Н. Потемкина, анализируя положение эвакуированных на Урале, пришла к выводу о том, что в целом у них сложились дружелюбные отношения с местными жителями различных национальностей. В то же время она отметила проявления антисемитских настроений по отношению к эвакуированным евреям и отдельные случаи межнациональной розни, связав их с общими материально-бытовыми трудностями². Проявления антисемитизма, бюрократизм в решении вопросов эвакуированных граждан и другие негативные явления отмечаются и в работах, написанных на материалах Северного Кавказа³.

Наиболее полно трагизм эвакуации населения и материальных ценностей с территории Северного Кавказа в тыл страны летом 1942 г. показал в своей монографии С.И. Линец. На основе анализа рассекреченных материалов он пришел к выводам о том, что местные руководители не сумели в должной мере справиться с задачей эвакуации из-за грубых просчетов в определении ее сроков, острой нехватки времени и транспорта, отсутствия связи с военным командованием и своевременных решений центральной власти⁴. Особенно неудачной, по его мнению, оказалась эвакуация скота, продовольствия и сельскохозяйственной техники. Большая часть сельскохозяйственной техники была разбита и уничтожена, регион почти полностью лишился поголовья свиней, огромное количество зерна и другого продовольствия досталось оккупантам⁵.

¹ Селюнин В.А. Указ. соч. С. 170–171.

² Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. 2002. № 3. С. 151–152.

³ См.: Кринко Е.Ф. Массовые миграции населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: опыт историографического обобщения // Народы и власть в истории России: проблемы исследований. С. 161–162; Его же. Происхождение этнических стереотипов и их роль в процессах межэтнического взаимодействия на Кубани // Вопросы казачьей истории и культуры. Майкоп, 2002. Вып. 1. С. 111.

⁴ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 79–80.

⁵ Там же. С. 151–152.

В диссертации В.П. Шишкина восстановление народного хозяйства региона рассматривается как единый процесс в рамках военного и первого послевоенного времени. Целесообразность такого подхода уже отмечалась в историографии в связи с возможностью проследить влияние законов военной экономики на послевоенное развитие советского народного хозяйства. Однако в первой главе работы, посвященной трудовому вкладу народов региона в восстановление народного хозяйства в 1943–1945 гг., основное внимание уделено не формам и методам функционирования военной экономики, а последствиям немецкой оккупации, восстановлению промышленности и сельского хозяйства, отмечена роль политических репрессий как фактора, тормозящего восстановительный процесс в регионе¹.

Современные исследования характеризуют нормированное распределение и оплату труда, использование дополнительных ресурсов питания, медицинское обслуживание, социальное обеспечение, удовлетворение жилищно-бытовых потребностей населения в годы Великой Отечественной войны². Наиболее полную картину деятельности местных органов власти по обеспечению жителей Северного Кавказа продуктами и предметами широкого потребления, улучшению жилищных условий и коммунальных услуг, работе системы здравоохранения и образования содержит работа Н.А. Чугунцовой. Она отмечает, что «личное потребление населения региона, как и всех советских граждан, за годы войны снизилось на 30–40 процентов. И все-таки самые насущные потребности обеспечивались в основном бесперебойно»³. В целом ряде работ освещаются отдельные направления и аспекты советской социальной политики, развитие системы образования, здра-

¹ Шишкин В.П. Трудовой подвиг народов Северного Кавказа в период восстановления и развития народного хозяйства (1943–1953 гг.) (на материалах Ставропольского, Краснодарского краев, Кабардино-Балкарской АССР): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 1999.

² Загвоздкин Г.Г. Социальная политика ВКП(б) и советского государства в годы Великой Отечественной войны: Дисс... д-ра ист. наук. М., 1991; Кожурин В.С. Социальная политика Советского государства по отношению к рабочему классу в годы Великой Отечественной войны: Дисс... д-ра ист. наук. М., 1991; Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М., 1994. Вып. 1–2 и др.

³ Чугунцова Н.А. Указ. соч. С. 121.

воохранения и социального обеспечения в регионе¹. Комплексный анализ системы социальной защиты детства в годы войны на Кубани предпринят в кандидатской диссертации И.В. Юрчук².

Обобщающую картину истории крестьянства Дона, Кубани и Ставрополя периода Великой Отечественной войны воссоздает кандидатская диссертация В.А. Бондарева³. Он проанализировал не только его хозяйственную деятельность, роль коллективных и личных хозяйств, особенности крестьянской экономики, но и систему социального обеспечения, поставил вопрос о крестьянской взаимопомощи, немало внимания уделил вопросам быта и духовной жизни крестьян. В то же время авторы других работ придерживаются достаточно традиционной трактовки вопросов участия различных социальных слоев и групп Северного Кавказа в Великой Отечественной войне. Например, кандидатская диссертация А.Ю. Озова посвящена патриотической работе и ратным подвигам молодежи региона, ее участию в подготовке боевых резервов, боевых действиях на фронте, борьбе на оккупированной территории, заботе о раненых воинах⁴.

Вклад интеллигенции региона в дело победы рассмотрели Ф.У. Айбазова, Х.Б. Баучиев и другие авторы. Они проанализировали перестройку работы творческой и научно-технической интеллигенции, боевые подвиги ее представителей на фронте и на оккупированной территории, понесенный учреждениями культуры, науки и образования ущерб от оккупации и их восстановление после осво-

¹ Кринко Е.Ф. Социальное обеспечение семей военнослужащих на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы социальной политики в регионе. Армавир, 2006; Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Таганрог, 2007; Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008 и др.

² Юрчук И.В. Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008.

³ Бондарев В.А. Российские крестьянство в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев): Дисс... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2001.

⁴ Озов А.Ю. Патриотическая работа и ратные подвиги молодежи Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999.

бождения, роль литературы и искусства как важнейших средств воспитания патриотизма¹. В диссертации и монографии Ю.А. Болдырева переосмысливается влияние партийно-государственных структур на художественную культуру, деятельность творческой интеллигенции региона на фронте и в госпиталях. Историк полагает, что в годы войны «агитационно-пропагандистская направленность в деятельности творческой интеллигенции... преобладала над стремлением к художественному совершенству»².

В историографии отмечается, что в 1990-е гг. началась «дегероизация всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков»³. Однако в последние два десятилетия вышло немало работ, описывающих участие жителей краев и автономий Северного Кавказа, созданных здесь воинских частей и соединений в Великой Отечественной войне в русле историографической традиции, прославляющих их героические подвиги⁴. Авторы указанных работ стремятся показать духовную силу и самоотверженность, мужество и героизм участников войны. Многие историки по-прежнему связывают создание добровольческих частей с инициативой народных масс, патриотизмом различных

¹ Айбазова Ф.У. Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997; Баучиев Х.Б. Вклад интеллигенции Северного Кавказа в разгром фашизма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ставрополь, 2000 и др.

² Болдырев Ю.А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996. С. 111.

³ Кирсанов Н.А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война (историография). М., 1995. С. 187.

⁴ Худалов Т.Т. Северная Осетия в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Владикавказ, 1992; Койчуев А.Д. Сыны и дочери Карачая — фронту. Черкесск, 1995; Шибзухов М.Х. Сыны и дочери Адыгеи в Великой Отечественной... Майкоп, 1995; Ставропольцы в Великой Отечественной войне (историко-публицистические очерки). Ставрополь, 1995; Созвездие славных: Герои Советского Союза и Карачаево-Черкесии (1938–1988). Ставрополь, 1996; Морская слава кубанцев. Краснодар, 1996; Летчики в боях за Кубань. Краснодар, 1997; Устремленные в небо. Краснодар, 1997; Койчуев А.Д. Славные сыны Карачая. Карачаевск, 1998; Сиджах Х.И. Воинские и ополченские формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны. Майкоп, 1999; Баликоев Т.М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ, 2000; Ошаев Х.Д. Слово о полку чечено-ингушском. Нальчик, 2004; Ибрагимов М.М., Хатуев И.З. Вклад чеченского народа в победу над фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Грозный, 2005 и др.

групп населения, расценивая его как проявление «интернационального и социально-политического единства народов СССР», показатель «укрепления дружбы народов Северного Кавказа и единства их коренных интересов по защите социалистического Отечества»¹.

В то же время в современной историографии нашли отражение и негативные последствия мобилизации для хозяйственного развития региона. Исследователи указывают, что перераспределение людских ресурсов в интересах фронта привело к значительному сокращению городского и сельского трудоспособного населения на Северном Кавказе, обострило проблему трудовых ресурсов². В последние годы появились работы, в которых показаны ошибки при проведении мобилизации на Северном Кавказе, приведены данные о дезертирстве из рядов Красной армии.

В данной связи вызывает несомненный интерес исследование А.Ю. Безугольного, проанализировавшего на основе рассекреченных военных документов вопросы участия народов Кавказа в Великой Отечественной войне в контексте национальной политики советского государства. В центре внимания исследователя людские ресурсы региона в начальный период войны, автор приводит данные о приостановке и отмене призыва представителей всех северокавказских и закавказских народов в 1942 г., показывает сложности создания, подготовки и боевого пути сформированных из них национальных частей. Проведенный анализ позволил утверждать, что описания героического пути отдельных жителей региона и созданных здесь формирований нередко содержат преувеличения, создавая основу для мифотворчества. По словам А.Ю. Безугольного, «давно сложившееся почитание национальных частей периода Великой Отечественной войны как символа национального вклада в дело борьбы с фашизмом отодвигает на второй план особенности их сложной и неоднозначной истории, в которой как в зеркале отражаются повороты национальной политики во время войны»³.

Дискуссионный характер в современной историографии принял и вопрос о цене победы в Великой Отечественной войне. Точное количество людских потерь, понесенных страной в целом и отдельными регионами в частности, долгое время оставалось

¹ Малышева Е.М. Указ. соч. С. 91, 95.

² Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 74 и др.

³ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М., 2007. С. 9.

неизвестным. По окончании войны потери СССР были определены в 8 млн чел. Позже, в период «оттепели», прозвучала цифра в 20 млн чел. В 1990-е гг. были опубликованы новые данные, согласно которым общие людские потери страны оцениваются почти в 27 млн чел. Эта цифра включает и потери среди военнослужащих, и жертвы среди мирного населения.

В статистическом исследовании военных историков общие безвозвратные потери (убитые, пропавшие без вести, не вернувшиеся из плена, умершие от ран, болезней и несчастных случаев) Вооруженных сил СССР вместе с пограничными и внутренними войсками определены в 8 868 400 чел. В это число не вошли 939 700 военнослужащих, пропавших без вести в начале войны, но вторично призванных в армию на освобожденной от оккупации территории в 1942–1945 гг., а также 1 836 000 военнослужащих, возвратившихся из плена после войны¹. Данное исследование составлялось только на основе анализа и обобщения статистических материалов Генерального штаба, военных донесений, отчетов Центрального военномедицинского управления и других архивных документов. Поэтому в нем не учитывались потери в частях народного ополчения, партизанских отрядах, специальных формированиях других ведомств, данные о которых не предоставлялись в Генеральный штаб. По уточненным официальным данным, опубликованным в мае 1998 г., безвозвратные потери Вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне составили около 12 млн чел.²

Однако вопрос о советских потерях продолжает широко дебатироваться, а появившиеся в последние десятилетия публикации содержат различные данные. Ряд авторов приводит цифры, намного превосходящие официальные данные. Так, Б.В. Соколов, опираясь на доступные статистические данные о динамике численности советского населения, определил общие безвозвратные потери СССР в 43,5 млн чел., включая 26,5 млн военнослужащих и 16,9 млн гражданских лиц³. Другие исследователи критически воспринимают по-

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М., 1993. С. 129.

² Герасимов Г. Мертвые души Великой Отечественной войны // Независимое военное обозрение. 1999. № 25. С. 6.

³ Соколов Б.В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991; Его же. Цена войны: людские потери СССР и Германии, 1939–1945 гг. // Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сб. ст.). СПб., 1998.

добные цифры. По словам А.К. Соколова, «вторжение дилетантов» сыграло негативную роль в изучении данного вопроса¹. В.А. Неvejeин также неодобрительно отозвался о попытках «безосновательного манипулирования статистическими данными, вольное или невольное стремление преувеличивать потери»².

В разное время в разных регионах страны, прежде всего по инициативе советов ветеранов войны, начали составляться поименные списки тех, кто не вернулся с фронта. Новые обобщающие данные о потерях населения отдельных городов, районов, областей, республик и краев Северного Кавказа в годы войны были установлены благодаря подготовке и изданию Книг Памяти. Списки погибших, к числу которых относили и пропавших без вести, умерших от ран и болезней, составлялись на основе изучения документов и материалов военкоматов, архивов и музеев, отделений ВООПИК, советов ветеранов войны и труда, вооруженных сил и правоохранительных органов. В результате было установлено, что в войне погибли 469 255 жителей Краснодарского края, в т. ч. 2 952 женщины³. С войны не вернулось 30 543 чел. в Адыгее⁴, 21 570 чел. в Карачаево-Черкесии⁵. В Ставрополье благодаря работе над Книгой Памяти удалось создать «своеобразный банк уточненных сведений на 190 тыс. воинов, погибших и пропавших без вести», а всего домой не вернулось около 200 тыс. жителей края⁶.

Однако установить точную судьбу многих участников войны оказалось невозможно к моменту издания Книг Памяти, прежде всего из-за отсутствия полной и исчерпывающей информации: «Документы повествуют о том, что погибшего в бою товарища хоронили в спешке, нередко ночью и под огнем противника. Случалось и так, что после боя не могли опознать погибшего, установить его имя и фамилию, место рождения и призыва на фронт. А там, где были эти данные, они записывались на фанере и химическим

¹ Соколов А.К. Методологические основы исчисления потерь населения СССР в годы Великой Отечественной войны // Людские потери СССР в период второй мировой войны: Сб. ст. СПб., 1995. С. 29.

² Неvejeин В.А. Великая Отечественная война в новейших исследованиях и документальных публикациях // Преподавание истории в школе. 2000. № 4. С. 26.

³ Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. Краснодар, 2000. С. 6.

⁴ Книга Памяти. Майкоп, 1995. Т. 2. С. 11.

⁵ Книга Памяти: Российская Федерация. Карачаево-Черкесская Республика. Майкоп, 1999. Т. 2. С. 89.

⁶ Книга памяти ставропольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг. Ставрополь, 1994. Т. 1. С. 8–9; 1997. Т. 11. С. 9.

карандашом. Дожди и непогоды стирали эти записи... Порою то, что сохранилось в архивах, трудно разобрать: запись велась со слов бойца, на газетной или оберточной бумаге, на которой со временем невозможно установить текст¹. Нередко в документах военного времени встречаются ошибки и описки. Наиболее сложно установить имена тех, кто оказался похоронен за пределами России, а также находился в немецком плену.

Поэтому составители одной из Книг Памяти справедливо отмечали необходимость продолжения работы над поименными списками погибших: «Это благородное дело нельзя считать законченным, так как половина не вернувшихся с полей земляков до сих пор считается пропавшими без вести»². Редколлегия другой Книги Памяти не может «поручиться за полную достоверность этих списков», так как «слишком формально и часто небрежно были проведены подготовительные и учетные работы и в военкоматах, и в местных (тогда) Советах» во многих населенных пунктах³. Только благодаря инициативе отдельных энтузиастов, привлечению данных родных и близких участников войны удалось добиться более или менее точных данных, опубликовать дополнительные списки погибших и пропавших без вести, внести соответствующие уточнения и изменения.

В целом нынешняя методологическая ситуация предоставляет современным исследователям военной темы гораздо больше возможностей, чем еще несколько десятилетий тому назад. Это связано и с расширением источниковой базы, и с общими изменениями в развитии отечественной исторической науки, обновлением теоретико-методологических принципов и методов исследования, наконец, с появлением нового поколения историков. Несмотря на сохраняющееся, хоть и содержательно изменившееся влияние конъюнктуры, в исторической науке сложилась более свободная атмосфера, позволяющая сосуществовать различным взглядам и дающая исследователю возможность чувствовать себя более самостоятельным в выборе авторской позиции. В то же время увеличение общего количества работ не всегда сопровождается повышением их качества. Это проявляется как в глубине осмысления авторами ряда работ событий военных лет, так и в избранных ими способе, форме и манере изложения, общем

¹ Кубань в Великой Отечественной... 1941–1945. С. 6–7.

² Книга Памяти. Майкоп, 1994. Т. 1. С. 15–16.

³ Они не вернулись из боя... Книга Памяти. Российская Федерация. Краснодарский край. Мостовской район. Майкоп, 1995. С. 8.

снижении уровня издательской и редакторской культуры, превращении отдельных исследований в откровенные компиляции.

Предпринятое путешествие по лабиринтам лишь нескольких историографических сюжетов оставляет ощущение некоторой незавершенности авторского замысла. Профессиональный читатель, воспитанный на более строгих и склонных к аналитической четкости текстах, вправе задаться соответствующим вопросом: а что же в итоге? К сожалению, итога как такового нет. Процесс обновления исторического познания оказывается в большей степени «вещью в себе», чем нам того хотелось бы. Его пространство подвержено постоянной интеллектуальной инфекции, стойкость к которой зависит от многих факторов как внешнего, так и внутреннего порядка. В одном случае интенции к переосмыслению того или иного события прошлого провоцируются открытием архивов и сдерживаются его историческим величием (изучение Великой Отечественной войны), в другом — подготавливаются длительным и подспудным процессом кристаллизации национальной исторической мысли, блокируемой необходимостью создания общего для всех прошлого (национальная государственность). Однако все они оказываются невольными заложниками времени, конкретной исследовательской ситуации, профессиональных амбиций и меры таланта историка. Причем если ранее последнее обстоятельство нивелировалось общепринятыми стандартами историописания, то теперь благодаря институциональному оформлению региональной историографии оно по праву занимает принадлежащее ему место.

Таким образом, в пространстве современной историографии пытаются найти общий язык и выработать хартию взаимотерпимости вещи мало друг с другом совместные — исследовательская верность традиции и уважение к исторической памяти народа; необходимость реабилитации региональных исследований и их совмещение с общеисторической направленностью изучения прошлого; попытки переосмысления явно устаревших теоретических постулатов и методологическая несостоятельность большинства нынешних исследователей. Именно поэтому современные образы прошлого остаются незавершенными, напоминая собою «рукотворную композицию типа рукодельных цветных ковриков — пэчвоков»¹.

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 54.

Глава 2

ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СОВЕТСКОГО СЕВЕРНОГО КАВКАЗА 1920–1930-х гг.

§ 2.1. Национально-государственное строительство в регионе: на перекрестке мнений

Национально-государственное строительство постоянно находилось в сфере пристального внимания советского и партийного руководства. Необходимость его скорейшего осуществления в условиях развернувшегося ожесточенного гражданского противоборства потребовала от большевиков более гибкого подхода к разрешению национальных проблем. Результатом стало то реальное многообразие форм национального самоопределения, которое позволяло на практике охватить советским строительством все без исключения народы страны. Содержание и идеологическая направленность такого рода автономных образований, как правило, были подчинены задаче восстановления и упрочения новой власти. Однако под воздействием целого ряда обстоятельств — хозяйственной разрухи, резкого падения жизненного уровня населения, несформированности классового сознания у подавляющего большинства народов и этнических групп страны — конкретные мероприятия в области национально-государственного строительства нуждались в целенаправленном и адресном руководстве. Завершение Гражданской войны и политическая победа партии большевиков явились теми знаковыми событиями, которые свидетельствовали о начавшемся процессе централизации во всех областях жизни советского общества. Не стало исключением в этом отношении и национально-государственное обустройство народов Северного Кавказа.

Направление интересов профессиональных исследователей к истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе за последние десять — пятнадцать лет заметно изменилось. Перемены затронули не только содержательную, но и длитель-

но не «замечавшуюся» историософскую сторону ее осмысления: если ранее историки искали ответы на вопросы сугубо прагматического свойства, сводившиеся к поиску «недостающих и все объясняющих фактов», то теперь они все чаще обращают внимание на концептуализацию уже имеющегося материала. И хотя о завершении эпохи «наивного позитивизма» в отечественной историографии говорить в целом еще не приходится, возрастающий интерес к теоретическим аспектам событийной истории свидетельствует о ее глубокой эрозии.

В этом отношении история национально-государственного строительства в регионе, с одной стороны, демонстрирует устойчивую приверженность кумулятивному типу историописания, а с другой — стремление к поиску внятной и непротиворечивой концепции северокавказской истории, сохраняющей ее специфику и отражающей «встроенность» в общероссийский исторический процесс¹. Так, довольно оригинальной выглядит попытка современного исследователя рассмотреть советскую национальную политику на Северном Кавказе и ее результаты «не только в свете собственно национального строительства у автохтонных народов, но и как часть более масштабной и исторически актуальной для советского государства задачи — создания надэтнического интегрированного сообщества»². Автор приходит к выводу о том, что «меры национальной политики 1920-х — начала 1940-х гг. были направлены на повышение этнического самосознания народов Северного Кавказа, формирование модернизированных социальных институтов. Вместе с тем, в этот период закладывались основания создания в будущем новой надэтнической социальной целостности, нашедшей свое отражение в процессе формирования интегрированного советского общества»³.

Масштабность и трудоемкость подобного рода поиска привели к появлению концептов «горской цивилизации», «кавказского цивилизационного излома», «столкновения православной и мусульманской цивилизаций», претендующих на прояснение коллизий

¹ Кобахидзе Е.И. Освещение проблемы интеграции народов Центрального Кавказа в административную систему Российской империи в постсоветской историографии // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения). С. 97–98.

² Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 — конец 1950-х гг.): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Армавир, 2008. С. 4.

³ Там же. С. 20.

региональной истории и ее динамики в потоке «большого времени». Однако при всей своей теоретической значимости и методологических возможностях они имеют ряд функциональных ограничений, одним из которых как раз и являются величины малого или среднего уровня. Именно для них разрабатываются теории так называемого оперативного реагирования, в пространстве которых создаются объяснительные схемы для каждого отдельного (или группы схожих) случая (*case study*). В качестве такого случая (особенности) в практике национально-государственного строительства на Северном Кавказе может рассматриваться создание двусубъектных административно-территориальных образований, причины возникновения которых вплоть до недавнего времени сводились к акту политической воли высшего руководства страны¹.

Между тем в ситуации увеличивающегося объема вводимого в исследовательский оборот архивного материала, уточняющихся деталей происходивших в тот период времени событий решать задачи системного (в данном случае каузального) порядка становится все сложнее. Их частичному решению мог бы способствовать широко практикуемый в социальных исследованиях метод нарративного анализа, исходящий из необходимости исследования документальных источников через контекст их бытования², где в качестве такового выступают разнообразные практики конструирования социальной реальности. В качестве одной из них могло бы использоваться понятие «империя позитивного действия», предложенное американским историком Т. Мартином для обозначения «уникальной природы СССР, который не являлся ни традиционной империей, ни реальной федерацией, ни государством-нацией»³.

Применение различных методик нарративного анализа и концептов имперской природы советского государства к разработке проблем национально-государственного строительства на Северном Кавказе позволяет выявить группы причин, обусловивших

¹ Хлынина Т.П. Современная исследовательская практика и ее возможности в изучении национально-государственного строительства на Северном Кавказе // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России: в 2 ч. Ч. 2. Карачаевск, 2008. С. 244–253.

² См., например: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Исследования в социальной работе: оценка, анализ, экспертиза. Саратов, 2004.

³ Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 122–123.

появление особых (двусубъектных) национальных автономий в регионе. Рассмотрим, каким образом они трактуются современной историографической практикой, обнаруживают ли типически сходные черты и какие обстоятельства выделяют в качестве основополагающих. При этом общим моментом, определившим развитие политико-правовых форм северокавказских автономий, признается распад Горской АССР.

Так, выделение кабардинцев из состава Горской республики повлекло за собою необходимость решения вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Показательно, что в существующей литературе практически не упоминается о каких-либо самостоятельных шагах в этом направлении со стороны балкарского руководства. На страницах специальных исследований отмечается, а в трудах кабардинских авторов подчеркивается, что балкарцы были одним из самых малоземельных народов на Северном Кавказе с так и не сложившейся государственно-политической традицией. В этом отношении достаточно показательным является и отсутствие упоминания о балкарцах в одном из разделов современного обобщающего труда, посвященного истокам и становлению современной государственности Кабардино-Балкарии. В предисловии к нему авторский коллектив признает существенную неполноту анализа ее истоков и «ни в коем случае не отождествляет их с политической традицией только одного из ее народов»¹. Однако само наименование и содержание соответствующего раздела «Государственно-политическая традиция в истории кабардинцев», где первое упоминание о балкарцах встречается только на странице 51, не оставляет сомнений по поводу предпочтений и выбора авторов.

Процесс обретения балкарцами собственной административной автономии в составе Горской АССР в литературе, как правило, носит характер простого упоминания, а дальнейшее расширение самостоятельности округа сводится к образованию Кабардино-Балкарской автономной области: «После выделения Кабарды из Горской АССР в автономную область предпринимались шаги и по решению вопроса о самостоятельности Балкарского округа. Оставаться в дальнейшем в составе Горской республики Балкария не могла, потому что она еще больше, чем Кабарда, была оторвана от Горской АССР. 16 января 1922 г. ВЦИК постановил образовать объединенную Кабардино-Балкарскую автономную область, непосред-

¹ Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Указ. соч. С. 5.

ственно связанную с РСФСР, выделив для сего из состава Горской автономной республики территорию, занимаемую ныне балкарцами, объединив Балкарию с Кабардой»¹. В качестве причин такого объединения чаще всего называются «отсутствие у маленькой Балкарии аппаратов здравоотдела, отдела юстиции, финотдела, ревтрибунала, военкомата. Их создание потребовало бы колоссальнейших затрат государственных средств». Особо подчеркивается наличие тесной экономической связи с Кабардинским округом и отсутствие с ним политических разногласий².

В данной связи обращают на себя внимание исследования кабардинского историка А.Г. Кажарова, предметом специального изучения которого стало формирование территории Кабардино-Балкарской автономной области³. Проанализировав территориальный аспект взаимоотношений Кабарды и Горской республики, а также Кабарды и Балкарии, автор пришел к выводу, что именно он стал тем решающим фактором, который определял собою становление государственности кабардинского и балкарского народов. Основной причиной выхода Кабарды из состава Горской автономии, по заключению исследователя, являлась угроза ее территориальной целостности. В свою очередь, «демонтаж полиэтничной государственности... актуализировал и проблему определения административно-политического статуса Балкарии, потерявшей территориальную связь с ГАССР». Попытки центрального руководства образовать отдельные автономные области для двух соседних народов выявили серьезные территориальные противоречия. Единственным мирным способом их устранения и явилось формирование объединенной автономной области: «Была найдена удачная, действительно компромиссная формула, суть которой состояла во взаимном признании земельных интересов

¹ Улигов У.И. Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. Майкоп, 1995. С. 106.

² Бербеков Х.М. К вопросу об образовании национальной государственности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1961. С. 19.

³ Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 — первая половина 1920-х гг.): Дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2001; Его же. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. Вып. I.

Балкарии и исторических прав Кабарды на свою территорию. Глубинные предпосылки означенного компромисса лежат в области природно-географических факторов — объективно неустранимой территориальной связи кабардинского и балкарского народов. Создание Кабардино-Балкарской автономной области стало формой национально-государственной институционализации данной объективной реальности»¹.

Схожая ситуация наблюдается и в освещении процесса образования Чечено-Ингушской автономной области. Обращает на себя внимание тот факт, что если процесс образования Чеченской автономной области достаточно подробно освещен в литературе, то получение самостоятельности ингушским народом выглядит как следствие упразднения Горской республики и связано с необходимостью решения задач нового административно-хозяйственного районирования². Образование самостоятельной автономии ингушского народа оценивалось и продолжает оцениваться с точки зрения создания более благоприятных условий для его быстрого развития и широкого вовлечения в советское строительство. Правда, в последние годы отмечается, что «в условиях всеобщей эйфории, охватившей народы края по созданию самостоятельной государственности», преодолеть ее не смогла и ингушская партийная организация, «хотя она и отличалась необыкновенно трезвым и взвешенным подходом». По свидетельству архивных источников, коммунисты Ингушетии отвергли начальный, появившийся еще в 1922 г., проект объединения с Чечней как грозящий обострению межнациональных отношений в крае. Однако уже в 1924 г. они оказались перед свершившимся фактом — распадом Горской республики и необходимостью создания собственной автономии³.

Не менее запутанная ситуация сохраняется и в отношении образования Карачаево-Черкесской автономной области. В специальной литературе до сих пор нет даже определенной ясности относительно нахождения черкесского населения в составе Горской АССР.

¹ Кажаров А.Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии. С. 33.

² Ерещенко Г.А. Чечено-Ингушская АССР: начальный этап, развитие, совершенствование // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. С. 118.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994. С. 107–108.

Достаточно часто встречаются утверждения о том, что «из нее вышли также карачаевцы и черкесы»¹. Подобное положение, скорее всего, является следствием смешения вопросов территориальной принадлежности и административного подчинения. Южная часть Баталпашинского отдела Кубанской области, которая традиционно соотносится с местонахождением черкесского населения, действительно входила в состав Горской республики. Однако в то время она являлась частью Карачаевского округа. Сама же Черкесия вплоть до объединения с Карачаем в административном отношении подчинялась Кубано-Черноморской области.

Вопрос о создании самостоятельной автономии карачаевского народа — «наподобие Кабарды на Тереке» — обозначился сразу же после выхода Кабардинского округа из состава Горской республики. В литературе отмечается, что данный шаг был продиктован «самой логикой развития карачаевского народа и достигнутых им успехов». Вместе с тем указывается и на обстоятельства хозяйственного порядка: «С выходом Кабарды из ГАССР встал вопрос и о выходе Карачая. Карачаевцы по своей экономической жизни и быту тяготеют больше к Кубани, нежели к Терской области»². Современные исследователи в качестве основной причины выделения Карачая из состава Горской автономии называют общее состояние политического развития в регионе: «Таким образом, события разворачивались по линии представления автономии каждому народу в отдельности. Не был исключением в этой связи и многонациональный Карачаевский округ»³.

Однако процесс образования автономии карачаевского народа, мыслившейся изначально в качестве многонациональной области, столкнулся с рядом трудностей. Прежде всего его инициаторы — работники ревкома и представители Наркомнаца — указали на невозможность выделения Карачая в область без присоединения к нему ряда дополнительных территорий, что создавало немалые проблемы в отношениях с другими народами. Более того, положение осложнялось и тем обстоятельством, что многонациональное

¹ См., например: Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп, 1997. С. 158.

² Напсо Д.А. Под знаменем интернационализма (Деятельность партийных организаций Северного Кавказа по интернациональному воспитанию трудящихся в годы социалистического строительства). Минеральные Воды, 1967. С. 123.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 102.

по составу население будущей автономии требовало определенных гарантий своих прав. В работах исследователей приводятся факты из архивов, свидетельствующие о том, что стремление к обретению автономии находило отражение на съездах всех народов, проживавших на ее территории. Но в них, к сожалению, не приводится данных о том, когда и в связи с чем появилась сама идея создания объединенной автономии карачаевского, черкесского, абазинского, русского и караногайского народов. Встречаются лишь упоминания об их давних и прочных хозяйственных взаимоотношениях.

Образование Карачаево-Черкесской автономной области в историографии, как правило, связывается с решением заседания коллегии Наркомнаца от 9 января 1922 г. с участием представителей Карачая и Черкесии. В соответствии с ним из состава Горской АССР выделялся Карачаевский округ, а из Баталпашинского отдела Кубано-Черноморской области — Черкесия и шесть казачьих станиц. Эти территории и составили Карачаево-Черкесскую автономную область¹.

Включение автономий в состав Северо-Кавказского края повлекло за собою новый пересмотр их внутреннего административного устройства. При этом их хозяйственные интересы нередко требовали расширения границ и присоединения территорий с иноэтничным населением. Результатом такого рода преобразований становилось достижение экономической целостности национальных образований и размывание национального состава их населения. Показательно, что наряду с обретением национальной целостности происходило и дробление автономий. Так, в июле 1926 г. по постановлению Президиума Северо-Кавказского крайисполкома упраздняется Карачаево-Черкесская автономная область.

В современной историографии данный факт объясняется «автономистскими тенденциями среди различных группировок внутри единой автономной области». Область была разделена на Карачаевскую автономную область и Черкесский национальный округ с прямым подчинением Северо-Кавказскому крайисполкому. В 1928 г. округ преобразуется в автономную область и включается в состав края. Причины таких изменений в литературе не анализируются и объясняются тем, что «это был шаг большой исторической важности. Народы обретали свою автономию и в числе равных входили в

¹ Карданова А.Х. Создание национальной государственности народов Карачая и Черкесии // Национально-государственное строительство Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. С. 180.

Российскую Федерацию»¹. Представляется, что такого рода преобразованиями советская власть не столько удовлетворяла «автономистские» устремления народов, сколько решала собственные проблемы по созданию управляемых и зависимых от нее автономий.

Подобного рода мероприятия являлись характерными для всех без исключения автономий Северо-Кавказского края и преследовали своей целью завершение процесса их территориально-хозяйственного объединения. Достижение такой целостности, по мысли специалистов, и явилось той основой, которая позволила завершить объединение одних областей и повысить правовой статус других национальных образований.

Так, 15 января 1934 г. произошло объединение Чеченской и Ингушской областей. В соответствии с устоявшейся и общепринятой точкой зрения, оно было подготовлено «огромной разъяснительной работой, проводившейся партийными организациями Чечни и Ингушетии, поставившими задачу объединить их уже практически». Вместе с тем отмечалось, что это объединение встретило горячее одобрение трудящихся². Однако новейшие исследования в этой области указывают, что фактически процесс объединения явился следствием присоединения г. Владикавказа к Северо-Осетинской автономной области.

Г.А. Ерещенко, детально изучив данный вопрос, отметил, что процесс объединения двух соседних областей вызвал острую политическую борьбу среди партийного и советского руководства Ингушетии. Особую позицию занимал И.Б. Зязиков, отстаивавший идею сохранения самостоятельной Ингушетии. Вместе с тем сильную позицию занимали сторонники объединенной автономии. Партийное руководство страны, учитывая и позицию Ингушетии и Чечни, признало вопрос их объединения несвоевременным.

Однако уже в начале 1930-х гг., в результате прошедших в Ингушетии политических процессов, в ходе которых была осуждена деятельность И.Б. Зязикова и его сторонников, вопрос о передаче Владикавказа Северной Осетии вновь был поставлен на повестку дня. Четвертого июня 1933 г. город был включен в состав Северо-Осетинской автономной области. Таким образом, практически был предпринят и вопрос об объединении Чеченской и Ингушской

¹ Карданова А.Х. Указ. соч. С. 181.

² Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 годы. Грозный, 1972. Т. 2. С. 167.

автономий. Показательно, что «во время реализации связанных с объединением мероприятий социально-политическая обстановка в обеих автономных областях обострилась»¹. По заключению ряда специалистов, объединение двух областей произошло в нарушение воли чеченского и ингушского народов, административным путем.

Более того, «необдуманные решения краевого партийного и советского аппарата по осуществлению нового административно-территориального обустройства народов привели к тому, что лишили Ингушетию административного центра — Владикавказ и были проведены в жизнь без волеизъявления ингушского народа»². Исследователи полагают, что предпринятая мера (передача Владикавказ Северной Осетии и объединение двух областей) «в межнациональных отношениях обостряла связи между чеченцами, ингушами и осетинами. На практике состоялось искусственное разделение трех братских народов»³.

Одним из итогов административно-хозяйственного переустройства края стало повышение политико-правового статуса его отдельных национальных образований. К сожалению, конкретных причин повышения статуса той или иной области в историографии не приводится. Даже в исследованиях «перестроечного времени» авторы ограничиваются рассуждениями общего характера, сводящимися к комментированию соответствующих положений Конституции 1936 г.⁴ Иногда в качестве основных предпосылок данных преобразований называются изменения этнического состава населения. Характеризуя процесс образования Чечено-Ингушской АССР, современный исследователь связывает его с увеличением численности чеченского и ингушского народов⁵.

В целом анализ сложившейся на сегодняшний день историографической практики истолкования причин образования двусубъектных национальных автономий показал, что в качестве таковых выступают близко тяготеющие друг к другу три группы факторов. К ним относятся: деятельность центральных органов власти, особенности внутривластной и территориальной конфигурации

¹ Ерещенко Г.А. Указ. соч. С. 133.

² Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е годы: Дис... канд. ист. наук. М., 1997. С. 131.

³ Дидигова И.Б. Указ. соч. С. 133.

⁴ Улигов У.И. Формирование национальной государственности у народов Кабарды и Балкарии: трудности становления, развитие. С. 107.

⁵ Дидигова И.Б. Указ. соч. С. 137.

самих автономий, а также их экономические и популяционные возможности. В качестве основополагающего фактора тех или иных изменений в статусе автономий выступает решение (либо позиция) соответствующего органа центральной власти. Однако при этом все чаще начинает учитываться и региональная специфика национальных автономий: территориальный аспект при образовании Кабардино-Балкарии, наличие административно-хозяйственного и культурного центра («владикавказский синдром») — Чечено-Ингушетии, достижение экономической целостности — Карачаево-Черкесии. При всей небесспорности доминирования в рассматриваемых процессах отмеченных факторов они, тем не менее, с определенной долей условности могут рассматриваться как среднесрочные тенденции в последующем национально-государственном строительстве в регионе.

Неотъемлемой частью национально-государственного строительства является и проблема административно-территориального размежевания народов Северного Кавказа, которая как самостоятельное исследовательское направление формировалось на протяжении не одного десятилетия. Практически все работы по истории национально-государственного строительства в регионе затрагивают и вопросы административно-территориального обустройства его народов. Такой тесной историографической взаимосвязи способствовала и сама практика решения национального вопроса советским государством, сводившаяся к приближению административных границ к территории расселения народов. Показательно, что в течение достаточно долгого времени в специальной литературе подобная практика не только не подвергалась сомнению, но и находила солидное теоретическое оправдание. Исследователи, опираясь на анализ многочисленных ленинских работ и решений всевозможных партийных и советских съездов, с удовлетворением констатировали «справедливое разрешение многих территориальных проблем, доставшихся народам от царистского прошлого». При этом различные споры и конфликты, возникавшие между соседними народами по поводу принадлежности тех или иных населенных пунктов, никак не сопрягались с национальной политикой советской власти и относились на счет «колониальной завоевательной политики Российской империи»¹.

¹ Хлынина Т.П. Национальная политика и этнические конфликты на Северном Кавказе в 1920-е годы // Северный Кавказ в условиях глобализации: Тезисы Всероссийской научно-практической конференции. Майкоп, 2001. С. 452–456.

Обращает на себя внимание и тот факт, что «подход, учитывающий территориальный фактор, был своего рода отклонением и не вписывался в общую официальную историографическую концепцию национально-государственного строительства на Северном Кавказе»¹. Об этом, в частности, свидетельствует и отсутствие в литературе внятного объяснения тем изменениям, которым неоднократно подвергались различные населенные пункты, земельные и пастбищные угодья в процессе уточнения их административной принадлежности. Вероятно, что при должном учете данного фактора получили бы прояснение и те внутренние административно-территориальные изменения, которые непрерывно шли в автономиях края.

Следует отметить, что все административно-территориальные преобразования, проводившиеся в 1920-х — середине 1930-х гг. в регионе, рассматривались и продолжают рассматриваться исследователями в качестве мероприятий хозяйственного назначения. Внутреннее районирование, начавшееся в автономных областях после уточнения их внешних границ, выявило и достаточно болезненную проблему острой нехватки земли в самих автономиях. В условиях Северного Кавказа она «начинает звучать как проблема спорных территорий и межэтнических противоречий»². Практически все автономные образования оказались многонациональными по составу представленного в них населения. Поэтому их административно-территориальное устройство потребовало приближения к этническим границам так называемых внутренних меньшинств.

Установление точных административных границ проживания народов разрушало сложившиеся в регионе традиции аренды земельных и пастбищных угодий, обостряя и без того непростые отношения между различными народами и группами населения. Более того, такая практика полностью противоречила предшествовавшему административному устройству народов региона, которое ориентировалось на отсутствие внутренних границ между ними. Обозначившиеся в данной связи проблемы по-разному решались руководством различных автономий. Так, в Северной Осетии, Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии были выделены в самостоятельные административные районы казачьи округа. Сложность

¹ Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа: Автореф. дисс... канд. ист. наук. С. 5.

² Кажаров А.Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии. С. 7.

и противоречивость этого процесса уже нашли свое отражение в современной историографии¹. В Карачаево-Черкесии «деление области по округам происходило по национально-территориальному признаку, что значительно облегчало преодоление имевшихся разногласий среди части населения и этнических групп. Позднее по просьбе казачества был создан Зеленчукский округ»². В Адыгее, где русские составляли половину населения области, вопрос о выделении для них отдельных округов не возбуждался³.

В настоящее время, когда в научный оборот введены новые пласты документов, получают новое осмысление и методы административно-территориального становления национальных автономий⁴. Исследователи все чаще указывают на пагубность подобных мероприятий, обосновывая свои суждения ссылками и на их хозяйственную неэффективность. В частности, Н.Ф. Бугай приводит многочисленные документальные подтверждения тому, что освобожденные «казачьи» территории в течение длительного времени не заселялись чеченцами и ингушами⁵.

Процесс районирования в национальных автономиях, который не прекращался на протяжении 1920–1930-х годов, вплоть до недавнего времени оценивался исследователями в общем положительно. В качестве его безусловных достижений отмечались решение земельной проблемы, прежде всего межселенного и межрайонного землепользования, удешевление советского аппарата и его при-

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 114–167; Тютюнина Е.С. Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе // Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ. 1917–1941 гг. С. 203–244; Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение (1917–90-е годы). М., 2001.

² Карданова А.Х. Национально-территориальное строительство народов Карачая и Черкесии. С. 180.

³ Хлынина Т.П. Адыгее в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар, 1997. С. 118.

⁴ Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII – начале XX веков: Сб. документов. Нальчик, 1992; Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1995; Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ: история и границы. 1780–1995. Владикавказ, 1997; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов-на-Дону, 1997; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность: Сб. документов. Нальчик, 2000; Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004).

⁵ Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение. С. 34.

ближение к населению. Однако начиная с 1990-х гг., когда проблема административно-территориального строительства в регионе получает статус самостоятельного исследовательского направления, его результаты постепенно пересматриваются.

Так, по мнению И.Б. Дидиговой, детально проанализировавшей соответствующие изменения на материалах Чечено-Ингушетии, новое административно-территориальное устройство не только не решало стоявшие перед автономиями задачи, но и порождало новые трудности. Многие из них не в последнюю очередь были вызваны непривычностью новых управленческих форм для местного населения, разрушением сложившихся представлений о собственности и власти¹. В свою очередь районирование Адыгейской автономной области вызвало целый ряд ее претензий к Кубанской области, которые решались при активном участии и вмешательстве центральных органов власти. Многие из них были удовлетворены, что достаточно напряженно сказалось на последующих отношениях двух областей².

В ряде обобщающих исследований, вышедших в 1990-е гг. и посвященных проблемам национально-государственного строительства на Северном Кавказе, особое внимание уделено процессу административно-территориального размежевания³. Историки не только показали всю трудность определения административных границ национальных автономий, но и сопряженные с ним территориальные конфликты. Особо подчеркивается и то обстоятельство, что принцип национального самоопределения, принявший на практике форму размежевания края на территории с более или менее однородным этническим составом населения, затруднял экономическое развитие самих автономий. Поэтому в различное время на территории края были образованы Горская республика и Северо-Кавказский край⁴.

Отмечается многоступенчатый и многовариантный характер административно-территориального устройства на Юго-Востоке страны, причиной чему называется «быстрая смена форм

¹ Дидигова И.Б. Указ. соч. С. 127–128.

² Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. С. 104–119.

³ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 115–167; Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 203–244.

⁴ Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 208.

национально-государственного строительства»¹. Подчеркивается, что история административно-территориального устройства автономных образований свидетельствует об огромном опыте, накопленном советской властью по разрешению и урегулированию территориальных споров и конфликтов. Как показывает приводимый исследователями фактический материал, разногласия эти «действительно обострились уже при установлении границ между государственными образованиями. Одни из них рассматривались в спокойной обстановке, другие — доходили до острых споров, заканчивавшихся в ряде случаев военными стычками»².

Включение автономий в состав Северо-Кавказского края повлекло за собою новый пересмотр их внутреннего административного устройства. При этом их хозяйственные интересы нередко требовали расширения границ и присоединения территорий с иноэтничным населением. Результатом такого рода преобразований становилось достижение экономической целостности национальных образований и размывание национального состава их населения. Показательно, что наряду с обретением национальной целостности происходило и дробление автономий. Как уже отмечалось выше, в июле 1926 г. по постановлению Президиума Северо-Кавказского крайисполкома упраздняется Карачаево-Черкесская автономная область.

Исследователи отмечали, что не все принципы районирования удавалось осуществлять сразу. В частности, большие трудности встретило предложение Административной комиссии ВЦИК о том, что в качестве «ядра новых районов должны быть пролетарские центры; окружающая их территория должна обеспечивать нормальное развитие главнейших отраслей промышленности данного района». «Между тем крупнейшие промышленные города Северного Кавказа — Владикавказ и Грозный не вошли в национально-территориальные образования. К этой ситуации привело, вероятно, стремление к моноэтничности административных единиц. В Северо-Кавказском крае вполне официально было принято деление на русские и национальные округа и области. По этой логике Грозный, например, причислялся к «русским округам», поскольку здесь русские составляли 79,1 % населения»³.

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 117.

² Там же. С. 92.

³ Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 217–218.

Однако такая практика вскоре привела к снижению доли городских жителей в автономиях. По данным, приводимым в специальной литературе, на 1924 г. в Адыгейской автономной области и Сунженском округе городского населения не было зарегистрировано вовсе. Его процентное содержание по другим автономиям составляло от 11 % в Карачаево-Черкессии до 0,5 % в Чеченской автономной области¹. Подобная ситуация затрудняла размещение административных учреждений, которые обычно располагались в городах. Данное обстоятельство, по заключению Е.С. Тютюниной, стало одной из причин искусственного поднятия статуса некоторых населенных пунктов до городов: «Не случайно в списке городов Северо-Кавказского края, утвержденном в марте 1925 г., оказался только 1 (Нальчик), расположенный внутри автономной области, да и тот “заслужил” звание города скорее по своей роли административного центра»². К сожалению, возрастание их численности коренным образом не меняло сложившейся производственной инфраструктуры в национальных образованиях, хотя и привело к своеобразной этнизации отдельных ее отраслей. Неравномерное распределение национальностей в различных сферах производства и услуг привело со временем к существенной профессиональной поляризации между ними и русским населением.

Дальнейшие административно-территориальные преобразования в национальных автономиях оказались связанными с решениями партийного руководства страны по совершенствованию и улучшению государственного аппарата. Е.С. Тютюнина полагает, что таким «поворотным моментом в принципиальном подходе к структуре административно-территориального деления страны стал 1930-й год». 23 июля 1930 г. вышло постановление Президиума ВЦИК и СНК СССР о ликвидации округов, укреплении районов как основного звена социалистического строительства в деревне. В соответствии с ним на Северном Кавказе предусматривалась ликвидация десяти русских округов. «Эти командные, волевые методы, апробированные в крае при ликвидации в 1928 г. Грозненского и Сунженского округов, прочно заняли свое место в системе управления, отбросив даже формальную видимость демократии»³.

¹ Северный Кавказ после районирования: итоги и выводы. Ростов-на-Дону, 1925. Т. 1. С. 60.

² Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 218.

³ Там же. С. 234.

Северо-Кавказский край оказался разделен на 87 районов, из которых 7 являлись национальными, 10 городов и 7 национальных автономных областей. Внутри автономий ликвидация округов свелась к их переименованию в районы. Так, «районы Чечни и Ингушетии, как и других автономных областей, управлялись из единого краевого центра. Как показала практика, эта система не всегда была удачной, указания отдавались сверху порой без должного учета местных специфических условий, волеизъявления трудящихся»¹. Исследователи отмечали, что укрепление районов нередко выливалось в бюрократизацию их аппарата, усложнение структуры, увеличение численности различных подразделений. Таким образом, в структуре административно-территориального устройства все большее предпочтение отдавалось удобствам прямого государственного управления, что нашло отражение и в установлении границ административных районов по радиусу деятельности совхозов². Проведение данных мероприятий, нацеленных прежде всего на поднятие сельскохозяйственного развития районов, на Северном Кавказе имело некоторые особенности.

Современная исследовательница, проанализировав соответствующие постановления партии и правительства, а также краевого исполкома, пришла к выводу, что «форсирование темпов экономического развития вызвало к жизни ряд решений местных властей и в отношении национальных образований». Прежде всего вхождение Дагестана в состав Северо-Кавказского края в 1931 г. потребовало внешнего районирования Дагестанской АССР. Оно проводилось с учетом принципа экономической целесообразности и достижения административно-хозяйственной целостности республики. По тем же причинам «значительные территориальные приращения получили автономные области края». В данной связи исследовательница приводит конкретные примеры передачи отдельных населенных пунктов в состав Кабардино-Балкарской, Карачаевской и Черкесской автономных областей³.

Неоднократные административно-территориальные изменения, проводившиеся в пределах края, имели определенную логику своего развития. В последние годы в литературе появились даже попытки выявления его этапов. Так, на первом этапе, охватывав-

¹ Дидигова И.Б. Указ. соч. С. 128.

² Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 235.

³ Там же. С. 236–237.

шем 1917–1920 гг., проводившиеся в крае изменения не оказали разрушительного воздействия на сложившиеся до 1917 г. крупные административные образования. Второй этап, датируемый 1921–1928 гг., ознаменовался преобладанием в административно-территориальном переустройстве Северного Кавказа национального фактора: «в это время значительно перекроены границы всех административных единиц, некоторые народы Северного Кавказа получили возможность реализации государственных начал в форме национально-территориальных образований». В рассматриваемый период времени обозначились противоречия между экономическими интересами страны и ее национально-административным делением. В последующее десятилетие, составившее заключительный предвоенный этап развития административно-территориального устройства края, указанное противоречие «в какой-то мере было преодолено, хотя методы разрешения этой проблемы приобрели ярко выраженный командно-силовой стиль». Национальный момент отступает на второй план, что наиболее ярко проявилось в политике ликвидации национальных районов края¹.

В принципе соглашаясь с предложенной периодизацией административно-территориального переустройства Северного Кавказа, хотелось бы отметить, что уже на начальном этапе национально-государственного строительства территориальный принцип уравнивался хозяйственными потребностями автономий. Его приоритетность носила скорее идеологический характер, нежели являлась практическим руководством. Как показывает анализ архивных источников, в действительности намерение партийного руководства буквально следовать лозунгу «самоопределения наций» наталкивалось на ряд непреодолимых экономических трудностей и вынуждено было их учитывать.

Одним из итогов административно-хозяйственного переустройства края стало повышение политико-правового статуса его отдельных национальных образований. В обобщающих исследованиях по истории автономных республик, как правило, отмечалось, что «исторические перемены потребовали дальнейшей демократизации советского государственного строя, усиления роли местной власти в решении задач хозяйственного и коммунистическо-

¹ Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 239–240; Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000.

го строительства, в развитии творческой активности масс»¹. Более того, изменения такого уровня, вытекавшие из новой Конституции 1936 г., и не могли, вероятно, восприниматься иначе. Законодательное повышение статуса касалось Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской автономных областей. Показательно, что в исторической литературе до сих пор сохраняется неясность относительно того, как долго автономные республики находились в составе края. Исследователями обращается внимание на то, что «нормативные акты, определяющие их отношения с краевыми властями, нам неизвестны. В Конституции СССР 1936 г. и РСФСР 1937 г. возможность вхождения АССР в краевые объединения никак не определяется, а края, области, автономные республики и автономные области перечисляются в Конституции РСФСР, принятой Чрезвычайным XVII Всероссийским съездом Советов в январе 1937 г., одним рядом, не закрепляя вхождения ни одной из них в состав каких-либо территориальных объединений»².

Определенную ясность в данный вопрос внесли правоведы. Исследуя процесс становления федеративных отношений и территориального размежевания в регионе, Ж.И. Овсепян указала в качестве одного из его этапов период, охватывавший 1936 — 1940-е гг. Именно тогда, по ее мнению, началось «преобразование части автономных областей, расположенных в Северо-Кавказском регионе России, в автономные республики и их выделение из состава края. Это произошло с принятием Конституции СССР 1936 г. и касалось целого ряда автономных областей России»³. Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская и Дагестанская автономные республики были выведены из состава Северо-Кавказского края. Адыгейская и Карачаево-Черкесская автономные области, которые сохраняли свой статус административно-территориальных автономий, вошли в состав новых краевых образований: Адыгея — в состав Краснодарского края, а Карачаево-Черкесия — Ставропольского края.

Несмотря на множество трудностей и противоречий, сопровождавших административно-территориальное устройство народов

¹ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1972. Т. 2. С. 180.

² Тютюнина Е.С. Указ. соч. С. 238.

³ Овсепян Ж.И. Основные этапы становления федерализма и территориального размежевания в России на Северном Кавказе // Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1998. С. 31.

края, специалисты в целом оценивают его в качестве «одного из важных факторов упрочения советской власти», который способствовал «урегулированию межнациональных отношений как внутри одного национально-государственного образования, так и с соседствующими областями». Оно формировалось на различных основах, с учетом как территориальных, экономических, так и конфессиональных факторов: «выбиралась, в конечном итоге, наиболее удобная форма административно-территориального устройства, при которой максимально учитывались интересы трудящихся различных национальностей, соблюдались их традиции, обычаи, тяготения к тем или иным экономическим промышленным центрам»¹.

В целом анализ современной историографии свидетельствует о том, что в осмыслении самой проблемы административно-территориального переустройства народов Северного Кавказа произошли ощутимые перемены. Она все чаще рассматривается исследователями в качестве одного из приоритетных направлений национальной политики советской власти в регионе. С ее разрешением большинство из них связывает успехи или неудачи национально-государственного строительства в целом.

Соответственно, меняются и представления о причинах, вызывавших к жизни подобного рода изменения. Если ранее историки относили их преимущественно к необходимости осуществления социально-экономических преобразований в национальных районах края, то теперь они нередко указывают на хозяйственную неэффективность последних. Среди основных причин постоянных административно-территориальных изменений на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. называются, с одной стороны, стремление советской власти к созданию более однородных в этническом отношении автономий, а с другой — придание им атрибутов полноценной государственности. Однако, несмотря на расширение предметного поля исследований в этом направлении, введение в научный оборот новых источников, наблюдается некий консерватизм в переосмыслении многих сюжетов самой проблемы. Особенно он характерен для региональной историографии, что не в последнюю очередь обусловлено и теми реальными последствиями административно-территориальных преобразований, которые обеспечили саму возможность хозяйственного и культурного развития народов Северного Кавказа.

¹ Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 166.

Вхождение национальных автономий в состав Северо-Кавказского края, по заключению большинства исследователей, ускорило решение тех социально-экономических и политических задач, которые стояли перед советским государством во второй половине 1920-х гг. В специальной литературе неоднократно отмечались факты значительной и разносторонней помощи, оказываемой краевым комитетом партии «местным партийным организациям в создании и упрочении экономической базы национальных районов Северного Кавказа»¹. Вместе с тем происходившие в тот период времени изменения исследователи, как правило, связывали с общим процессом «социалистической реконструкции народного хозяйства и победы социализма в СССР». Внимание специалистов привлекали такие масштабные сюжеты, как коллективизация сельского хозяйства и индустриализация промышленности, проблемы организационно-хозяйственного укрепления колхозов и производства в целом, завершение культурной революции и рост материального благосостояния трудящихся. Достигнутые в этом направлении успехи лишь немногие из них напрямую связывали с усилившейся материально-технической поддержкой со стороны советских и партийных организаций края, хотя и признавали ее несомненную роль.

Современная историография социально-экономических преобразований того времени менее всего склонна к переоценке их итогов. Вместе с тем в ней наблюдается устойчивая тенденция к реабилитации тех суждений, которые были представлены практическими работниками на местах в качестве докладов к очередным партийным совещаниям. В них не только отмечались происходившие в автономиях перемены, но и отражалось видение современниками тех проблем, что стояли перед национальными областями. Так, в докладе на краевом партийном совещании 27 ноября 1930 г. указывалось: «Вступление национальных областей в полосу развернутого социалистического строительства и наряду с этим более резкое обострение классовой борьбы и отчаянное сопротивление кулака ставит перед советскими органами новые задачи... Главная задача момента состоит в сосредоточении внимания на социалистическом переустройстве хозяйства, на широком развитии коллективизации

¹ Абулова Е.А. Партийное руководство созданием и развитием национальной государственности народов Северного Кавказа (1917–1937 гг.): Дисс... д-ра ист. наук. Пятигорск, 1986. С. 199.

и охвате ею все большей массы бедняцко-средняцких хозяйств»¹. Более того, в нем указывалось и на ряд трудностей, замедлявших темпы социалистического преобразования национальных областей. К ним, в частности, относились «темнота и невежество горских масс, приспособленчество местных коммунистов, непонимание краевыми органами основных направлений работы». Особое внимание в докладе уделялось положению, сложившемуся в Чеченской автономной области. Автор неоднократно обращал внимание на «неверное и крайне вредное понимание ситуации Чеченской партийной организацией», считавшей главным звеном момента аграрную революцию, а не классовую борьбу в горском ауле².

Подобного рода оценочные расхождения характерны и для многих других партийных исследований того времени. Наиболее отчетливо они проявились в отношении мероприятий, проводившихся в Чеченской автономной области. Именно она, по заключению руководящих работников края и центральных ведомств, менее всего могла претендовать на определение области, где основы нового государственного устройства «пустили крепкие корни»³. Однако со временем данные особенности потеряли свою значимость, а в литературе все чаще стало писаться о «трудностях, свойственных многим народам при переходе к социализму». Только в последние годы в историографии получает распространение иная точка зрения, согласно которой позиция чеченского руководства была намного ближе укладу и образу жизни населения области, нежели это представлялось ранее⁴. Более того, современные события, связанные с войной в Чечне, позволили исследователям подойти к пониманию и такой неоднозначной проблемы, как деформация самой социальной структуры чеченского общества. Ее «недостроенность» в годы советских преобразований во многом обуславливала длительное со-

¹ Иванов В. Национальные области в полосе развернутого социалистического строительства. Доклад на краевом партийном совещании 27 ноября 1930 г. Ростов-на-Дону, 1931. С. 3.

² Там же. С. 4–5.

³ Петров В.Т. Социалистическое строительство в национальных областях и национальных районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 1930. С. 12.

⁴ Бетанов В.Т. Аграрные преобразования в республиках Северного Кавказа (конец 20-х — начало 30-х годов): Дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999; Эльжуркаев М.Б.-А. Коллективизация сельского хозяйства в Чечено-Ингушетии: уроки истории (1927–1937 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2000.

хранение в Чечне основ традиционного уклада жизни и сопротивление населения мероприятиям социалистической модернизации¹.

В работах последнего времени в связи с общим переосмыслением событий тех лет переоцениваются и «перегибы колхозного строительства», и порожденные ими крестьянские выступления 1920–1930-х гг. Анализируя аграрную политику советской власти в Кабардино-Балкарии, современный исследователь отмечает: «Причины недовольства хозяйственно-политическими мероприятиями советской власти и коммунистической партии имели куда более глубокие корни, нежели это предполагалось до сих пор. В настоящее время уже совершенно очевидно, что социальная база крестьянских волнений была представлена отнюдь не только духовенством, кулачеством и бывшим дворянством, как это традиционно считалось в советской исторической науке, но и средним и бедным крестьянством»². По его мнению, причины такого недовольства крестьян не могут быть связаны только с протестом крестьян против политики форсированной коллективизации, «речь идет скорее о комплексе причин: принципах, формах и методах осуществления аграрной политики советской власти на протяжении 20-х и первой половины 30-х годов. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что наиболее крупные крестьянские выступления в Кабардино-Балкарии произошли скорее в преддверии сплошной коллективизации, чем в период ее проведения. В этих выступлениях нашел выход потенциал экономического, социального и культурного отторжения аграрной политики государства, накопленный ранее в основной массе сельского населения»³. В качестве основной причины крестьянских волнений 1928 г. в Баксанском округе автор называет насильственные хлебозаготовки⁴.

Крайне медленно пересматриваются и те результаты, которые были достигнуты в годы первых пятилеток в промышленности национальных областей края. Так, на примере Адыгеи подчеркивается, что «массовые репрессии, существовавший командно-

¹ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. М., 2000.

² Мамбетов З.Г. Аграрная политика советской власти в Кабардино-Балкарии: анализ причин крестьянских выступлений в 20–30-е годы // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик, 2000. Вып. 1. С. 37.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Там же. С. 42.

административный метод руководства страной сковывали творческую инициативу рабочих предприятий Адыгеи. Постоянное давление на рабочий класс, в том числе и национальных рабочих кадров Адыгеи, не давало ему возможности проявить себя в должной мере во всех областях общественно-политической и трудовой деятельности. Трагедия второй половины 30-х годов, всколыхнув всю страну, бросила в пучину бедствий множество партийных работников, инженеров, рабочих. План 1937 года был сорван»¹.

В историографии последнего времени нередко отмечается, что необоснованные репрессии 1920–1930-х гг. весьма отрицательно сказались на экономическом, социальном и духовном развитии народов Северного Кавказа. В частности, репрессивной называется и аграрная политика советской власти. Ее наиболее ярким воплощением, по мнению исследователей, является коллективизация сельского хозяйства. Рассматривая процесс ее осуществления в Чечено-Ингушетии, современный исследователь пишет о том, что она проводилась в атмосфере ожесточенной межнациональной вражды между горцами и казаками. Более того, на основе широкого привлечения ранее неизвестных архивных документов автор приходит к выводу о «слабости и непопулярности кооперативно-колхозного фактора в жизни чечено-ингушского аула»². По его мнению, именно коллективизация сельского хозяйства являлась первым крупнейшим экономическим мероприятием советской власти, против которого выступил чечено-ингушский народ³. Подобного рода оценки присутствуют и на страницах коллективных исследований, вышедших в ряде северокавказских республик относительно недавно и ставящих своей целью «объективное и взвешенное освещение, в том числе и советского прошлого»⁴.

Однако наряду с начавшимся процессом переосмысления экономических и культурных достижений советской власти на Северном Кавказе в историографии сохраняются и положитель-

¹ История промышленности и рабочего класса Адыгеи. 1917–1941 гг. С. 74.

² Эльжуркаев М.Б.–А. Указ. соч. С. 12.

³ Там же. С. 24.

⁴ История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик, 2007; История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный, 2008.

ные оценки ее результатов¹. Так, оценивая социальную политику в национальных автономиях края, современные авторы подчеркивают: «Тем не менее усилиями органов власти проводилась обширная работа по развитию главных сфер социальной политики государства. Ими на практике выражался механизм реализации целей социальной политики в регионе»². Подобного рода суждения относятся и к работе органов власти по налаживанию промышленного и сельскохозяйственного производства³.

Во многом противоречивый и неоднозначный характер современной историографии национально-государственного строительства на Северном Кавказе не является результатом лишь простого желания соединить «все то лучшее, что нам досталось от прошлого» с достижениями настоящего. Он более всего напоминает собою неспокойное течение реки, в порывах которого чувствуется не только увлеченность внутренней подводной борьбой, но и воля к ее усмирению. Политическая конъюнктура и идеологическое наследие советской эпохи все еще сказываются на изучении «одной из наиболее деликатных и болезненных сфер» нашей общественной жизни, препятствуя тем самым ее высвобождению от изрядной доли вымыслов и мифов. Вместе с тем наметившаяся в последние годы тенденция к более взвешенной и здравомыслящей оценке национально-государственного строительства в регионе становится обнадеживающим залогом его историографического переосмысления.

§ 2.2. Повстанческое движение 1920–1930-х гг. на Северном Кавказе в лабиринтах современной историографии

Представления об ожесточенном сопротивлении поверженных противников советской власти и очагах «тлеющей Вандеи» вот уже более полувека определяют собою исследовательский облик северокавказской истории 1920–1930-х гг. При этом, в отличие от иных

¹ Магамадов С.С. Политика советского государства в национальных районах Северного Кавказа в 1920–1922 гг. (социально-экономический аспект) // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России: в 2 ч. Ч. 2. Карачаевск, 2008.

² Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Указ. соч. С. 387.

³ Там же. С. 267–339.

сюжетов рассматриваемого времени, повстанческое движение в регионе изначально привлекало и продолжает привлекать внимание специалистов своей созвучностью настоящему. Как отмечает в данной связи современный автор, «изучение повстанческого движения 1920-х годов интересно и тем, что тактика партизанской, или малой войны, ранее применявшаяся крайне редко, в двадцатом веке получила большое распространение. Большинство конфликтов ушедшего столетия и войны начавшегося XXI века, в частности в Чечне, неразрывно связаны с партизанской войной и террором, а методы их ведения, равно как и методы борьбы с партизанами... по сути, нисколько не изменились со времен Фостикова и Пржевальского, Левандовского и Буденного»¹. Подобного рода методологический презентизм, удачно названный Б. Кроче «экстраполяцией живого в уже отжившее» и, к сожалению, все чаще используемый историками в качестве *ultimo ratio* обращения к прошлому, лишает анализируемое явление контекста его бытования, той естественной среды обитания, где только и возможно понимание его сути. Между тем, по меткому замечанию выдающегося отечественного медиевиста А.Я. Гуревича, «сегодняшняя наука, и в особенности историческая наука, не дает готовых результатов — и этого от нее более и не следует ожидать; она, скорее, ставит под вопрос наши представления о прошлом и тем самым предостерегает нас от завышенной оценки нынешней эпохи»².

Рассматриваемая проблема с полным правом может быть отнесена к так называемым проблемным зонам отечественной историографии. Ее «проблемность» в большей своей степени обусловлена тем накалом различного (в том числе и научного) рода страстей, которыми в последние десятилетия измерялись и продолжают измеряться достижения советской эпохи. Начавшаяся с середины 1980-х — первой половины 1990-х гг. ревизия советской истории выявила две острые проблемы, препятствовавшие, по мнению специалистов, «правильному» пониманию нашего недавнего прошлого: закрытость архивов и отсутствие работающих концепций. Именно с их разрешением связывалось достижение ответов на

¹ Кратова Н.В. Повстанческое движение в Северо-Западной части Кавказа и Предкавказья (1920–1922 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 3.

² Гуревич А.Я. Медиевистика на распутье. О книге Х.-В. Гетца // Одиссей. Человек в истории. 2004. М., 2004. С. 356.

многие нелицеприятные вопросы, которые способствовали бы пониманию причин эрозии первого в мире государства «победившего социализма». Среди них ключевым оказался и вопрос о массовой поддержке советского режима и его социальной опоре.

Нельзя сказать, что подобного рода вопросы не интересовали экспертное сообщество прежде: на протяжении всего периода существования советской власти они находились в центре внимания как советского руководства, так и обслуживающей его потребности науки. Результатом столь длительного сотрудничества в конечном итоге оказалась обоюдная потеря чувства реальности и снижение исследовательского интереса к проблемам социального взаимодействия власти и общества. И только с распадом СССР и осознанием необходимости обретения российской государственностью качественно иных перспектив развития вопрос о переосмыслении прежнего социального опыта вновь актуализировался.

Обращение к осмыслению повстанческого движения в регионе, традиционно воспринимаемого цитаделью некоего подспудного брожения и беспокойства, безусловно, должно и может быть интересно исходя уже из устойчивости закрепившейся за ним репутации. Понимание механизмов ее поддержания и воспроизводства, прежде всего усилиями самих исследователей, позволит, наконец, ответить на вопрос о том, с чем же столкнулась советская власть на Северном Кавказе в 1920–1930-е гг. и как это «что-то» по возможности верно обозначить. Как показала недавно прошедшая дискуссия по отечественному феодализму, используемые в исторической науке понятия живы до тех пор, пока они функциональны и помогают исследователю в его повседневной работе¹. Насколько полезно понятие повстанчества в изучении ранней советской истории Северного Кавказа, что оно проясняет и, самое главное, каким образом регенерируется?

Твердая убежденность подавляющего большинства отечественных исследователей в осознанно протестном характере повстанчества привела в современной историографии к реанимированию тех оценок, которые появились уже в 1920–1940-е гг. и принадлежали либо самим повстанцам, либо участникам разоружения противников советской власти. Показательно, что, несмотря на возрастающее количество исследований в данном направлении, повстанческое движение все еще квалифицируется в качестве «слабо изученного

¹ Одиссей: человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков. М., 2006. С. 3.

сюжета северокавказской истории новейшего времени», а также темы, которая разрабатывается «довольно вяло»¹. По заключению Е.Ф. Жупиковой, эта оценка относится прежде всего «к периоду повстанческого движения с марта 1920 г., когда армия А.И. Деникина оставила Северный Кавказ, по осень 1925 г., когда окончилась операция “по разоружению горских автономий и изъятию бандитского элемента”». Исследовательница небезосновательно полагает, что «все это время Северный Кавказ оставался ареной ожесточенной борьбы Красной армии с движением, которое в отечественной историографии определялось как “повстанчество”, “политический бандитизм”, “бело-зеленое движение”, “крестьянские и кулацко-крестьянские восстания”, “контрреволюционные мятежи”, “мелкобуржуазная контрреволюция”»².

Сохраняющееся разнообразие в обозначении исследуемого явления свидетельствует не только о множественности его природы, но и о разнообразии аналитических практик его истолкования. Именно поэтому возобновившиеся на сегодняшний день попытки нахождения обобщающего понятия, которое бы наиболее точно и широко отражало разнообразные проявления вооруженного недовольства различных групп населения в регионе, по большей части оказываются несостоятельными. Так, Е.Ф. Жупикова полагает крайне неудачным его обозначение в качестве «бандитизма»: «наиболее широкое распространение у участников событий и у советских историков получил термин “бандитизм”, что можно объяснить не только негативным отношением большевиков ко всем антисоветским силам, но и тем, что тогда в это понятие вкладывали иной, нежели сегодня, смысл». При этом исследовательница отдает предпочтение «тоже не безупречному, но нейтральному определению — “повстанчество”»³. Сходных позиций, правда, с несколько иной логикой аргументации, придерживается Г.Н. Цаканян, который, «осознавая все несовершенство и историческую неточность термина “бандитизм”», полагает, что отказаться от него или «переименовать» теперь вряд ли правомерно. Вероятно, следует употреблять его по традиции, сложившейся в советской историографии,

¹ Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159; Кратова Н.В. Указ. соч. С. 6.

² Там же. С. 160.

³ Там же.

не в оскорбительном значении слова, заключая термин в кавычки, или заменять его более нейтральным (тоже не безупречным) словом «повстанчество»¹. И.В. Яблочкина, автор исследования по рецидивам Гражданской войны в Советской России первой половины 1920-х гг., анализируя современную историографическую практику осмысления проблемы, отмечает наметившуюся в ней тенденцию отказа от использования понятия «бандитизм» применительно к антигосударственным выступлениям².

В последнее время появилось и активно используется понятие протестного движения, или «мощного социального протеста народа». В частности, его применение к российскому казачеству позволило «идентифицировать природу казачьего сословия, выявить его смылосодержащие интересы и настроения, позиционировать казачество в отношении других социальных групп и слоев населения»³. Наряду с ним исследователи зачастую прибегают к менее четкой формулировке «широкой волны народных выступлений против советского политического режима», которая охватывает собою разнообразные формы вооруженных выступлений. Повстанчество воспринимается неотъемлемой частью антисоветского движения, «логическим продолжением ожесточенного противоборства с большевиками, которое велось на Кавказе со времен Октябрьского переворота»⁴. Между тем, как свидетельствуют документы и воспоминания очевидцев того времени, степень ожесточенности противостояния населения и власти зачастую преувеличивается. Анализ формирования повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920–1922 гг. позволил той же Н.В. Кратовой в качестве одной из основных причин его неудачи отметить прекращение поддержки со стороны населения⁵. В ситуа-

¹ Цаканян Г.Н. Повстанческое движение на Северном Кавказе в годы гражданской войны. URL: <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=v...>

² Яблочкина И.В. Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921–1925 гг. М., 2000. С. 10–11.

³ Филин М.В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007. С. 5.

⁴ Кратова Н.В. Указ. соч. С. 3.

⁵ Кратова Н.В. Формирование повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920–1922 гг. // Научная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 118–119.

ции, когда «повстанцы являлись “живой составной частью” местного населения», движение сопротивления не могло быть искоренено в принципе. Однако уже к середине 1920-х гг. оно утрачивает широкомасштабный характер и выливается в серию погромных акций.

Чуткость современной историографической практики к изменившейся тональности восприятия прошлого вместе с тем не мешает ей сохранять и наследие «былых времен». Участники ряда антисоветских выступлений зачастую по-прежнему именуются «зелеными», что, скорее всего, призвано подчеркнуть их менее организованный и более рыхлый в социальном отношении характер: «параллельно со становлением советской власти на Северном Кавказе шла подготовка оппозиционных сил к антисоветскому восстанию. В Терской области первые отряды “зеленых” (“бело-зеленых”), или — по большевистской терминологии — “бандитов”, появились уже в марте 1920 г. Они состояли из кубанских и терских казаков, горцев, число которых неуклонно увеличивалось. Отряды “зеленых” группировались вокруг станиц и аулов, откуда получали продовольствие и оружие»¹. В данной связи обращает на себя внимание и практически ничем не мотивированная (во всяком случае, для профессионального читателя) избирательность в выборе наименований подобного рода. Так, Узун-Хаджи, чьи отряды по уровню боеспособности и сплоченности не уступали «армейской выучке» и «в одинаковой мере громили и белых, и красных», поставив под угрозу дальнейшую судьбу советской власти на Северном Кавказе в 1919 г., все еще слывет «бандитом». В то же время деятельность Н. Гоцинского, человека для советской власти не менее неудобного, по преимуществу воспринимается как «повстанческая борьба»².

Встречающееся же в современной литературе устойчивое объединение этих двух понятий в виде «бело-зеленого бандитизма» является результатом до сих пор не преодоленного в историописании следования «букве и духу» документа времени. Приказом краевого военного совещания по борьбе с бандитизмом от 3 декабря 1921 г. Баталпашинский, Майкопский и Краснодарский отделы Кубано-Черноморской области признавались «особо зараженными

¹ Симонова Т. Такими мерами укреплялась советская власть на Северном Кавказе в 1920-е годы. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-03-15/5_destruction...

² Доного М.М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. URL: <http://vak.rbcsoft.ru/common/img/uploaded/files/va...>

зонами». Директива того же органа несколькими месяцами ранее поставила на повестку дня необходимость самыми решительными мерами закончить ликвидацию «кубано-черноморского бело-зеленого бандитизма»¹. Распыление и уничтожение большей части этих банд и арест их главарей, по заключению того же источника, трансформировали их в «мелкие бандитские шайки», потерявшие свою политическую окраску и принявшие в основном уголовный характер². При этом мелкие бандитские шайки насчитывали 44 отряда, на вооружении которых находилось 1136 штыков, 2047 сабель и 44 пулемета³.

Не менее интригующим остается и вопрос об идейной ориентации повстанческого движения, чья «цветовая гамма» колеблется от привычно бело-красных тонов до нейтрально окрашенной независимости. Зачастую основным критерием политической принадлежности повстанцев избираются объемы и характер оказываемой им помощи. В данной связи современный исследователь отмечает: «Большевистские лидеры, прекрасно понимая, что Северным Кавказом можно овладеть лишь благодаря местному населению, сделали ставку на всемерную поддержку его партизанского движения. Сюда переправлялись группы специалистов для организации повстанческих отрядов, военно-революционных комитетов. Повстанцев снабжали агитационной литературой, военным снаряжением, медикаментами, деньгами. Только реввоенсовет (РВС) 11-й армии красных передал для партизан в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Осетии, Кабарде, Черноморской губернии 8 млн руб. Командующий дагестанской Армией свободы, в которой в сентябре 1919 г. имелось 15 тыс. человек, генерал Нури-паша получил красное знамя, специально переправленное для него из советской России»⁴. При этом без надлежащего комментария остается тот факт, что те же самые партизанские отряды с легкостью меняли не только декларируемые убеждения, но и объекты еще совсем недавнего безоговорочного противостояния.

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 25896. Оп. 1. Д. 7. Л. 59.

² Там же.

³ Краткий периодический обзор повстанческого движения на территории Северо-Кавказского военного округа за октябрь-ноябрь 1921 г. Ростов-на-Дону, 1921. С. 4.

⁴ Симонова Т. Указ. соч.

В данной связи довольно показательна история главы самопровозглашенного Северокавказского эмирата Узун-Хаджи. О личности этого «крупного религиозного, общественно-политического и государственного деятеля периода революции и Гражданской войны в Дагестане и Чечне»¹ до сих пор ходят историографические легенды. Со страниц исторических сочинений он предстает то в образе «дикого абрега», чьи банды в 1918 г. разграбили и сожгли дореволюционный окружной центр Терской области слободу Хасав-Юрт, то в роли борца за идеалы шариатской монархии². В последние годы его деятельность нередко отождествляется с поиском третьего пути в гражданском противостоянии 1920-х гг., к осознанию которого он пришел после роспуска Горского правительства: «22 мая 1919 года, с прибытием добровольцев в Дагестан, прекращается деятельность правительства Дагестана и Северного Кавказа, а также Горского правительства с передачей власти добровольцам. Генерал Халилов распускает Горское правительство, Акушинский идет на стовор с красными, Гоцинский сближается с белыми. А недовольный всеми Узун-Хаджи, разгромив по пути хунзахскую русскую заставу, углубляется в горы»³. В течение года, вплоть до своей гибели в марте 1920 г., вновь провозглашенный имам будет бороться против Добровольческой армии генерала А.И. Деникина и попытается навести шариатский порядок в Дагестане и Чечне. В состав его правительства и шести сформированных армий войдут самые разные люди, в том числе и известный большевик Н. Гикало, ставший командующим 5-й армии.

Победные регалии вооруженных сил эмирата хорошо известны; описаны в литературе и перипетии взаимоотношений Узун-Хаджи с политическими оппонентами. Авторы одного из интернет-серверов, посвященного событиям того времени, пытаются определить политическую ориентацию эмирата, отмечают: «Известны многократные попытки причислить Узун-Хаджи то к красным, то к туркам. На самом деле все эти утверждения беспочвенны. Всех, кто оказывался рядом с ним, он умело сталкивал в интересах собственного государства. Он никогда не был игрушкой в чужих руках. Убедительное тому доказательство — свидетельство самих

¹ Джамбулатов Р.Т. Погромы 1918 года в Хасав-Юрте // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 146.

² Там же.

³ От Узун-Хаджи Салтинского до Шамиля Введенского. URL: <http://www.kavkazcenter.net/russ/content/2006/01/1...>

пострадавших»¹. Тем не менее имам был переигран на собственном поле «красными» и вынужден был признать свое поражение. Однако подобного рода обстоятельства не смущают новых его биографов, полагающих, что «Узун-Хаджи ушел из жизни достойно, до конца оставаясь главой образованного им государства: не отстраненный никем, не изменив пути Аллаха, не сдавшись врагу, оставаясь одной из самых прекрасных легенд Кавказа»². В воспоминаниях современников имам остался прежде всего «горцем, способным к грабежу», а также «строгим фанатиком, лишенным многогранности», в которой нельзя было отказать Н. Гоцинскому³. В горниле стремительно менявшихся событий, происходящих в условиях Гражданской войны, в том же Дагестане «отсутствовали люди, способные создать какое-либо независимое государство — ни в виде “Горской республики”, ни как “Имамаг”. Повышенная активность приученных к разбою личностей сочеталась с неподготовленностью общественного сознания и социально-экономических условий Северного Кавказа к открывшейся возможности по-своему устроить свою жизнь. Здесь переплелось многое: и многонациональность, и личное во взаимоотношениях политически активных кругов Дагестана и внутри, между собой, и со своими последователями, и с соседями по Кавказу, и внешние влияния, которые задавали тон политическим приоритетам общественного сознания»⁴.

Заслуживает внимания и сама практика истолкования различных форм проявлений повстанческого движения в регионе. Так, авторы «книги исторических очерков, освещающих некоторые страницы криминогенного и политического противостояния части населения Северного Кавказа государственным властям и порядкам российской империи, Советского Союза, Российской Федерации», анализируя вызвавшие к его жизни причины, видят в нем совершенно разные проявления. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в 1920-х — начале 1940-х гг. в Чечне и Ингушетии, они квалифицируют ее в категориях «политического бандитизма и преступности»⁵.

¹ URL: <http://www.kavkazcenter.net/russ/content/2006/01/1...>

² Там же.

³ Тахо-Годи А. Революция и контрреволюция в Дагестане. Махачкала, 1927. С. 50–52.

⁴ Джамбулатов Р.Т. Указ. соч. С. 146.

⁵ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтогенного потенциала (исторические очерки). Пятигорск, 2006. С. 92–122.

При этом «борьбу с повстанческо-бандитскими группами» в Карачае и Черкесии относят к «антисоветским проявлениям»¹. По заключению авторского коллектива, вплоть до начала Великой Отечественной войны Чечено-Ингушетия оставалась «самой беспокойной республикой Северного Кавказа, где политический и уголовный бандитизм так и не был ликвидирован советской властью». Именно лидеры повстанческих и бандитских групп провоцировали массовые антисоветские восстания, участниками которых оказывалось местное население, «лишенное проблесков классового самосознания».

Заключение исследователей о «бандитском» характере анализируемых явлений основывается на использовании значительного корпуса источников, представленных донесениями и оперативными сводками командного состава советских войсковых соединений, информацией отделов ОГПУ, а также агентурными данными. Объективность содержащихся в них сведений обосновывается многочисленностью повторяющихся событий, истолкование которых связано с сугубо личными впечатлениями их участников. Происходящая таким образом инверсия — замещение непосредственной данности ее восприятием — приводит к весьма распространенному в исторических исследованиях эффекту «обратного просмотра кинофильма», когда знание того, чем все это закончится, уже не требует детального ознакомления с самим сюжетом и его отдельными деталями. Изначальное понимание того факта, что бандитизм свирепствовал в Чечне на протяжении всего рассматриваемого периода времени, переводит в разряд его проявлений и разбойные нападения на станицы и аулы, и деятельность Н. Гоцинского, чьи призывы, по признанию авторов, «нашли благоприятный отклик среди националистически настроенных руководителей повстанческих отрядов Чечни». Данное обстоятельство связывается с «оживлением бандитского движения на территории Чеченской автономной области» в первой половине 1920-х гг.² Показательно, что авторский коллектив недавно изданной «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» вообще обошелся без этого «животрепещущего сюжета»³.

¹ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Указ. соч. С. 123–132.

² Там же. С. 98.

³ История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков.

В отличие от Чечни причинами «антисоветских проявлений» в Карачае и Черкесии называются «экономические тяготы трудящихся», основу которых составляла острая нехватка земли, усугублявшаяся «неумелой, а порой и ошибочной работой местных партийных и советских руководителей», раздражавшей местное население¹. Исследователи обращают внимание и на эволюцию самого характера антисоветских выступлений: «если в 20-х гг. повстанцы выдвигали, как правило, только социально-политические лозунги, то с началом создания колхозного строя стали превалировать лозунги с националистическими и политическими требованиями»². Тем не менее несмотря на признание идейной осознанности самого движения противников советской власти его участники все еще именовались бандитами либо бандповстанческими группами, ведущими активную антисоветскую деятельность. Анализ «антисоветских проявлений» в Карачае и Черкесии позволил исследователям в качестве факторов, катализировавших недовольство населения, отметить массовые репрессии и антирелигиозную кампанию, «подталкивавшие местное население к сопротивлению, переходу части граждан на путь политической борьбы с ним»³. В данной связи остается без ответа вопрос о том, почему аналогичные действия на территории Чечни приводили лишь к «усилению бандитизма», а в Кабардино-Балкарии ограничились лишь «массовым недовольством, протестом и волнениями крестьянского населения»⁴.

Особенности и характер антисоветского восстания в Дагестане в 1920–1921 гг. помимо «социальных и бытовых тягот, вызванных последствиями Гражданской войны, а также бесчинствами отрядов Красной Армии... отдельными действиями органов ЧК и безобразным поведением немалой части советских и партийных работников» исследователями связываются и с «ролью меньшевистской Грузии в оказании военной помощи горским повстанцам», а также «английской пропагандой»: «население искало защиты, как у своей республиканской власти, так и у отдельных авторитетных горцев, пользовавшихся поддержкой определенной части населения, которое к тому времени, как, например, некоторые горные аварские

¹ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Указ. соч. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 125–126.

⁴ История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. С. 367.

районы, находилось к ним территориально ближе — в соседней Грузии. К тому же английская пропаганда через лозунги повстанцев не скупилась на обещания по предоставлению дагестанским горцам независимости, но — под своим протекторатом. Время, выбранное Английским кабинетом для вторжения из Грузии, было совсем не случайным. Экстренное вмешательство в дела Дагестана по планируемому отсечению его путем создания барьера от России объясняется еще и предстоящим Съездом народов Дагестана, на котором впервые планировался выбор формы его государственного устройства в составе РСФСР. Моральная подпитка этой стороны движения вдохновлялась еще и членами так называемого Горского правительства, осевшими в Грузии»¹. В качестве одной из причин последующей повстанческой борьбы в Дагестане, приходящейся на 1921–1925 гг. и связанной в основном с фигурой мятежного имама Н. Гоцинского, называется экспансия Антанты и активизация деятельности различных кавказских эмигрантских организаций².

Терминология документов того времени, не видевшая принципиального различия между «почитаемыми за доблесть грабежами и воровством» и «участием практически всего населения целых районов в вооруженных контрреволюционных выступлениях», без должного осмысления была с легкостью заимствована последующей историографической практикой, породившей довольно причудливые представления о целых народах. Не подвергая сомнению документальные свидетельства об «актах грабежа и разбоя», совершаемых жителями Чечни и Ингушетии в рассматриваемый период времени, все же не стоит вслед за очевидцами событий связывать их исключительно со «сложившейся практикой поощрения набегов на соседей с целью захвата заложников, угона скота и грабежа имущества». Представляется, что речь в большей степени должна вестись о глубоком конфликте мировоззренческого и культурного свойства, приобретенного в советскую эпоху характер резко выраженного противоборства. Более того, внимательное чтение тех же документов показывает, что причины устойчивого роста «бандитизма» в Чечне советская власть видела в «своеобразных бытовых условиях и традициях», которыми жило горское население. Они

¹ Доного М.М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дисс.... д-ра ист. наук. URL: <http://vak.rbcsoft.ru/common/img/loaded/files/va...>

² Там же.

проявлялись в «родовой вражде, кровной мести, национальной ненависти», подстегиваемых «стесненными земельными условиями, обилием оружия у населения, географическими условиями»¹. Борьась с «вековыми» и «религиозными» предрассудками населения посредством проведения широкомасштабных войсковых операций, власть не только не решала стоящих перед нею задач, но и способствовала институционализации политического оформления недовольства части населения².

Итак, как показывает анализ современной историографической практики, повстанческое движение оказывается довольно рыхлым и до некоторой степени неопределенным понятием, где размыты логические критерии необходимых и достаточных условий отнесения его к самому классу исследовательских категорий. Оно все чаще реифицируется, т.е. приобретает атрибуты объективного существования, тем самым наделяя реальность несвойственными ей чертами. Однако его использование в изучении того сложного и многогранного явления, которое охватывало собою различные формы взаимодействия населения и советской власти в рассматриваемый период времени, вполне оправдано. Эта оправданность связана с зарождением нового аналитического инструментария, пытающегося соединить в себе «не вполне честную операцию»: привить «обветшавшее понятие как минимум пятидесятилетней давности» к эмпирическому материалу, добытому с применением всей палитры современных подходов³.

В новейшей историографии проблемы не только активно исследуется география и масштабы повстанческого движения, но и анализируются причины, вызвавшие его к жизни. Практически всеми исследователями отмечаются в качестве таковых непродуманные действия советской власти в отношении казачества и горского населения. При этом все чаще в самом движении разграничиваются его этнические составляющие: казачество, как правило, сопрягается с идейным противостоянием власти, а горское население — с ответной реакцией на разрушение его традиционного уклада жизни⁴. В литературе последнего времени не просматривается и стремле-

¹ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Указ. соч. С. 102

² Чечня: вооруженная борьба в 20–30-е годы // Военно-исторический архив. 1997. № 2; Яблочкина И.В. Указ. соч.

³ Одиссей: человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков. С. 9.

⁴ Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.

ния исследователей к подсчету общей численности населения, участвовавшего в повстанческом движении. Сосредоточившись на изучении конкретных сюжетов, они, как правило, ограничиваются данными оперативных сводок, зачастую содержащих отрывочные сведения. Так, в электронной версии исследования, посвященного осмыслению истоков Чеченской войны 2000 г., автор, обращаясь к событиям 1930-х гг., указывает, что «практически все 30-е годы Советской власти приходилось подавлять повстанческое движение в Чечне». При этом он лишь подробно перечисляет населенные пункты, на территории которых действовали «вооруженные группы и банды», переводя читателя в почти пелевинскую ситуацию «романа с числами»¹. М.М. Доного указывает 25 повстанческих отрядов, действовавших на территории Северо-Кавказского военного округа «за период 1921–1922 гг.», отмечая, что с августа 1922 г. «Дагестан был объявлен на военном положении»².

Общими местами историографии проблемы стали и безосновательные заключения о «масшовости» повстанческого движения на Северном Кавказе, правомерно порождающие вопрошание о наличии хоть каких-то сторонников советской власти в регионе. Хотя рядом исследователей все-таки предпринимаются попытки произвести статистическую ревизию в этом направлении. Так, Т. Симонова, пытаясь подсчитать силы антисоветского сопротивления в 1919 г., отмечает, что «в Нагорной Чечне деникинцам противостояли партизаны под командованием большевика Николая Гикало. Там же действовали отряды Асланбека Шерипова, Абдул Исаева и других. В Осетии основные силы партизан, “красных горцев”, были сосредоточены в лесах предгорья — Дигории. Отряды Данела Тогоева, Халаева, Псхоциева и других имели тесную связь с соседними казачьими станицами. В Ингушетии во главе партизан стояли Албогачиев, Зязиков, Султан Дудаев и другие. К весне 1920 г. антиденикинские силы насчитывали уже 80 тыс. бойцов»³. Тем не менее создается впечатление, что население одновременно выступало в двух противоположных ипостасях: мятежников и одновременно союзников новой власти. В противном случае остается открытым вопрос о том, какой же политический режим все это время суще-

¹ Савельев. Черная книга Чеченской войны (2000): Истоки и предпосылки Чеченской войны. URL: <http://www.savelev.ru/book/?ch=17>.

² Доного М.М. Указ. соч.

³ Симонова Т. Указ. соч.

ствовал на территории, охваченной непрекращающимися вооруженными мятежами, идеологические установки вдохновителей которых были «чужды подавляющему большинству населения»? И это при том, что их инициаторы пребывали в состоянии «постоянной вражды и подозрительности» по отношению друг к другу.

Настроение «глухого брожения» и всеобщего недовольства властью в ее различных обличьях находит отражение практически во всех без исключения источниках того времени. Тем не менее «поголовного восстания» на Северном Кавказе, области с «особо зараженным и строптивым духом населения», не произошло. В качестве причин этого исследователями называется жестокость превентивных мер советской власти с ее тактикой «круговой поруки и заложничества»; демонстрация лояльности и «максимума доброжелательности к мусульманам»; зачистки населенных пунктов от «беспокойного и неблагонадежного элемента». Традиционно указывается и на восприятие местным населением политики белого движения на юге России как «великодержавной и антинародной»: «прежние владельцы стали восстанавливать свои имущественные права на землю, непомерно вздувая арендную плату, лозунг возрождения “великой и неделимой” России являлся для кавказских горцев, уже вкусивших от декларированного большевиками “права наций на самоопределение”, синонимом нового порабощения. Не способствовало взаимопониманию и жестокое подавление малейшего сопротивления белогвардейцам, которые почти стерли с лица земли ряд ингушских и чеченских селений. Командир кабардино-балкарского партизанского отряда Бетал Калмыков вспоминал позже, что мусульман отталкивало от белых такие негативные черты их армии, как безудержное пьянство и картежная игра»¹. Признавая справедливость отмеченных факторов, следует все же обратить внимание и на такое практически не исследуемое специалистами обстоятельство, как разнородность и одновременная иерархизованность горского общества. В ситуации разрушения привычной традиционной основы его жизнедеятельности и несформированности новых социальных ориентиров срабатывали механизмы самосохранения, несвойственные русскому населению. Привычная структурированность по принципу владения замещалась родственно-клановыми стратегиями выживания, определяв-

¹ Симонова Т. Указ. соч.

шими поведенческие особенности большинства населения в рассматриваемый «смутный» период времени.

Наряду с поисками внятного обозначения не прекращавшихся вплоть до конца 1940-х гг. «малых гражданских войн» в регионе исследователи сосредоточивают свои усилия и на проработке конкретных сюжетов, связанных с организацией и действиями отдельных повстанческих отрядов и армий, а также реакции населения на действия советской власти. Такой подход позволил Н.В. Кратовой не только детально описать «течение повстанческого движения на территории Кубано-Черноморской области» в 1920–1922 гг., но и выделить три этапа в его развитии. Первый этап связывается с «возникновением мощного повстанческого подъема» после поражения армии А.И. Деникина и восстановлением советской власти в регионе в 1920 г. Второй этап, начало которого относится к 1921 г., — с попытками объединения разрозненных отрядов в крупные боевые формирования. Третий, завершающий, — с деятельностью ряда разрозненных отрядов. Автор особо указывает на две тенденции, прослеживающиеся в формировании повстанческих отрядов: их стихийное возникновение и появление в результате «планомерной организованной работы крупных антисоветских центров и связанных с ними офицеров, оставшихся на Кубани после разгрома Добровольческой армии»¹.

В свою очередь Г.В. Марченко, проанализировав причины антисоветского движения в Чечне в 1920–1930-е гг., пришел к выводу о неоправданности выделения в нем сколько-нибудь четких этапов. Исследователь отметил лишь его взаимосвязь с рядом кампаний советской власти. В качестве причин восстаний 1920–1921 гг. он указал мобилизации, реквизиции продовольствия, борьбу с религией; для конца 1920-х — начала 1930-х гг. — «политику коллективизации, ощутимо ударившую по психологии горцев, нарушив вековой уклад их жизни». Некоторое ослабление повстанческого движения, пришедшее на середину 1920-х гг., исследователь объясняет «образованием автономных областей на Северном Кавказе, которое посеяло среди горского населения иллюзию относительно перехода к реальной независимости и создания своих национальных областей»². Однако в качестве одной из основных причин «уга-

¹ Кратова Н.В. Формирование повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920–1922 гг. С. 118.

² Марченко Г.В. Указ. соч. С. 131.

сания» повстанческого движения все чаще признается «неспособность населения, разоренного войнами, репрессиями и голодом... открыто противостоять окрепшей советской власти»¹.

В современной историографии проблемы особо подчеркивается, что исследователям повстанческого движения все еще «необходимо выявить причины живучести этого явления... Внимательного изучения требуют также позиция Советской власти на Северном Кавказе в решении аграрного и казачьего вопросов, организация местных органов власти, вопросы национально-государственного и культурного строительства, религиозные и бытовые особенности горского населения»². Между тем при всей обоснованности отмеченных историографических лакун и «недоработок» внимание исследователей должно сосредоточиться и на вопросах методологического порядка, длительное время необоснованно полагавшихся привилегией «большой», теоретической истории. Результатом такого «внеметодологического» нахождения исследователей проблемы стало почти документальное понимание природы и сущности повстанческого движения. Его корни, как правило, ищут в «набеговом» прошлом кавказских народов (основой чему выступает достаточно весомый массив документальных источников и эпистолярного наследия), из которого органически вытекает и его упорная живучесть. Именно источники регенерируют все еще расхожее понятие бандитизма, а их некритическое восприятие порождает немалое количество терминологических парадоксов в виде «бандповстанческих формирований», где участниками повстанческого движения оказываются тривиальные бандиты. Более того, многие источники грешат рядом неточностей, в том числе и статистического характера³. Описываемые в них события зачастую эмоционально окрашены и передают в большей степени личные впечатления его свидетелей и участников, нежели действительное положение дел. В данной связи еще раз хочется напомнить пронзительно точную

¹ Кратова Н.В. Повстанческое движение в Северо-Западной части Кавказа и Предкавказья (1920–1922 гг.). С. 23.

² Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах. М., 2008. С. 12–13.

³ В частности, на данное обстоятельство обращает внимание В.Г. Чеботарева, описывая в одной из недавних своих публикаций реакцию северокавказских руководителей на те представления, которыми руководствовался Наркомнац в отношении представляемых ими автономий. См.: Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7.

мысль А.Я. Гуревича о том, что современный историк «истолковывает не “изначальные”, “сырые” факты, сообщения о которых дошли до него “прямо из жизни”, — он имеет дело с той информацией, которая уже пропущена через восприятие автора источника и, следовательно, рисует нам не то, “как это было на самом деле”, а некий образ действительности, создавшийся в сознании автора или составителя источника и обросший последующими толкованиями»¹.

Так, если довериться материалам судебного отчета бухаринско-троцкистского процесса, то следует признать, что повстанческое движение на Северном Кавказе было катализировано «подрывной деятельностью участников правой оппозиции». Согласно свидетельским показаниям одного из главных фигурантов дела Иванова, подтвержденных Н.И. Бухариным, «директива была передана мне довольно ясно для того, чтобы понять ее простой смысл. Ставился вопрос о том, что кулачество озлоблено. Это — те социальные силы, на которые мы должны ориентироваться. Наша задача состояла в том, чтобы возглавить восстание. Причем, несколько в другой вариации, но и о Северном Кавказе шла речь о том, что на Северном Кавказе имеются большие кулацкие кадры, что там крестьянское и казацкое движение может начаться раньше, чем где-либо, и поэтому мы должны встать во главе этого движения»². Приводимые в нем суждения и оценка ситуации, сложившейся на Северном Кавказе к концу 1920-х гг., вполне соответствовали данным информационных сводок отделов ОГПУ и могли бы претендовать на объективность. И только знание обстоятельств получения такого рода признаний не позволяет исследователям рассматривать их в качестве полноправного источника.

Представляется, что именно с методологическим обновлением исторического познания в целом изучение проблемы повстанческого движения в регионе приобретет дополнительный импульс своего развития, а используемые при его анализе концепты и исследовательские практики — более точный и гибкий характер, позволяющий передать многообразие и противоречивость прошлого. Вероятнее всего, мы присутствуем при исчезновении эпохи «больших нарративов и глобальных обобщений в истории», на смену которым грядет время «узких специалистов и микросюжетов»³.

¹ Одиссей: человек в истории. 2006. Феодализм перед судом историков. С. 14.

² Судебный отчет Бухаринско-троцкистского процесса. URL: <http://www.zhurnal.ru/magister/library/trotsky/tro...>

³ Копосов Н. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М., 2005. С. 135.

§ 2.3. Год «большого террора» в отдельно взятой автономии: рождение историографического образа

Пристальное всматривание в глубины ушедших столетий или еще в совсем недавно будоражащие сознание современников политические баталии нашего времени порождают самые различные отклики в среде профессионального сообщества. Будучи родовой особенностью истории как процесса познания недоступной нам реальности, это разнообразие довольно трудно для восприятия не только обыденным, но и профессиональным сознанием исследователя. В результате вместо заинтересованного обсуждения механизмов появления того или иного историографического образа мы становимся свидетелями ожесточенных и, по большей своей части, бесплодных дискуссий о выяснении степени достоверности и убедительности каждого из них. Пытаясь, вслед за поэтом, разобраться «из какого сора растут стихи, не ведая стыда», современный историк сталкивается с не меньшим многообразием строительного материала для событий прошлого. Оно включает в себя помимо привычного исторического источника и воображение исследователя, и уровень его общеобразовательной подготовки, и желание говорить с прошлым на языках современной ему и далекой от истории науки. Избавление от позитивистского нарциссизма, со свойственной ему замороженностью источником, происходит крайне медленно и неохотно. Тем не менее, как свидетельствует современный историографический опыт, исследовательские привязанности и пристрастия довольно зримо присутствуют на страницах исторических сочинений, привнося в прочтение одних и тех же источников различные (а порой и взаимоисключающие) смысловые коннотации.

То, как происходит рождение конкретных историографических образов, рассмотрим на примере изучения «года большого террора» в Адыгее. В распоряжении исследователя на сегодняшний день находятся архивные документы различной степени открытости, газетная публикация, написанная доктором исторических наук М.Х. Шебзуховым¹, историческая повесть бывшего прокурорского работника области Ю.П. Бессонова², а также несколько работ одного из авторов

¹ Шебзухов М.Х. «Враги народа» // Советская Адыгея. 1998. 21 октября.

² Бессонов Ю.П. «Адыгейское дело», 1937 год. Документальная повесть. Майкоп, 2003.

этой книги¹. Опираясь практически на сходные документы, но по-разному встраиваясь в поток породившего их времени, эти образы оказались итогом исследовательской артикуляции разных причинно-следственных связей, различной оценки роли и возможностей отдельных ведомств и организаций того времени. Предлагаемая вниманию читателя зарисовка рождения одного из историографических образов призвана показать, посредством каких «подручных» средств конкретные события прошлого получают авторское выражение, насколько они ангажированы общепринятой терминологией осмысления эпохи в целом и лично переживаемы историком.

Английский историк Р. Конквист назвал 1937 г. «годом большого террора в СССР», подчеркивая тем самым не только его масштабы, но и определенную значимость в политической жизни страны. Скорее всего, в этом обозначении была определенная логика, оправданная ходом развития трагических событий того времени и отражающая намерения автора передать читателю драматизм и напряжение пика репрессий. Однако у удачно найденной метафоры оказалась долгая и вполне успешная профессиональная жизнь. Она не только органично вошла в категориальный дискурс отечественной историографической практики, но и обрела статус исторической реальности. Именно с 1937 г. современной историографией связывается пик террора, после которого его размеры несколько сократились.

О роли метафоры в научном исследовании, ее гносеологических возможностях и оправданности применения в анализе прошлого отечественные исследователи практически не задумывались, полагая ее в большей степени территорией и областью изучения филологии. Тем не менее она всегда негласно присутствовала на страницах

¹ Хлынина Т.П. Психология «большого» террора, или «маленькие» страхи советского человека образца 1930-х гг. // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: Материалы XVIII Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб., 2005. Ч. 2. С. 253–257; Ее же. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп, 2005; Ее же. 1937 год в Адыгее: политические репрессии или «корректировка» правящего курса? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Материалы III Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 112–114; Ее же. В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во второй мировой войне – неизвестные и малоизученные страницы: Материалы IV Всероссийской научной конференции. Краснодар, 2006. С. 107–112.

исторических сочинений, откуда в советский период безжалостно изгонялась как признак «личной пристрастности и ангажированности» историка. Современная историография в этом отношении оказывается более терпимой и открытой к различного рода интертекстуальным трансакциям, хотя, как и прежде, полагает их лишь элементом повествовательной стратегии передачи прошлого. Вместе с тем, как и в случае с «большим террором», метафоры реифицируются и обретают самостоятельное существование, зачастую подчиняя ему реалии изучаемого прошлого.

Для современной отечественной историографии проблема массовых репрессий и террора в отношении отдельных социальных категорий и групп граждан складывалась далеко непросто. Сложность ситуации заключалась не только в официальном статусе исторической науки, длительное время обслуживавшей идеологические потребности власти и выступавшей рупором достижений «страны победившего социализма», но и в сложившейся традиции исследовательской практики, где историк жестко ограничен в своих возможностях источником. При этом последний вплоть до недавнего времени рассматривался исключительно в качестве фотографического оттиска реальности прошлого. Следствием чего и оказался так называемый перестроечный парадокс, когда пионерами переосмысления нашего недавнего прошлого выступили не историки, ждавшие открытия архивов, а публицисты, более склонные к переоценке теоретических постулатов достигнутого. Коллеги, заставшие начальный этап демонизации советской истории, хорошо помнят и «правдинские пятницы», на страницах которых шло медленное возвращение к подлинным истокам социализма, и многочисленные дискуссии о жертвах сталинского произвола в «Огоньке» и «Новом мире». В них был невероятный эмоциональный накал, почти религиозное желание очищения и жажда правды. Но им не хватало главного — профессиональной основы, которая перевела бы все эти интуитивные прозрения в ранг рационального знания. Такой основой и стала публикация в конце 1980-х гг. в «Вопросах истории», академическом специализированном издании, переведенных на русский язык выдержек из исследования Р. Конквиста, посвященного массовым репрессиям в СССР.

Сейчас трудно сказать наверняка, что послужило причиной редакционного выбора, но он оказался поворотным в определении развития исследования самой проблемы. Репрессии 1920-х гг. про-

тив казачества, раскулачивание и всевозможные зачистки «неблагонадежного элемента» рассматриваются с тех пор как некая прелюдия к настоящей трагедии 1937 г. Между тем, что наиболее заметно просматривается по национальным образованиям, «большой террор» пришелся в них на период коллективизации, сопровождавшейся коренным переломом традиционного уклада жизни населения. Тот же Р. Конквист назовет ее «жатвой скорби». Однако в отличие от предыдущего его высказывания этой метафоре не удалось в полной мере покорить воображение отечественного исследователя.

1937-й год для северокавказских автономий ознаменовался репрессиями против советского и партийного руководства. Он принципиально не отличался от аналогичных процессов, идущих в русскоязычных областях, и преследовал те же самые цели. Вместе с тем в нем было и нечто особенное, связанное с изменением до тех пор неизменной интернациональной политики советской власти. На это обстоятельство одним из первых обратил внимание американский исследователь Т. Мартин, задавшийся вопросом о природе советского государства, чья интернациональная риторика шла вразрез с практической деятельностью. По его мнению, СССР следовало бы назвать «империей позитивного действия, которая заключалась в создании национальных территорий, элит и культур» и до определенного времени относилась к «мягкой линии советского строительства». Затем, когда в 1930-х гг. потребовалась большая централизация с опорой на русский центр, национальная политика стала второстепенным фактором политической жизни страны. Однако к тому времени национальные окраины не только окрепли в экономическом отношении, но и превратились по многим вопросам советского строительства в политических оппонентов власти. Этнический террор как раз и призван был обезопасить власть от избыточного роста местного национализма¹.

Адыгейская автономная область одной из первых на Северном Кавказе завершила сплошную коллективизацию, покончила с неграмотностью подавляющего большинства коренного населения, менее других была подвержена «засилью клерикального и иного враждебного элемента». Тем не менее ее судьба оказалась довольно типичной и повторила основные вехи многотрудного процесса «строения социализма в одной отдельно взятой стране». При этом

¹ Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 143.

несмотря на начавшиеся процессы обновления исторического познания в целом прошлое советской Адыгеи за редким исключением переосмыслению не подвергалось.

Наряду с массовыми чистками и лишением избирательных прав укрепление советского режима сопровождалось и показательными судебными-политическими процессами, которые в 1930-е гг. превратились в хорошо продуманные «воспитательные» мероприятия власти. Основной их целью являлась борьба с идейными противниками правящей партии и советского государства, которые по мере укрепления позиций социализма внутри страны становились его «непримиримыми врагами». Подобные представления, нашедшие официальное закрепление в сталинской теории построения социализма в одной отдельно взятой стране, вылились на практике в физическую расправу над политическими оппонентами власти.

В ноябре 1930 г. начался процесс по делу промышленной партии, участники которой обвинялись в «связях с разведками империалистических государств и попытках свержения советского строя». В марте 1931 г. по той же статье были «разоблачены» члены «Союзного бюро меньшевиков». Основными врагами нового строя, своеобразной «пятой колонной мировой буржуазии» были объявлены представители старой интеллигенции и «буржуазные специалисты», которые могли бы, по мнению официальной власти, стать идейными вдохновителями сопротивления советам. С этой целью в городах была развернута широкая кампания по их дискредитации и вытеснению из общественной жизни. Наряду с ней в стране прошел целый ряд политических процессов, направленных на окончательное искоренение «организованной оппозиции»: были разоблачены сторонники так называемого «правого уклона» в партии (Бухарин, Томский, Рыков, Угланов), от которых пока потребовали лишь признания своих «серьезных политических заблуждений».

Однако фактический провал социально-экономического курса партии, вызванные им тяжелейший кризис хлебозаготовок и повальный голод в стране, вынудили правящее руководство перейти к относительно умеренной политической линии. Решениями XVII съезда партии, состоявшегося в январе 1934 г., была провозглашена победа социализма в СССР, делался упор на внедрение элементов хозяйственного расчета «во все звенья экономики», намечались мероприятия по повышению материальной заинтересованности колхозников и рабочих в результатах собственного труда. Даже обозна-

чилась тенденция к «реабилитации» лидеров оппозиции. Многие из них были возвращены из административных ссылок, назначены на ответственные советские должности. Постановлением ЦИК «О революционной законности», принятым в июне 1932 г., объявлялась частичная амнистия бывших кулаков.

Политическая оттепель продолжалась недолго. 1 декабря 1934 г. в результате террористического акта был убит член Политбюро и первый секретарь Ленинградского обкома партии С.М. Киров. Результаты этого убийства сказались немедленно на всех областях жизни советского общества. На места было разослано письмо ЦК ВКП(б) «О последствиях событий, связанных со злодейским убийством товарища Кирова», которое напрямую связывалось с «троцкистско-зиновьевским заговором». В январе 1935 г. Г.Е. Зиновьев и Л.Б. Каменев были осуждены как политические преступники, а их сторонники подвергнуты судебным преследованиям. Но уже через год, проходя по делу «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра», они были объявлены «врагами народа» и расстреляны. Сходная судьба постигла и лидеров «рабочей оппозиции».

На Северном Кавказе такого рода процессы приняли национальную окраску и вылились в начале 1930-х гг. в дела так называемого «Польского национального центра», греческого повстанческого движения и «Армянской националистической группы». В Адыгее поиск идейных противников режима принял достаточно традиционные для того времени формы и свелся к вычищению «контрреволюционного элемента». Так, 1 июля 1935 г. на заседании бюро областного комитета партии были заслушаны письмо ЦК ВКП(б) «Выводы из дела об убийстве Кирова» и информация об антипартийной контрреволюции в области. Сообщалось о целом «ряде вскрытых фактов: распространении зиновьевско-троцкистской литературы сетью ОКТА, наличии контрреволюционных троцкистских элементов в неполной средней школе и сельскохозяйственном техникуме, занимавшихся открытой контрреволюционной агитацией в Красногвардейском районе». Обращалось внимание на наличие контрреволюционного троцкистского элемента в областной прокуратуре¹.

Несколькими месяцами ранее бюро рассмотрело вопрос о «контрреволюционной зиновьевско-троцкистской вылазке в типогра-

¹ Хранилище документации новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (далее — ХДНИ ГУ НАРА). Ф. 1. Оп. 2. Д. 32. Л. 63–64.

фии им. Лиманского», где «сознательное протаскивание троцкизма имело место в газете “За социалистический транспорт” — органе политотдела Северокавказской железной дороги». Контрреволюционная выходка заключалась в замене фразы «контрреволюционная зиновьевско-троцкистская группа» фразой «троцкистско-ленинская группа». По данному факту был снят с работы секретарь парторганизации типографии, которому в течение двух лет запрещалось заниматься ответственной партийной работой¹.

Следует отметить, что указанные формы «идеологической диверсии» наследовали распространенному в конце 1920-х — начале 1930-х гг. обвинению в причастности к так называемым контрреволюционным кулацко-вредительским группировкам. В 1934 г. в области, по сообщению начальника областного отдела ОГПУ Мартынова, только на территории Шовгеновского района в аулах Пшизов, Хатажукай, Кошехабль и Красногвардейского района на хуторе Догужиев действовало несколько контрреволюционно-кулацких группировок². Участники одной из них, «пшизовской группировки», среди которых находился и председатель аульного совета, «за вредительские действия, выразившиеся в разложении колхоза» были приговорены к 10 годам лагерей³.

В 1935 г. началась широкомасштабная сверка партийных документов, в которой активное участие принимали не только партийные органы, но и НКВД. По ее итогам многие старые большевики были исключены из партии, подвергнуты аресту, сняты с занимаемых должностей. По данным, приводимым М.Х. Шебзуховым, с июня 1937 г. по июль 1938 г. «в партийных организациях Краснодарского края были исключены из партии 2500 человек, из них 1115 человек, то есть 44 %, исключены с мотивировкой “враг народа”»⁴. В свою очередь Ю.П. Бессонов на начало 1930-х гг. только по Адыгее приводит факты исключения «двух станичных партийных организаций, фактически извращавших политическую линию партии, не согласных с методами коллективизации»⁵.

Вместе с тем Сталин, понимая необходимость передышки в процессе нагнетания классовой истерии, инициирует всенародное

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 32. Л. 111.

² Там же. Д. 28. Л. 97.

³ Там же. Л. 202.

⁴ Шебзухов М.Х. «Враги народа» // Советская Адыгея. 1998. 21 октября.

⁵ Бессонов Ю.П. «Адыгейское дело», 1937 год. Документальная повесть. Майкоп, 2003. С. 13.

обсуждение новой Конституции СССР. Конституция 1936 г., получившая название сталинской, по формальным признакам и декларирувавшемся в ней правам советского человека оказалась весьма демократичной. Однако трагедия заключалась в том, что на фоне этого официального демократизма разворачивались беспрецедентные по своему масштабу репрессии.

Логическим завершением политики ужесточений стал 1937-й год, вошедший в историю страны как самая страшная страница ее политического прошлого. Современные специалисты по-разному оценивают конкретные причины и механизмы развертывания репрессий, роль в них отдельных ведомств и руководителей. Не является исключением в этом отношении и «адыгейское дело» — дискредитация, арест и уничтожение руководства области.

Непосредственным поводом к репрессиям в отношении руководства Адыгейской автономной области послужило дело первого секретаря Северо-Кавказского, а затем и Азово-Черноморского крайкома партии Б.П. Шеболдаева. Обвинения, выдвинутые в его адрес, сводились к стандартным формулировкам, главными из которых являлись провал политического курса партии и пособничество ее идейным противникам. 2 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принимает решение «Об ошибках секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) т. Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве крайкома ВКП(б)». В соответствии с ним постановлением VII пленума крайкома Б.П. Шеболдаев был отстранен от занимаемой должности, переведен на работу в Курскую область, затем арестован и расстрелян.

По версии М.Х. Шебзухова, именно это решение повлекло за собою «в партийных организациях края... очередной бум разоблачений, тон которому задавали представители крайкома нового состава. По решению VII пленума краевого комитета партии ответственные работники выехали в низовые парторганизации с целью доведения и разъяснения итогов работы комиссии Андреева»¹. По мнению Ю.П. Бессонова, события 1937 г. в области были целиком подготовлены и осуществлены органами НКВД, в результате деятельности которых «возникла националистическая повстанческая организация», в вину которой вменялась «попытка свержения советского строя на территории социалистической Адыгеи»². Вместе

¹ Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 4.

² Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 66–67.

с тем им высказывается и небезосновательная мысль о том, что «непосредственный повод к развертыванию репрессий дали прошедшие в январе и феврале 1937 г. пленумы обкома партии»¹. Воспользовавшись их итогами, местные чекисты при поддержке краевого руководства НКВД приступили к запланированной расправе над руководителями области.

Представляется, что обе версии, несмотря на их солидное источниковое подтверждение, абсолютизируют роль как отдельных участников этой драмы, так и представляющих их ведомств. К сожалению, на сегодняшний день подавляющее большинство документальных свидетельств, относящихся к событиям того времени и, прежде всего репрессивным действиям власти, недоступны исследователям. Многие из них переданы в архивы ФСБ, что делает их практически недостижимыми для «рядового» исследователя. Тем не менее введенный в научный оборот архивный материал, уже имеющиеся исследовательские наработки позволяют воссоздать следующую картину возникновения и ликвидации «адыгейского дела».

Вероятнее всего, его формирование следует отнести к началу 1930-х гг., т.е. к моменту явной смены вех в национальной политике советской власти. Именно тогда, с подачи знаменитого письма И.В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» начинается постепенно восстанавливаться позитивный образ дореволюционного национального прошлого, а также получает свое идеологическое обоснование идея русского превосходства в его развитии. На практике проявлением указанных изменений становится более пристальное внимание центрального руководства страны к кадровым назначениям и передвижениям в национальных регионах, выполнением в них плановых заданий и первоочередных политических задач. Наряду с широкомасштабной коренизацией и выдвижением националов в органы местной власти, разворачивается негласная кампания по приведению национальной элиты, в том числе и аппаратных работников, в соответствие с новыми целями национальной политики.

Начинается процесс формирования новой разновидности советской номенклатуры — людей, преданных не столько советскому режиму, сколько лично И.В. Сталину. Одной из основных помех в этом многотрудном деле оказались национальные особенности властных структур на местах: повсеместное сохранение родственных и клановых связей, препятствовавших решению тех или иных задач, нали-

¹ Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 42.

чие «групповщины», нередко переходящей в сведение личных и семейных счетов между руководящими работниками. Тем более что сведения о них поступали довольно исправно в высшие органы государственной власти и ЦК ВКП(б). Представляется, что изначальной целью репрессивных акций в национальных образованиях являлось стремление центра разрушить этот властный nepoтизм и заменить его более гибким механизмом «личной преданности вождю». Не менее болезненной оставалась и проблема «русского фактора» в формировании управленческого аппарата национальных автономий, которому отводилась далеко не последняя роль в стабилизации внутренней ситуации на местах. Однако по мере реализации поставленных задач они уточнялись, сообразовываясь с конкретными обстоятельствами, претерпевали соответствующие изменения и зачастую производили впечатление иррациональных действий власти.

В Адыгее, как и в других северокавказских автономиях, формирование областного аппарата управления происходило с учетом национальной специфики ее населения. Так, с момента образования области по 1931 г. председателем президиума областного исполкома являлся Ш.-Г.У. Хакурате, с 1932 г. возглавивший партийную организацию ААО. Меньшая кадровая стабильность наблюдалась в обкоме партии, что, вероятнее всего, было связано с необходимостью «постоянного укрепления большевистской сознательности населения страны». Именно с этой целью наиболее опытные партийные функционеры перебрасывались с одного участка работы на другой. В 1931 г. от занимаемой должности первого секретаря Адыгейского обкома был освобожден А. Цехер в связи с его избранием секретарем Дагестанского комитета ВКП(б).

Такая практика создавала ряд неудобств, в частности, порождала в глазах местного населения весьма устойчивый образ «пришлого партийца»: если исполнительная власть по своему личному составу была «своей», то партийная — «чужой», навязанной «сверху», что не могло не порождать конфликтов между различными ветвями власти. С 1922 г. по 1937 г. в Адыгее сменилось шесть секретарей обкома партии, причем все они, за исключением Ш.-Г.У. Хакурате, оказались «пришлыми».

Рядом исследователей высказывается предположение о том, что фабрикация так называемых «национальных дел» своим источником имела «далеко идущие амбиции национальных элит». В частности, Ю.П. Бессоновым отмечается факт постановления Ш.-Г.У. Хакурате перед Москвой вопроса об организации республики, «низкую чис-

ленность коренного населения которой планировалось компенсировать за счет приглашения зарубежных адыгов из Турции и Ближнего Востока»¹. Архивные источники, относящиеся к 1930-м гг., содержат весьма невнятные и, по большей своей части, глухие ссылки на такого рода факты. Упоминание о них, без прямого указания на Ш.-Г.У. Хакурате, содержится в ряде донесений краевого ОГПУ, что вполне могло быть связано и с отзвуками давней дискуссии, происходящей на начало 1920-х гг. и вызванной различными проектами образования автономной области. Тем не менее подобные «слухи» достаточно активно циркулировали по краю, о них не могли не знать в Москве и со временем использовать по назначению.

Более того, время от времени в адрес руководства области поступали обвинения в «пособничестве врагам партии и народа». Так, в июне 1933 г. на первой краевой партконференции прозвучала резкая критика Ш.-Г.У. Хакурате, «под руководством которого в Адыгейской области долгое время орудовали “враги народа”, который возглавлял всех этих врагов, давая им установки»². Последовавшие за нею чистки и разоблачения «врагов» в области, скорее всего, не удовлетворили ни центр, ни крайком. В складывавшейся ситуации вполне вероятно предположить, что в отношении первого секретаря Адыгейского обкома партии действительно планировались какие-то, возможно и силовые, меры. Однако его преждевременная кончина внесла в эти планы определенные коррективы.

В 1935 г. после смерти Ш.-Г.У. Хакурате первым секретарем обкома партии стал А.В. Мовчан. Его назначение не вызвало особого одобрения в рядах руководства областной парторганизации, сплоченного авторитетом Ш.-Г.У. Хакурате. Как показало последующее развитие событий, данный факт сыграл свою негативную роль в сравнительно быстром разгроме и «идейном разоружении» коммунистов области.

В январе 1937 г. состоялся пленум обкома, на котором обсуждалось постановление крайкома партии «Об ошибках секретаря крайкома Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве краем»³. Пленум прошел в отсутствие первого секретаря

¹ Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 30.

² Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 4.

³ Обращает на себя внимание факт отсутствия в фондах ХДНИ ГУ НАРА материалов именно этого пленума. Более того, он даже не отражен в описи дел, относящихся к 1937 г.

А.В. Мовчана и не предвещал ничего неожиданного. Между тем, как свидетельствуют материалы следующих февральского и ноябрьского пленумов, развернувшаяся на нем дискуссия свелась к критике стиля руководства А.В. Мовчана, что незамедлительно было расценено крайкомом как «сведение личных счетов и засилья групповщины в парторганизации области».

31 января бюро крайкома ВКП(б) приняло постановление по Адыгейской областной парторганизации, которая «по факту разоблачения буржуазно-националистической группировки, вскрытой крайкомом ВКП(б), не довела до конца дело разгрома и выкорчевания врагов партии и народа, троцкистско-бухаринских фашистов, вырождков — буржуазных националистов». А уже 5–6 февраля, по инициативе и под давлением крайкома, состоялся внеочередной пленум обкома, на котором принимается следующее решение: «Признать грубой политической ошибкой предъявление Мовчану ряда необоснованных политических обвинений в его отсутствие, поддержанного беспринципной политической группировкой, которая договорилась между собой вести линию на снятие Мовчана с поста первого секретаря Адыгейского обкома партии... Отменить решение 7 пленума обкома как неправильное и политически вредное, не мобилизующее большевиков Адыгеи со всеми врагами партии и народа». Наряду с принятым постановлением был освобожден от занимаемой должности и переведен в распоряжение крайкома второй секретарь обкома С. Багов, сняты с занимаемых постов первый секретарь Шовгеновского райкома Теуважуков, начальник областного земельного управления А.А. Неуч, выведен из состава кандидатов в члены бюро и пленума обкома заведующий облоно И.Х. Барон¹.

5–6 марта 1937 г. на заседании бюро Адыгейского обкома ВКП(б) было еще раз заслушано постановление крайкома партии «Об ошибках секретаря крайкома Шеболдаева и неудовлетворительном политическом руководстве краем». В ходе его обсуждения признавался ряд «серьезных» идеологических просчетов, допущенных не только в крае, но и в области. В итоге проработке подверглись многие секретари первичных партийных организаций, некоторые из них исключались из ВКП(б). Так, парторг одного из совхозов Кошехабльского района обвинялся в пособничестве «троцкистской агентуре»: в станичной газете была опубликована заметка с «явным сочувствием к разоблаченным контрреволюционерам, пропаган-

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 49.

дировавшим среди рабочих теорию о невозможности построения социализма в СССР». Вместе с тем осуждалась и его «политическая близорукость», выразившаяся в умышленной дискредитации политических основ советского строя. На одном из заседаний парторганизации им было сказано, что «сталинская Конституция и процесс контрреволюционного троцкистского центра являются абстрактным вопросом для рабочих»¹.

На том же заседании рассматривался и вопрос о заведующем областным отделом народного образования, а также директоре Адыгейского научно-исследовательского института И.Х. Бароне. Он обвинялся в «поддержке связи с контрреволюционером Хуажевым», впоследствии одним из основных обвиняемых по «адыгейскому делу», после «разоблачения которого как врага народа оказывал ему денежную помощь», а также с рядом иных «контрреволюционных элементов» области и растрате крупной суммы денег на «собственные нужды»². Судьба И.Х. Барона, человека, безусловно, одаренного и широко образованного, оказалась весьма трагичной. В 1937 г. он был исключен из партии и арестован по обвинению в принадлежности к «буржуазно-националистической контрреволюционной организации» и в пренебрежительном отношении к адыгейской культуре и ее развитию³.

Весь 1937 г. прошел в области под знаком идейного разоблачения «врагов народа и их пособников». Так, VIII партийная конференция, прошедшая с 22 по 28 мая 1937 г., отметила ряд серьезных ошибок и недочетов в работе обкома. В частности, указывалось на «притупление большевистской бдительности, беспечность и наличие в составе бюро ныне разоблаченных врагов народа — троцкистов и националистов Неуча, Барона и Схакумидова»⁴. В постановлении партконференции неоднократно говорилось, что «ряд членов пленума и бюро (Баракаев, Петуваш, Багов), оказавшись в плену буржуазно-националистических контрреволюционных троцкистских элементов, вели антипартийную практику в работе, которая выражалась в предварительном сговоре в своей группе, политических действиях за спиной обкома, и это привело к организации в самом обкоме беспринципной группы комбинаторов»⁵.

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 51. Л. 88.

² Там же.

³ АРИГИ в лицах (к 70-летию со дня создания). Майкоп, 1999. С. 12.

⁴ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 48. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 6–7.

В октябре 1937 г. областное бюро несколько раз рассматривало вопрос о публикациях в газете «Большевик», непосредственно посвященных «буржуазным националистам и их пособникам в области». В них указывалось, что «бюро обкома не сделало до конца вывод из решения бюро крайкома» от 31 января, «затянуло без всякого основания снятие с работы националистических приспешников». В частности, речь шла о «ставленниках врагов народа» — председателе облисполкома З.Ю. Баракаеве, заведующем областным финансовым отделом Меретукове, заведующем земельным областным отделом А.А. Неуче и их «приспешнике» И.Х. Бароне¹.

Начавшаяся кампания газетной истерии настойчиво подталкивала областное руководство к принятию радикальных мер: ими становятся идеологическое саморазоблачение «врагов народа» и их исключение из партии. В ноябре 1937 г. в соответствии с решениями ЦК и крайкома ВКП(б) был снят с работы первый секретарь Адыгейского обкома партии А.В. Мовчан «как не оправдавший доверия партии и не боровшийся с буржуазными националистами и другими враждебными элементами». Вместе с ним «за потерю политической бдительности и связь с родственниками врагов народа» отстранялись от занимаемых должностей еще ряд членов пленума обкома: Багов, А.Х. Джаримов, М.З. Кунов, В.Д. Клименко, А.Д. Самарин, Зафесов и Чамокова².

Несколько ранее начались аресты руководителей области. Одними из первых были арестованы Ю.А. Шхалахов — военный комиссар области и З.Ю. Баракаев — председатель облисполкома, которым вменялась в вину «принадлежность к буржуазно-националистической организации, созданной и возглавляемой в 1922 году Хакурате и имевшей целью насильственное свержение советской власти на территории советского Кавказа». Впоследствии по тем же причинам было арестовано еще более 20 чел. По данным, приводимым Ю.П. Бессоновым, всего по так называемым первому и второму «адыгейским делам» были осуждены 15 и 13 чел. соответственно³. Все они, по замыслу следствия, являлись членами контрреволюционной организации, в преступные намерения которой входило не только подрыв устоев и свержение советской власти, но и присоединение области к одному из иностранных восточных государств.

¹ ХДНИ ГУ НАРА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 53. Л. 304, 323.

² Там же. Д. 49.

³ Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 4.

Ее руководителями считались Ш.-Г.У. Хакурате, а после его смерти А.В. Мовчан, К.А. Мишуриев — директор майкопского консервного завода и И.А. Наврузов — директор областного музея. В результате их «преступных действий» в организацию были вовлечены З.Ю. Баракаев, А.А. Неуч, С. Багов, Ю.А. Шхалахов и С.А. Кадаш — секретарь парткомиссии обкома, «активизировавшие вражескую работу по прямым директивам антисоветского Азово-Черноморского краевого центра, возглавляемого Шеболдаевым». Вредительская деятельность «контрреволюционеров» заключалась в «подрыве сельского хозяйства, в насаждении классово чуждых элементов в руководстве и вербовке повстанческих кадров»¹. Последнее обвинение в основном относилось к деятельности военного комиссара области по формированию полка «ворошиловских всадников», рассматривавшегося в качестве «армии будущего повстанческого движения».

Обращает на себя внимание, что среди привлеченных к уголовной ответственности и осужденных руководителей области оказались не только адыгейцы, но и еврей К.А. Мишуриев, русские — секретарь Красногвардейского райкома А.Л. Сурков, председатель Майкопского горисполкома М.Д. Писарев, председатель колхоза «Парижская коммуна» В.И. Овчаров. В литературе высказывается мнение, что «они просто были добавлены в дело, дабы не вызывать излишних разговоров о расправе над лучшими представителями адыгейского народа»². В принципе не оспаривая его, хотелось бы подчеркнуть, что и сам механизм развертывания репрессий, и их масштаб коснулись всех без исключения народов области.

После 2–3 лет тюремного заключения, под воздействием пыток и угроз физической расправы практически все арестанты «сознались» в предъявляемых им обвинениях. В январе 1940 г. Военный трибунал Северо-Кавказского военного округа вынес приговор осужденным по так называемому первому «адыгейскому делу», т.е. лицам, арестованным в 1937 г. Все они приговаривались к высшей мере наказания — к расстрелу. Однако несколько месяцев спустя, после подачи кассационной жалобы, мера наказания в отношении 9 чел. была заменена 25 годами лагерей. А.В. Мовчан, З.Ю. Баракаев, К.А. Мишуриев, Ю.А. Шхалахов, С. Багов и А.А. Неуч были расстреляны.

Осенью 1940 г. прошел процесс над обвиняемыми по второму «адыгейскому делу», которые в основном были арестованы в конце

¹ Шебзухов М.Х. Указ. соч. С. 5.

² Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 41.

1937–1938 гг. Необходимость их ареста, вероятнее всего, связывалась с нежеланием «разоблаченных врагов народа» хотя бы частично признать свою вину, а также с приданием самому делу надлежащего размаха. Таким образом, создавалась видимость наличия в Адыгее разветвленной контрреволюционной организации, члены которой «проникли во все структуры советских и хозяйственных органов власти». Среди арестованных оказались секретари обкома А.Х. Джаримов и А.Т. Шаов, секретарь Тахтамукаевского райкома Т.Ш. Муратов, заместитель председателя облисполкома М.М. Мезужок, секретарь Кошехабльского райкома Ф.Х. Мавлюдова, секретарь Псекупского райкома Ш.Б. Багов, председатель совхоза «Парижская коммуна» В.И. Овчаров. Все они обвинялись в участии «в буржуазно-националистической организации, проведении вредительских акций в сельском хозяйстве с целью вызвать недовольство трудящихся области, создании и вооружении кавказского полка»¹. Мерой наказания для каждого из участников этого дела стало лишение свободы в виде 10–15 лет лагерей.

Дискредитация и физическое уничтожение областного руководства, получившее название «адыгейского дела», готовилось не один год. Практически невозможно определенно и точно указать конкретную причину, приведшую к развязыванию этой трагедии. Представляется, что таких причин существовало по крайней мере несколько. Одна из них определялась общей установкой партии и правительства на формирование новой разновидности советской номенклатуры. Другая причина лежала в плоскости традиционного соперничества между двумя реальными институтами власти в стране — партийным аппаратом и органами внутренних дел, разногласия между которыми зачастую приводили к сведению ведомственных счетов в форме организации громких политических процессов. И, наконец, третья причина оказалась связанной с внутригрупповой борьбой в самой парторганизации области, принявшей характер оппозиции первому секретарю обкома А.В. Мовчану, что, собственно, и вызвало вмешательство крайисполкома и краевого управления НКВД.

Репрессии тяжело сказались на состоянии и последующем развитии области. По данным Ю.П. Бессонова, в 1930–1940-е гг. только среди ответственных работников Адыгеи их жертвами стали

¹ Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 66.

261 чел.¹ Однако помимо того что были уничтожены наиболее политически активные, образованные и думающие люди, террор на долгие десятилетия сковал общественную инициативу государственными рамками, породил атмосферу моральной растерянности, страха, способствуя проявлению далеко не лучших человеческих и гражданских качеств населения. Американская исследовательница Ш. Фицпатрик предприняла попытку «определить, как повлиял Большой Террор на повседневную жизнь и практику» подавляющего большинства людей того времени. В своем исследовании социальной истории России 1930-х гг. она пришла к выводу о том, что широкое хождение тогда получили доносы, беспринципность и всепоглощающее чувство самосохранения². Их преодоление составило целую эпоху в жизни советского общества и по-разному проявлялось в последующие годы.

Предпринятая попытка осмысления рождения историографического образа «года большого террора» в одной отдельно взятой области позволяет понять, в результате каких исследовательских интенций, порождаемых не только содержательной глубиной источника, но и общим состоянием исторического знания, возможно различное прочтение и истолкование одних и тех же событий.

¹ Бессонов Ю.П. Указ. соч. С. 102.

² Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М., 2001. С. 228–260.

Глава 3

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

*§ 3.1. **Нацистская оккупация и партизанское движение: поиск новых подходов в изучении***

К числу широко разрабатываемых и в то же время дискуссионных вопросов истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны относятся оккупационный режим, партизанское движение, сотрудничество советских граждан с противником, а также депортации северокавказских народов после освобождения региона и их последствия. Советские историки охарактеризовали репрессии оккупантов, экономическое ограбление захваченных противником территорий, бесправие местного населения. Сущность «нового порядка» на оккупированных территориях СССР сводилась к стремлению захватчиков ликвидировать советский общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства, искоренить марксистско-ленинскую идеологию, истребить большую часть населения страны, «а оставшихся людей превратить в рабов, грабить как можно больше народного богатства — продовольствия, сырья, готовой продукции»¹.

Тем не менее оккупация как предмет научного анализа долгое время оставалась периферийным направлением научного поиска в советской историографии, что вполне объяснимо. Обращение к данной проблеме порождало «неприятные» вопросы о причинах неудач советских войск в первые годы войны, вследствие которых была оставлена значительная территория СССР, сотрудничестве советских граждан с противником. Поэтому историки, как правило, достаточно осторожно упоминали о «некоторых отрицательных явлениях в деятельности отдельных местных партийных органов в период временной оккупации части советской территории». Много-

¹ История второй мировой войны 1939–1945. М., 1975. Т. 4. С. 340.

численные недомолвки, оговорки, намеки и полунамеки выполняли перестраховочную функцию, подчеркивали «незначительность» указанных явлений, предоставляя возможность посвященному читателю самому догадаться, о каких именно событиях шла речь.

Напротив, народное сопротивление оккупантам на захваченной советской территории всегда считалось одной из наиболее актуальных проблем истории Великой Отечественной войны, ему были посвящены отдельные главы и разделы в фундаментальных обобщающих трудах, тысячи специальных работ, более двухсот диссертационных исследований. Не раз советские историки обращались и к борьбе партизан и подпольщиков на захваченной территории Северного Кавказа. В результате не только смещались акценты в изучении проблемы, но и происходила ее своеобразная подмена. Вопросы немецкой оккупации Северного Кавказа нередко рассматривались в качестве составной части истории народного сопротивления захватчикам, как совокупность обстоятельств, в условиях которых развертывалась всенародная борьба с противником, и их освещение не должно было заслонять ее героического, всенародного характера.

Данная проблема наиболее активно разрабатывалась в рамках историко-партийной науки, большая часть диссертаций по истории народного сопротивления была защищена по специальности «История КПСС». Впрочем, и в работах, выполненных по специальности «История СССР», главная, организующая и руководящая роль в народном сопротивлении на Северном Кавказе, как и по всей стране, отводилась коммунистической партии в целом и местным организациям ВКП(б) в частности. Советские историки раскрыли различные формы и способы деятельности партийных организаций на оккупированной территории, осуществляемую ими политическую работу среди населения, разоблачение нацистской пропаганды, создание партизанских отрядов и подпольных групп. В то же время деятельность партизан и подпольщиков нередко отождествлялась со стихийным протестом народа против оккупантов.

Предметом серьезной дискуссии в советской историографии стал вопрос о формах народного сопротивления противнику. Часть ее участников выступала за то, чтобы называть всех участников сопротивления партизанами. Но большинство исследователей выделяло три основные формы борьбы в тылу врага: партизанское движение как наиболее активную и действенную форму сопротивления

в виде массовой вооруженной борьбы против захватчиков; подпольную деятельность конспиративных организаций в населенных пунктах; саботаж невооруженным населением политических, экономических и военных мероприятий оккупационных властей. При этом наиболее полно советские историки раскрыли вопросы развития партизанского движения, а деятельность подполья и саботаж населением мероприятий оккупационных властей уже в силу отсутствия необходимых документов были менее изучены. Мотивы участия советских граждан в борьбе против оккупантов связывались с характером советского строя, стремлением отстоять социалистические завоевания, не допустить реставрации дореволюционных порядков.

Анализ проводившихся в рассматриваемом регионе мероприятий захватчиков позволил ряду историков прийти к выводу о «кавказском эксперименте» третьего рейха, выражавшемся в «особом» отношении оккупантов к горцам и казакам. Но советские историки утверждали, что отличия оккупационного режима на Северном Кавказе от того, который был установлен в других регионах страны, заключались только в пропагандистских мероприятиях захватчиков, а его сущность не менялась.

В историографии отсутствовал анализ самой структуры оккупационной администрации, приводились единичные упоминания о различных направлениях ее деятельности, что объясняется не только особенностями сложившихся подходов, но и возможностями доступной исследователям источниковой базы. Главным источником при изучении событий оккупации выступали документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками (далее — ЧГК), хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ), а также республиканских, краевых и областных комиссий в местных архивах. Материалы же самих оккупационных органов, а также предприятий и учреждений, действовавших на захваченной противником территории, оставались засекреченными. Советские авторы упрощенно показывали взаимоотношения партизан с населением и населения с оккупантами, недооценивали нацистскую пропаганду и степень ее воздействия на жителей оккупированных территорий, трудности и проблемы в развитии сопротивления противнику.

С начала 1990-х гг. проблеме оккупации советских территорий стало уделяться значительно больше внимания в отечественной

историографии. В свою очередь количество публикаций по истории сопротивления, в том числе выполненных на материалах Северного Кавказа, первоначально несколько сократилось. Однако в последние годы вопросы партизанской борьбы на захваченной противником территории вновь стали вызывать повышенный интерес со стороны российских исследователей, что сопровождается обращением к ранее неизученным и малоизученным аспектам, пересмотром прежних историографических положений, появлением новых публикаций.

Вопросы оккупации получили соответствующее отражение в новых обобщающих и специальных работах по истории Великой Отечественной войны, авторы которых создают более целостную картину рассматриваемых событий, на основе новых источников анализируют различные проекты и направления оккупационной политики, реакцию на нее советского населения. При этом такие принципиальные положения, как сущность и характер нацистской оккупации советской территории, в значительной части работ не подвергается пересмотру. Например, в последнем обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны отмечается: «Оккупационная политика Германии на советской земле... представляла собой единый комплекс военных, политических, экономических и идеологических мероприятий, а по своим целям и сути носила откровенно варварский, грабительский характер»¹. В то же время и авторы, отдающие дань прежним подходам, как правило, не уходят от острых вопросов, в частности признают доброжелательный характер отношения к оккупантам со стороны части советского населения, особенно в начале войны.

Появились и работы, полностью или частично порывающие с предшествующей историографической традицией. Например, Б.В. Соколов в одной из своих работ подверг резкой критике и советских, и нацистских руководителей, отметив, что «с обеих воюющих сторон нередко встречались типы, склонные к садизму и способные выполнить любой приказ». Он считает, что главной целью всех, кто оказался на оккупированной территории, было выживание. Различными способами выживания рассматриваются и уход в партизаны, и служба в полиции². Заявленная позиция лежит в русле социальной истории — перспективного направления, приобретающего все

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 117.

² Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы. М., 2002. С. 4.

большее количество сторонников в современной историографии, но сама работа носит очерковый, фрагментарный характер, несет налет сенсационности, не позволяя создать целостной картины жизни населения на захваченной противником советской территории.

Более обстоятельный анализ нацистского оккупационного режима в России содержат работы новгородского историка Б.Н. Ковалева. Он характеризует организацию и деятельность органов управления, полиции и суда на захваченных территориях, деятельность немецких разведывательных и контрразведывательных служб, социально-экономическую и национальную политику оккупантов, меры, предпринятые ими в сфере образования, религии, культуры, регулирование брачно-семейных отношений. Раскрыть указанные вопросы автору позволило использование различных источников, включая и документы из архивов ФСБ. При этом главное внимание он уделяет северо-западным и центральным российским регионам, где оккупация продолжалась значительно дольше и имела несколько иной характер, чем на Юге России. Вводя в научный оборот значительный массив новых данных, Б.Н. Ковалев отдает должное прежним представлениям о жестокости оккупантов и постигшей их неудаче вследствие подъема сопротивления¹.

Отдельным направлениям оккупационной политики, использованию нацистской Германией экономического потенциала захваченных советских областей посвящены и другие исследования². В современной историографии более полно раскрываются формы и методы нацистской пропаганды³, анализируется активизация деятельности православной церкви на оккупированной территории СССР⁴.

Рассекречивание архивов и документальные публикации 1990–2000-х гг. существенно расширяют представления и о событиях, происходивших на оккупированной территории Северного

¹ Ковалев Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 гг.* М., 2004 и др.

² Комаров Д.Е. *Эксплуатация фашистской Германией экономического потенциала временно оккупированных территорий СССР (1941–1944 гг.): Дисс... канд. ист. наук.* М., 2001 и др.

³ Филоненко С.И., Филоненко М.И. *Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды 1942–1943.* Воронеж, 2006; Огороков А.В. *Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны.* М., 2007 и др.

⁴ Шкаровский М.В. *Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь* и др.

Кавказа, создавая новые возможности для исследователей данной проблемы. Введение в научный оборот целого комплекса новых источников не позволяет больше ее игнорировать, и вопросы оккупации получили в последние годы отражение в новых обобщающих работах, посвященных истории региона в целом, отдельных краев и автономий в годы Великой Отечественной войны, хотя их интерпретация при этом может существенно различаться¹.

В данной связи скорее вызывающим недоумение исключением, чем правилом, выглядит отсутствие соответствующих сюжетов в ряде трудов, вышедших в последние годы. Так, глава по истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны в последнем обобщающем труде по истории «многовекового содружества кабардинцев и балкарцев с русским народом» фактически представляет летопись героических действий жителей республики на фронте, в партизанских отрядах и советском тылу, без всяких упоминаний об оккупации и коллаборационизме. В результате при характеристике депортации балкарского народа в следующем разделе фраза об «абсурдных в своей основе обвинениях целых народов в пособничестве фашистам»² звучит алогично и бессмысленно. Авторы предоставляют читателям самостоятельно разбираться, о каком именно пособничестве идет речь. Полный отказ от освещения сложных и драматических явлений военного времени не способствует прояснению смысла происходивших событий. Совершенно необоснованно обошли вниманием период оккупации и авторы работы о развитии сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи, лишь отметив понесенный областью в это время материальный ущерб³.

В разработке рассматриваемой проблемы существенную роль сыграл ряд диссертационных исследований, которые содержат ком-

¹ Шебзухов М.Х. Тыл — фронту (тыл Северного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки; Селюнин В.А. Юг России в войне 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1995; Вклад кубанцев в Победу над фашизмом. Краснодар, 1996; Ибрагимов М.М. Указ. соч.; Край наш Ставрополье: очерки истории. Ставрополь, 1999; Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 и др.

² История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. С. 402.

³ См.: История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.). С. 192.

плексный анализ событий оккупации Северного Кавказа¹. В них подробно рассматриваются планы Германии в отношении региона, структура и деятельность оккупационной администрации, ее социально-экономическая, национальная и культурная политика, а также вопросы сопротивления захватчикам, действия партизанских отрядов и подпольных групп.

Первой из таких работ стала защищенная в 1992 г. в Краснодаре кандидатская диссертация ставропольской исследовательницы З.В. Бочкаревой. Она предложила иную, чем прежде, нетрадиционную оценку «кавказского эксперимента» третьего рейха: «Оккупировав Северный Кавказ, фашисты резко изменили свою тактику в отношении местного населения. К местным народам они относились значительно лояльней, чем к народам Украины и Белоруссии». Причины изменений автор объясняет, во-первых, провалом «блицкрига», во-вторых, стремлением Германии втянуть в войну мусульманскую Турцию. Суть изменений, по ее мнению, сводилась к предоставлению народам региона автономии, ликвидации колхозов, восстановлению права собственности и свободного труда².

Таким образом, З.В. Бочкарева выводит модернизацию нацистами оккупационной политики в рассматриваемом регионе за рамки сугубо пропагандистских мероприятий. Более того, рассмотрев административные преобразования и различные направления политики оккупантов на Северном Кавказе, она пришла к выводу о том, что здесь была предпринята не просто «коррекция прежнего нацизма», а попытка создания «неоколониального варианта национал-социализма для Кавказа». Согласно З.В. Бочкаревой, тотальный геноцид нацистов на Северном Кавказе эволюционировал к геноциду выборочному, дискретному, а экономическая политика — от «примитивного ограбления новых территорий к попыткам создания экономических очагов цивилизации на “диком Востоке”»

¹ Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1992; Кринко Е.Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.): Дисс... канд. ист. наук. М., 1997; Януш С.В. Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе: Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.): Дисс... д-ра ист. наук. Пятигорск, 2003 и др.

² Бочкарева З.В. Указ. соч. С. 181.

по европейским образцам»¹. В то же время автор считает: «Судить о последствиях этой политики не представляется возможным. Ибо слишком краток был срок для их реализации»².

Напротив, майкопская исследовательница Е.М. Малышева утверждает: «Результаты неудавшегося “эксперимента” доказывают необоснованность утверждений об “упущенных возможностях” фашистской оккупационной политики»³. Провал оккупационной политики на Северном Кавказе она объясняет в соответствии с историографической традицией: «Оказавшиеся на временно оккупированной территории трудящиеся Северного Кавказа остались в своем абсолютном большинстве верными идеалам социализма, советскому государственному и общественному строю»⁴. При этом Е.М. Малышева в своих работах также вводит в научный оборот новые данные о пропаганде на оккупированной территории региона.

Серьезными обобщающими исследованиями проблем оккупации Северного Кавказа стали монография и докторская диссертация пятигорского историка С.И. Линца. Он охарактеризовал структуру органов власти и управления на захваченной территории, осуществление оккупантами различных мероприятий социально-экономического характера, «способствовавших поддержанию уровня жизни местных жителей на приемлемом даже в условиях войны уровне»⁵. Среди них — проведение аграрной, налоговой и финансовой реформ, новшества в торговле и религиозной жизни, учитывавшие реальные потребности жителей Северного Кавказа. Историк, опираясь на новые документы, привел многочисленные факты того, что оккупанты старались оказать поддержку развитию здравоохранения и образования, занимались трудоустройством безработного населения. Признавая парадоксальность самого обращения оккупационных властей к данным вопросам, С.И. Линец полагает, что «главной целью подобных экспериментов было все же не процветание городского населения, а желание оккупационных

¹ Бочкарева З.В. Указ. соч. С. 221–222.

² Бочкарева З.В. Указ. соч. С. 181.

³ Малышева Е.М. В борьбе за победу. Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян в годы войны. 1941–1945. Майкоп, 1992. С. 176.

⁴ Там же. С. 172.

⁵ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 514.

властей максимально использовать все дивиденды и плюсы этой политики в интересах третьего рейха»¹.

Авторы обобщающей работы по истории карачаевцев и балкарцев, отметив репрессии оккупантов, указывают, что в области проводилась более «тонкая» политика захватчиков, и «несколько щадящим был оккупационный режим»². В то же время ряд историков сохранил приверженность прежним подходам и трактовкам в освещении оккупации Северного Кавказа, сводя ее характеристику к описанию насилия со стороны захватчиков, масштабов ущерба, нанесенного экономике региона, всенародного сопротивления оккупационной политике³.

Поиск идейных предпосылок «кавказского эксперимента» побудил исследователей обратиться к планам различных нацистских руководителей в отношении рассматриваемого региона, уделив пристальное внимание их различиям и возможностям реализации. Особый интерес вызывает «кавказская программа» министра по делам восточных оккупированных областей А. Розенберга⁴. Отметив несогласованность «во взглядах, убеждениях и определении политики на Кавказе между гитлеровскими бонзами и рейхскомиссаром Розенбергом, а также менталитет народов Кавказа, вполне понимавших истинные цели и задачи этой политики», К.-М.И. Алиев считает, что именно эти факторы «привели так называемый “кавказский эксперимент рейха” к его закономерному краху». При этом он утверждает, что именно «лояльная политика» фельдмаршала Э. Клейста по отношению к народам оккупированных территорий стала одной из причин заката его военной карьеры⁵. Данный вывод далеко не бесспорен и нуждается в дополнительной аргументации, которая отсутствует на страницах цитируемой работы.

Получила переосмысление и культурная жизнь региона в период немецкой оккупации. Ю.А. Болдырев проанализировал развитие искусства и литературы на оккупированной территории Северного Кавказа, показал, как оккупационный режим использовал находившийся в его распоряжении художественный потенциал,

¹ Линец С.И. Указ. соч. С. 220.

² Тебуев Р.С., Хагуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М., Ставрополь, 2002. С. 157.

³ Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998 и др.

⁴ Кринко Е.Ф. Кавказ в планах Альфреда Розенберга // Кавказский сборник. Т. 3 (35). М., 2006 и др.

⁵ Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.; Ставрополь, 2005. С. 95.

привел новые сведения о работе различных учреждений культуры и творческих коллективов на захваченной территории. Интересно предпринятое автором сравнение форм воздействия советских и оккупационных властей на творческую интеллигенцию и форм художественной жизни по обе стороны фронта¹.

Повседневной жизни населения захваченной территории Северного Кавказа и формированию у него образа «врага», экономической и социальной политике оккупантов в данном регионе посвящены и другие исследования². В ряде работ приводятся новые, малоизвестные факты, дополняющие представления об оккупации отдельных городов и районов Северного Кавказа³. Следует отметить и необычное по форме и содержанию философско-публицистическое прочтение немецкой оккупационной политики А.А. Бочкаревым, обнаружившим ее связь не только с реформами Александра II, С.Ю. Витте, П.А. Столыпина, но и всеми последующими трансформациями России⁴. Попытки провести параллели между оккупационной политикой нацистов и российскими реформами последних лет продолжились в периодических изданиях, оппозиционных современной власти⁵.

Новым сюжетом в современной историографии стало обращение к трагическим судьбам «восточных рабочих» — проблеме, прежде фактически находившейся под неофициальным запретом. В 1990–2000-е гг. вышли специальные сборники документов и самостоятельные исследования, посвященные «остовцам»⁶. Особенно значитель-

¹ Болдырев Ю.А. Указ. соч.

² Кринко Е.Ф. Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1943–1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 1999. Вып. 1; Его же. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп, 2000 и др.

³ Беликов Г.А. Оккупация: Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь, 1998; Линец С.И. Город во мгле... (Пятигорск в период немецко-фашистской оккупации. Август 1942 г. — январь 1943 г.). Пятигорск, 2005 и др.

⁴ Бочкарев А.А. Критика чистого чувства. Национал-социалистическая Перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941–1944 гг.). Метафизические этюды. Ставрополь, 1996.

⁵ Джигиль О. Оккупация. Невольные параллели // Советская Россия. 2006. 6 мая.

⁶ Андриянов В.И. Память со знаком ОСТ: Судьба «восточных рабочих» в их собственных свидетельствах, письмах и документах. М., 1993; Земсков В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) // Социологические исследования. 1995. № 5; Преодоление рабства. Фольклор и язык оstarбайтеров. 1942–1944 гг. М., 1998; Арзамаскин Ю.Н. Заложники Второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М., 2001 и др.

ную роль в осмыслении проблемы играет фундаментальный труд П.М. Поляна. Опираясь на солидную документальную базу, включающую не только архивные, но и устные источники, он рассмотрел вопросы принудительной отправки советских граждан в Германию и другие страны, оккупированные третьим рейхом, обстоятельства их жизни и работы, а также последующей репатриации на Родину¹.

Однако судьбы жителей Северного Кавказа, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны на работах в третьем рейхе, пока недостаточно изучены. Появились только первые, пока еще фрагментарные исследования, посвященные отдельным аспектам данной проблемы. В частности, необходимо отметить статью М.Р. Струговой, в которой на основе рассекреченных документов рассказывает о репатриации советских граждан в Краснодарский край².

Даже общее количество жителей Северного Кавказа, оказавшихся во время войны на работе в третьем рейхе, по-прежнему остается спорным. Так, советские историки, опираясь на данные краевой комиссии по выявлению злодеяний и учету материального ущерба, причиненного немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками Краснодарскому краю, долгое время определяли общее количество угнанных с территории края людей в 31 771 чел. Согласно П.М. Полян, использовавшему документы из фондов ГАРФ, из Краснодарского края было угнано 48 484 чел.³ Однако в материалах статистического управления Краснодарского края приводится цифра в 102 тыс. угнанных гражданских жителей, а в документах переселенческого отдела крайисполкома называется 129 335 чел.⁴

Сочетание новых подходов и традиционных положений характеризует современную российскую историографию проблемы сопротивления оккупантам. Начало переосмыслению итогов развития партизанского движения в СССР в отечественной исторической науке положили публикации крупнейшего советского специалиста в области диверсионной работы полковника И.Г. Старинова. Опираясь прежде всего на собственный опыт, он прямо обвинил И.В. Сталина в неудачах подготовки партизанской борьбы:

¹ Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в третьем рейхе и их репатриация. М., 1996.

² Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4.

³ Полян П.М. Указ. соч. С. 368.

⁴ ГАКК. Ф. Р-1246. Оп. 1. Д. 407. Л. 4; Ф. Р-1539. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

«От репрессий в 30-е годы погибло в десятки раз больше хорошо подготовленных партизанских командиров и специалистов, чем за всю Великую Отечественную войну»¹. По словам И.Г. Старинова, партизанское движение, сыграв важную роль в победе, не сделало всего, что могло бы, из-за «некомпетентности руководителей партизанской войны». Иначе оценил И.Г. Старинов и деятельность подпольных организаций, которые «могли руководить партизанским движением только в кинофильмах. Подполье было уязвимо, и подпольщики сами погибали, если не выходили в расположение партизанских формирований»².

Критику И.Г. Старинова в адрес советского руководства в вопросах организации партизанского движения разделяет и современный исследователь В.И. Боярский. Уже сам подзаголовок работы данного автора — «История утерянных возможностей» — красноречиво характеризует его взгляды на историю партизанской борьбы. Как и И.Г. Старинов, В.И. Боярский, анализируя положительные и отрицательные аспекты организации партизанского движения, вопросы тактики, управления и снабжения отрядами, их боевой опыт, не пересматривает его значения как одного из важнейших факторов победы³.

В современной историографии получила соответствующее осмысление и роль органов НКВД в развитии партизанского движения, прежде совершенно недооценивавшаяся, поскольку все заслуги в этой области приписывались партийным организациям. Среди исследований на данную тему необходимо выделить диссертацию и публикации А.Ю. Попова, в которых обоснована деятельность органов государственной безопасности СССР в организации борьбы в тылу противника⁴.

¹ Старинов И.Г. О войне в тылу врага // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 79. См. также: Его же. Фронт без командования // Новая и новейшая история. 1990. № 3; Его же. Записки диверсанта. М., 1997 и др.

² Старинов И.Г. Ошибки партизанской войны // Малая война (Организация и тактика боевых действий малых подразделений): хрестоматия. Минск, 1998. С. 166, 170, 177.

³ Боярский В.И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн., 2001.

⁴ Андрианов В.Н. Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990; Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003; Его же. Диверсанты Сталина. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004; Его же. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории (1941–1944 гг.): Дисс... д-ра ист. наук. М., 2007 и др.

В новых обобщающих трудах по истории Великой Отечественной войны и партизанского движения на оккупированной советской территории раскрываются трудности и просчеты в его становлении и организации, деятельность различных органов по созданию партизанских отрядов, совершенствование форм и способов борьбы в тылу¹. Они включают и материалы по Северному Кавказу.

Среди новых сюжетов, к которым обратились современные исследователи, — вопросы повседневной жизни и быта партизан, сложные процессы их взаимоотношений с населением. Новым для отечественной историографии является вывод о различных мотивах участников сопротивления, наряду с желанием защищать советскую власть указывается чувство патриотизма, «стремление защищать большую и малую Родину, своих родных и близких, над жизнью которых нависла смертельная угроза»².

Наряду с этим в современной историографии появились и более резкие оценки сопротивления, опровергающие прежние выводы советской историографии. Например, Б.В. Соколов приводит факты разложения дисциплины в партизанских отрядах, грабежа и истребления мирного населения отдельными отрядами, переодетыми в немецкую форму, с целью спровоцировать подъем недовольства действиями оккупантов³. В работе, непосредственно посвященной партизанскому движению в годы Второй мировой войны, Б.В. Соколов указывает на преувеличение численности партизан и итогов их деятельности в советских исторических трудах. Он также обращается к «антисоветскому партизанскому движению» — вооруженным выступлениям против советской власти, которые ранее квалифицировались как повстанчество и бандитизм. В качестве его наиболее характерного проявления рассматривается «пример северокавказских народов, искренне приветствовавших Гитлера и немцев как освободителей от векового российско-советского и большевистского рабства»⁴. Полагая закономерными данные выступления против

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война; Пережогин В.А. Партизаны и население (1941–1945 гг.) // Отечественная история. 1997. № 6; Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М., 2001; Пережогин В.А. Солдаты партизанского фронта. М., 2001 и др.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. С. 131.

³ Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы.

⁴ Соколов Б.В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. М., 2008. С. 222.

«колониальной империи», Б.В. Соколов фактически повторяет положения работ зарубежных и эмигрантских авторов эпохи «холодной войны», ранее подвергавшиеся резкой критике в советской историографии, и заметно упрощает картину событий на Северном Кавказе.

Еще дальше в своей критике советских партизан идет А. Гогун, считающий, что они не могут так называться, поскольку «были не повстанцами (инсургентами), а командос (диверсантами, разведчиками и террористами)». В книге об украинских партизанских формированиях он приходит к выводу о том, что «партизанская борьба не была ни спонтанным широким движением народных масс, поднявшим восстание в ответ на действия ненавистного режима, ни инициативой сплоченной группы политических единомышленников». По его мнению, «коммунистические партизанские структуры создавались по приказу сверху, функционировали по приказу начальства и по приказу “ответственных товарищей” были распущены»¹. Значительное внимание А. Гогун уделяет «провоцированию красными партизанами нацистского террора», дисциплинарным нарушениям в партизанских отрядах (разбоем, пьянству, половой распущенности), внутренним конфликтам в самих партизанских отрядах и другим негативным аспектам его истории.

Однако большинство профессиональных региональных исследователей, пересматривая отдельные положения и раскрывая «белые пятна» истории народного сопротивления на Северном Кавказе, не столь радикальны и обычно следуют традиции изучения проблемы, считая, что большинство местного населения поддерживало партизан и подпольщиков, что и обеспечило успех народной борьбы в тылу противника². В ряде современных работ освещение проблемы народного сопротивления на Северном Кавказе по-прежнему сводится к показу героических подвигов его участников³.

В то же время и в региональной историографии отмечается необходимость «очищения от мифологизации и приукрашивания партизанского движения»⁴, что свидетельствует о постепенном

¹ Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. М., 2008. С. 437, 442.

² Малышева Е.М. В борьбе за победу. Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян в годы войны. 1941–1945. С. 202 и др.

³ Озов А.Ю. Указ. соч.; Койчугев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998 и др.

⁴ Вклад кубанцев в Победу над фашизмом. Краснодар, 1996. С. 22.

утверждении новых подходов в изучении рассматриваемой проблемы. Переосмысление развития народного сопротивления на Северном Кавказе выражается в переоценке его итогов, эффективности действий и особенностей развития борьбы партизан и подпольщиков, их социального и национального состава, трудностей взаимодействия с частями Красной армии. В историографии находит отражение ранее замалчивавшаяся роль сотрудников НКВД и армейского руководства в организации партизанского движения, вскрыты факты трусости и предательства в рядах участников народного сопротивления, рассказывается о трагедии ряда отрядов¹.

В данной связи необходимо отметить исследования К.-М.И. Алиева, А.С. Линца, Г.В. Марченко, выполненные на материалах Ставрополья и Карачаево-Черкесии, а также ранее цитировавшуюся работу С.И. Линца, обобщающую данные по всему Северному Кавказу². Указанные исследования содержат анализ трудностей и неудач в развитии народного сопротивления на Северном Кавказе, вскрывают причины провала отдельных отрядов и соединений, связанные не только с природно-климатическими особенностями, но и действиями партийного руководства, неудачи в подготовке и тактике и другие факторы.

Переоценке подвергаются и вопросы взаимоотношений между партизанами и населением, современные авторы указывают на то, что «полного единодушия и единства в борьбе с немецкими оккупантами у партизан и населения, к сожалению, не было»³. А.С. Линец сделал вывод о том, что партизанское движение на Ставрополье не носило всенародного характера, видя в отсутствии массовой

¹ Мартианов В.Е. Указ. соч.; Януш С.В. Указ. соч.; Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.); Никулина Е.В. Истребительные батальоны Ставрополья и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005; Зайцев В.П., Туков В.В. Указ. соч. и др.

² Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. М.–Ставрополь, 2003; Линец А.С. Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 — январь 1943 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003; Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003; Марченко Г.В. Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1 и др.

³ Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003. С. 473–474.

поддержки со стороны жителей одну из главных причины его поражения. К.-М.И. Алиев указал на то, что отряды Ставрополья называть «партизанскими можно условно, ибо они больше тяготели к ополченским или истребительным»¹. Эти выводы принципиально расходятся с прежними положениями советской историографии. В то же время исследователи подчеркивают, что участники сопротивления внесли свой вклад в дело победы, сделав все, что от них зависело в тех нелегких условиях.

Ряд авторов подвергает критике роль местных руководителей, прежде всего первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) М.А. Сулова, в организации партизанского движения и подпольной борьбы. Р. Медведев и Д. Ермаков в историко-биографической работе отметили, что партизанское движение в Ставропольском крае «не было повсеместным, всеобщим и массовым, как это принято описывать». Они указали на отсутствие единого центра управления, провал партизанских отрядов ряда районов из-за обнаружения противником их баз, бездействие краевого руководства, часть которого «попросту скрывалась в буйных камышах в районе Кизляра»².

Резко критикуют роль М.А. Сулова и современные карачаевские исследователи. Автор цикла работ о развитии Карачая в годы Великой Отечественной войны А.Д. Койчужев утверждает: «Причиной провала партизанского движения на территории Карачаевской автономной области были отнюдь не предательство и пособничество карачаевцев фашистам, а грубые ошибки и просчеты в организации партизанского движения со стороны руководства Орджоникидзевским (Ставропольским) краем»³.

Другие авторы не столь решительно пересматривают оценки деятельности М.А. Сулова как руководителя партизанского движения в Ставропольском крае. А.С. Линец предлагает разделять проблемы, которые М.А. Сулов мог решить, но «не проявил должной настойчивости, может быть, испугался развития событий. А где он просто оказался слабым, неподготовленным руководителем, и от его некомпетентности пострадало дело», а также те, в которых М.А. Сулов «стал заложником ошибок и серьезных провалов Сталина и высшего командования Красной Армии»⁴.

¹ Алиев К.-М. Указ. соч. С. 15; Линец А.С. Указ. соч.

² Медведев Р., Ермаков Д. Серый кардинал. М., 1992. С. 63.

³ Койчужев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны: Дисс... д-ра ист. наук. Карачаевск, 2000. С. 390 и др.

⁴ Линец А.С. Указ. соч. С. 153.

Развитие партизанского движения на Кубани и роль первого секретаря Краснодарского крайкома ВКП(б) П.И. Селезнева и других кубанских руководителей в организации партизанского движения в значительно меньшей степени подвергаются пересмотру. Новизна большинства диссертационных исследований и публикаций последних лет на данную тему выражается прежде всего в обращении исследователей к социальному составу, тактике и повседневной жизни партизан Краснодарского края. Авторы прослеживают эволюцию в развитии партизанского движения на Кубани, переосмысливая эффективность действий партизанских отрядов и их возможности. Обращается внимание и на то, что среди партизан Кубани была достаточно велика доля коммунистов и комсомольцев, намного превышавшая средние данные по стране в целом¹.

Более резкая критика в адрес отдельных партизанских отрядов Кубани звучит в ряде краеведческих работ, менее связанных рамками профессионального дискурса. Так, В. Харченко в работе, посвященной истории Северского района Краснодарского края, опираясь на устные свидетельства жителей, считает, что «многие “боевые” заслуги партизан Северского района были выдуманы ими после войны, им “приписаны” никогда не совершавшиеся диверсии, подрывы вражеских эшелонов и т. д.»²

Другой историк-краевед, Г.В. Прибылов, подверг сомнению эффективность действий отрядов Майкопского соединения: «Они заявляли о себе незначительными разрозненными действиями, имея при этом малый результат»³. Собрав материал об уничтожении немецкими карателями жителей поселка Михизеева Поляна, Г.В. Прибылов связал данную акцию с действиями партизан, которые провоцировали репрессии против мирных жителей, оказавшихся совершенно беззащитными перед оккупантами, вымещавшими на них свой гнев. Эти оценки вызвали ответную резкую критику со стороны уже немногочисленных участников партизанского движения. Они указывают на то, что казнь жителей Михизеевой Поля-

¹ Евтушенко Ю.Л. Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. Армавир, 2005; Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп, 2007 и др.

² Харченко В. У подножия Собера. История Северского района. URL: // http://severskaya.ru/html/rayon_info/sober/index.php?ID=35.

³ Прибылов Г.В. Михизеевская трагедия или «Кубанская Хатынь. Мостовской, 1993. С. 13–14.

ны состоялась 13 ноября 1942 г., в момент самого крупного наступления немцев на майкопских партизан. Находясь под давлением превосходящих сил противника, партизаны отходили в глубь леса и не могли в этот момент оказать помощи жителям¹. Тем не менее в историографии постепенно формируются представления о сложности и противоречивости взаимоотношений партизан, оккупантов и населения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что изучение проблем оккупации и сопротивления захватчикам в годы Великой Отечественной войны на Северном Кавказе постепенно подвергаются все более серьезному переосмыслению. На основе различных источников не только официального, но и личного происхождения исследователи пересматривают прежние оценки оккупационного режима на Северном Кавказе, анализируют его особенности, основные направления оккупационной политики, формы и итоги сопротивления.

Позитивное значение для изучения темы имеет отказ от одномерного «черно-белого» изображения оккупации со стороны ряда исследователей, в результате чего она приобретает все более разносторонний и многоплановый характер. Подобный подход позволяет понять, что и на захваченной противником территории жизнь многих людей была наполнена не только ненавистью и страхом, но и решением повседневных, будничных забот, которым раньше не уделяли внимания историки. Но сам пересмотр устаревших положений является достаточно сложным и болезненным процессом, требующим определенного времени, а в истории оккупационного режима и сопротивления захватчикам на Северном Кавказе сохраняется еще немало малоизученных аспектов.

Дальнейшие перспективы в изучении данных вопросов связаны с расширением круга источников, причем не только за счет введения в научный оборот новых, однотипных по своему виду и содержанию документов. Необходимо привлечение других источников, которые ранее почти не использовались при изучении данной проблемы, например, фольклорных произведений и рассказов очевидцев данных событий, а также дальнейшее углубление их анализа, расширение самого круга рассматриваемых вопросов. При этом речь должна идти о качественном переосмыслении имеющегося в распоряжении исследователей материала.

¹ См.: Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. С. 264.

Так, к настоящему времени в историографии достаточно подробно разработаны вопросы структуры оккупационной администрации на Северном Кавказе. Однако сам механизм принятия решений и их реализации, вся совокупность сложных и нередко трагических взаимоотношений, складывавшихся между населением, оккупантами и партизанами, нуждаются в дальнейшем обсуждении. Для получения более достоверной и целостной картины событий немецкой оккупации региона необходимо обращение к конкретным обстоятельствам оккупации отдельных населенных пунктов, городов и районов Северного Кавказа.

Дальнейшего переосмысления требуют и социально-психологические аспекты оккупации. Размах жестокости и насилия на оккупированной территории, как правило, рассматривался лишь в качестве доказательства «человеконенавистнического характера оккупационного режима». Действительно, террор являлся главным средством реализации нацистских планов тотального переустройства мира. Однако репрессии нередко противоречили конкретным задачам оккупантов, прежде всего экономического и пропагандистского характера. При этом постоянное зрелище систематических казней не могло не причинять психологических травм тысячам и миллионам мирных людей, особенно женщинам и детям. Посттравматический синдром должен был сказываться на протяжении многих последующих лет, влияя как на личную жизнь отдельных людей, так и на судьбу региона и страны целом.

По-прежнему мало изучены последствия оккупации Северного Кавказа. Еще в годы войны был выявлен и описан материальный ущерб, однако вопросы о том, какой след оставила оккупация в жизни самих людей, проживавших на захваченной территории, практически не ставились в историографии. Между тем оккупация сыграла свою роль в формировании определенных стереотипов. Особую враждебность приобрел образ немца, на долгие годы оставшегося «врагом», «оккупантом», «захватчиком». Неслучайно, что и через многие десятилетия после войны часть жителей Северного Кавказа, бывших ее очевидцами и участниками, выступает против установления памятников на данной территории павшим немецким солдатам.

Не следует забывать и об определенной правовой дискриминации жителей оккупированных районов после их освобождения. В советских анкетах существовала специальная графа, требовавшая указать, находился ли человек на оккупированной территории или

нет. В зависимости от этого обстоятельства могли решаться вопросы о трудоустройстве, поступлении в учебные заведения, выезде за границу и другие жизненные проблемы. Государство проявляло недоверие к своим собственным гражданам, на некоторое время «выпавшим» из-под контроля. Заслуженный летчик-испытатель СССР, Герой России В.Ч. Мезох писал: «С горечью вспоминаю, как в четырнадцать лет ходил в партизанах, а потом в оставшееся сталинское время вынужден был писать в своих документах, что проживал на временно оккупированной противником территории. Такие считались людьми как бы второго сорта, им, мягко говоря, не полностью доверяли...»¹.

Особенно сложно складывались судьбы бывших «восточных рабочих», поэтому многие из них были вынуждены скрывать факт своей работы в третьем рейхе даже от родных и близких. Сначала потому, что сами опасались преследований, потом — чтобы «не навредить» своим родственникам, детям. Отсутствие возможности вспоминать о прошлом стало источником психологической травмы, поэтому запись рассказов «остовцев» в настоящее время приобретает дополнительную, компенсаторную функцию своеобразной социальной терапии, реабилитации репрессированной памяти.

Перспективным представляется выход исследований на микроисторический уровень, позволяющий рассмотреть события оккупации сквозь призму судеб отдельных личностей. Тем самым он позволяет понять, какую роль сыграла оккупация в судьбе конкретного человека, перенести центр внимания историков с вопросов государственного масштаба на проблемы жизни и мироощущения отдельного человека и общества в целом, прийти к новому пониманию сущности процессов, происходивших на оккупированной территории.

Решение этих, как и многих других вопросов связано не только с поиском новых источников, отражающих сферу эволюции индивидуального сознания человека, но и с обновлением методологического арсенала исследователя. Определенные перспективы видятся в проведении исследований на стыке различных гуманитарных дисциплин. В частности, в традиционной историографии отсутствовало удовлетворительное объяснение грубого, некультурного поведения немецких солдат и офицеров на захваченной

¹ Мезох В.Ч. Жизнь и профессия летчика-испытателя Гражданской авиации. Майкоп, 2001. С. 50.

территории, совершенно иначе ведших себя в иной обстановке. Использование в качестве аргумента фактора нацистской идеологии и пропаганды, способствовавшей созданию у немцев представления о жителях России как о людях низшей расы, «унтерменшах», далеко не все проясняет.

Между тем известный отечественный исследователь культуры Ю.М. Лотман предложил следующее объяснение причин перемен в поведении немецких солдат, связанное с психологическим комплексом, который он назвал «комплексом оккупанта». Средний человек, обыватель, переживший много унижений и ставший неожиданно для себя господином на оккупированной территории, чтобы справиться со своим новым положением, решительно расставался с прежними культурными представлениями. Находясь на захваченной территории, оккупанты освобождались от своих культурных ценностей и стереотипов, а чужая культура оставалась для них недоступной. Именно это освобождение от культуры объясняет разницу в поведении немецких солдат дома и в оккупированных областях. Использование методик других гуманитарных дисциплин дает возможность историкам ответить на многие новые вопросы, а рассматриваемые в таком ракурсе события оккупации Северного Кавказа выводят на осмысление общих проблем поведения человека в экстремальных условиях и его адаптационных возможностей.

§ 3.2. Предатели, герои или жертвы? Споры о коллаборационизме и коллаборационистах в современной историографии

Сотрудничество советских граждан с противником в 1941–1945 гг. относится, пожалуй, к числу самых острых проблем истории Великой Отечественной войны, до сих пор болезненно воспринимаемых в российском обществе и исторической науке. Долгие годы все те, кто оказались во время войны по другую сторону фронта, подвергались безусловному осуждению. Яркий представитель

«фронтового поколения» советской литературы В. Некрасов, вспоминая свои представления военных лет, писал: «Будем говорить прямо — для нас, советских офицеров и солдат, «власовец» был враг. К тому же изменник. Мы его ненавидели и презирали хуже немца, фашиста»¹. Это неприязненное отношение к тем, кто сотрудничал с противником в военные годы, отчасти продолжает сохраняться и сегодня. В то же время процесс переосмысления прошлого способствует радикальному изменению оценок коллаборационистов, порой на прямо противоположные, со знака «минус» на знак «плюс». В результате споры о коллаборационизме нередко перерастают собственные рамки, превращаясь в очередное «поле битвы» по идеологическим мотивам, а ее участники используют исторический материал для обоснования своих собственных политических пристрастий и претензий.

Необходимо отметить, что в советской историографии коллаборационизм относился к числу наименее изученных вопросов, ему не было посвящено самостоятельных глав или статей ни в обобщающих фундаментальных трудах, ни в справочных изданиях по Великой Отечественной войне. Специальных работ по теме было опубликовано немного, и они в основном разоблачали «буржуазный национализм», прежде всего на материалах Прибалтики и Украины. За редким исключением практически не рассматривались вопросы сотрудничества жителей Северного Кавказа с противником, советские историки лишь упоминали об отдельных его проявлениях в связи с обращением к событиям оккупации и сопротивления в регионе, давая им крайне негативные оценки. Материалы о коллаборационистах печатались вместе с публикациями о разоблачении иностранных разведчиков и шпионов, нередко изобиловали ошибками и неточностями, порой прямо искажали факты. Причины коллаборационизма в советской историографии сводились исключительно к субъективным факторам, к низменным личным качествам отдельных лиц, от страха и тщеславия до жажды наживы и ненависти к советской власти.

В последние годы в изучении коллаборационизма произошли серьезные перемены: маргинальный историографический сюжет превратился в одно из наиболее популярных исследовательских направлений, вызывающих повышенный интерес не только истори-

¹ Некрасов В. Послесловие // Бетелл Н. Последняя тайна / Пер. с англ. М., 1992. С. 248.

ков, но и широких кругов читателей. В новой историографической ситуации в научный оборот вводятся неизвестные ранее факты, появились первые специальные документальные публикации¹. Свою роль сыграло и знакомство отечественных историков с работами зарубежных авторов и эмигрантов по данной проблеме, состоявшееся во многом благодаря их изданию в России². Отмеченные обстоятельства являлись необходимыми предпосылками для становления и дальнейшего развития историографии проблемы коллаборационизма в российской исторической науке.

Работы на данную тему, опубликованные в начале 1990-х гг., отличались фрагментарностью, противоречивостью и полемической заостренностью, присущей публицистической литературе. Если в отдельных работах требование «реабилитации Власова» рассматривалось как прямое «возрождение гитлеризма»³, то другие авторы, напротив, видели в сохранении подобных оценок отражение влияния «стереотипов коммунистической идеологии», применяли подходы, сложившиеся в зарубежной литературе и полностью оправдывавшие коллаборационистов. Обращение к коллаборационизму происходило в контексте заполнения многочисленных «белых пятен» российской истории, и главное значение работ этого периода заключалось в пробуждении научного и общественного внимания

¹ Кавказ. 1942–1943 годы: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8; Освободители // Родина. 1992. № 8–9; «Wlassow – action», или как германское командование пыталось разложить Советскую Армию и ее тыл в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 1992. № 3; «Казаки» со свастикой // Родина. 1993. № 2; «Кормят их гораздо лучше, чем нас»: Из дневника военнослужащего РККА, перешедшего на службу к гитлеровцам, 1943 г. // Военно-исторический журнал. 1994. № 7; Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Новая и новейшая история. 1996. № 4; «Мусульманская плаха» для России // Военно-исторический журнал. 1996. № 5; Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы. Сб. документов. Сочи, 2003 и др.

² Так, автор одной из работ по данной проблеме посвятил ее памяти «выдающегося историка и замечательного человека Иоахима Хоффманна», известного немецкого специалиста по советскому коллаборационизму. См.: Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 7. Другие российские историки, напротив, в своих исследованиях полемизировали с основными положениями работ И. Хоффманна, ставшими для них своеобразным «историографическим вызовом».

³ Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или История власовского предательства // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 4.

к проблеме, вводе в научный оборот новых сведений, первом опыте их систематизации¹.

В ходе дальнейшего развития историографии проблема коллаборационизма становится предметом специального научного анализа. Она нашла свое отражение в новом обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны², специальных работах, по ней защищены первые кандидатские и даже докторские диссертации³. Немало публикаций на эту тему подготовлено сотрудниками созданного в 1993 г. общественного научно-исследовательского центра «Архив РОА». Среди них, в частности, четыре тома серии «Материалы по истории русского освободительного движения 1941–1945». Отказ от идеологических догм и стереотипов, привлечение новых источников способствовали формулированию более достоверных выводов о масштабе и причинах данного явления.

Пересмотр прежних положений сказывается в использовании терминологии, менее «заряженной» негативной предубежденностью. В советское время для обозначения лиц, сотрудничавших с противником, в основном использовались понятия «пособники врагу», «предатели» и «изменники Родины», имевшие негативное содержание, а то и более резкие выражения («фашистские холоуи» и другие). Применялся и термин «власовцы», которому придавалось при этом расширительное значение. На самом деле Русская освободительная армия (далее — РОА) генерал-лейтенанта А.А. Власова была создана в самом конце войны, а ряд вооруженных формирований из советских граждан, воевавших на стороне вермахта, остался ему неподотчетным. Более того, отдельные коллаборационистские

¹ Зюзин Е.И. О действиях национальных формирований (легионов) в войне против СССР // Зюзин Е.И. Малоизвестные страницы войны. М., 1990; Кудряшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14; Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8 и др.

² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война.

³ Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941–1945 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1997; Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюрко-мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы второй мировой войны: Дисс... д-ра ист. наук. Казань, 2000; Напсо Н.Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2000; Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы второй мировой войны: Дисс... д-ра ист. наук. М., 2001 и др.

и эмигрантские лидеры, впоследствии «удостоенные» данного названия, выступали прямыми оппонентами и соперниками А.А. Власова, а их программы отличались от той, которую провозглашал созданный по его инициативе Комитет освобождения народов России (далее — КОНР). Правда, многие советские граждане, в основном из числа военнопленных, служившие в частях вермахта и люфтваффе и не имевшие никакого отношения к А.А. Власову, действительно стали носить нашивки РОА после его выступления в 1942 г. Но это имело откровенно пропагандистский характер, поскольку РОА как воинского соединения тогда еще не существовало.

В зарубежной и эмигрантской историографии по отношению к советским коллаборационистам часто применялись понятия из немецких военных документов: они именовались «освободителями» и «добровольцами». Использование данных терминов в условиях «холодной войны» имело очевидную политическую и идеологическую ангажированность, подчеркивая тоталитарный и антинародный характер советского режима, выступление собственных граждан против которого изображалось как героический поступок. Коллаборационистские вооруженные формирования и соответствующие политические структуры рассматривались как своеобразная «третья сила» между Сталиным и Гитлером. Однако никакой «освободительной» функции РОА выполнить не могла, тем более в конце войны, когда ее исход уже был фактически предопределен, а многие военнослужащие данных формирований делали свой выбор далеко не всегда добровольно.

В настоящее время сотрудничество с противником все чаще обозначается термином «коллаборационизм» (от французского *collaboration* — сотрудничество). При этом во французском языке данный термин имел сугубо негативное значение, но его иностранное происхождение придает ему в русском языке нейтральный характер, по сравнению с прежними оценочными категориями. Вплоть до 1990-х гг. данный термин практически не использовался для обозначения сотрудничества советских граждан с противником ни в отечественной, ни в зарубежной историографии и применялся для характеристики подобных явлений в оккупированных странах Европы и Азии. Свою роль играли упомянутые выше идеологические предубеждения.

Впрочем, не все российские исследователи и сейчас готовы к смене терминологии. Например, О.В. Вишлев полагает наиболее умест-

ными прежние категории именно потому, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма¹. С противоположных позиций к похожему выводу приходит и петербургский историк К.М. Александров, считающий, что переход советских граждан на сторону противника нельзя оценивать как коллаборационизм, характерный «в той или иной степени для всех стран, подвергшихся оккупации Германией или ее союзниками». По его мнению, в отличие от европейского коллаборационизма, «в наибольшей степени спровоцированного определенными общественно-политическими симпатиями непосредственно к социально-экономической или политической доктрине фашизма», поддержку, оказанную противнику гражданами СССР, следует рассматривать «в качестве самостоятельного, стихийного *протеста* части общества против внутренней политики советского государства, усугубленной режимом личной власти И.В. Сталина»².

Однако подобный подход учитывает только часть лиц, сотрудничество которых с противником действительно имело осознанный политический характер, и оставляет без внимания большинство тех, действия которых были обусловлены иными мотивами. Использование понятия «коллаборационизм» в современной историографической ситуации представляется наиболее подходящим в силу того, что оно позволяет объединить различные формы данного явления и не имеет столь откровенно выраженного идеологического смысла, как терминология, порожденная нацистской или советской пропагандой.

Среди обобщающих работ о коллаборационизме выделяется фундаментальный труд известного военного историка М.И. Семиряги, впервые в отечественной науке осветившего в рамках одной работы вопросы сотрудничества с противником жителей стран с разным политическим строем в годы Второй мировой войны. Он предложил следующее определение данному термину: «коллаборационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу. В условиях оккупации деятельность коллаборационистов представляет собой измену родине и, в соответствии с международным правом, они со-

¹ Вишлев О.В. Генерал Власов в планах гитлеровских спецслужб // Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 142.

² Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели. Сб. статей и материалов. М., 2005. С. 8–9.

вершают военные преступления»¹. Заслуживает внимания и предложенное автором разграничение понятий: «коллорабационизм» он рассматривает как синоним «осознанного предательства и измены», «сотрудничество» как «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами»². Впрочем, подобное употребление терминов оказалось не лишено противоречий, ниже М.И. Семиряга отмечал, что грань между понятиями «предатель», «изменник родины», и «коллорабационист» «весьма подвижна, тонка и трудно уловима. Но она все же существует»³.

Еще один исследователь проблемы С.В. Кудряшов указывал: «Иногда очень сложно, а то и почти невозможно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями от сотрудничества с ними»⁴. Напротив, Б.Н. Ковалев по-прежнему не видит разницы между коллорабационизмом и изменой: «Коллорабационизм — это содействие в военное время агрессору со стороны граждан обороняющихся государств в ущерб своей Родине и народу. В условиях оккупации ряда районов нашей страны деятельность коллорабационистов должна быть охарактеризована как измена Родине, как в нравственном, так и в уголовно-правовом смысле этого понятия»⁵.

В современной историографии более сложную характеристику получили мотивы и причины коллорабационизма. Большинство исследователей признают, что причины сотрудничества различны — «от неприятия советского строя и активного участия в войне на стороне противника до элементарного стремления как-то выжить в жестких условиях оккупации или плена. Политические мотивы сотрудничества с врагом, если таковые присутствовали, носили либо классовый, либо националистический характер, либо возникали под влиянием немецко-власовской пропаганды»⁶. Историки отмечают, что в сотрудничество были вовлечены представите-

¹ Семиряга М.И. Коллорабационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 815.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 11.

⁴ Кудряшов С.В. Указ. соч. С. 91.

⁵ Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллорабационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород, 2001. С. 480.

⁶ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. С. 154.

ли всех социальных слоев советского общества, «не только идейные противники советской власти, но и подвергшиеся необоснованным репрессиям командиры Красной Армии, недовольные принудительной коллективизацией крестьяне»¹.

Д.А. Волкогонов считал, что «власовщина» как политическое явление стала результатом целого ряда причин, объясняя коллаборационизм последствием «крупных неудач на фронтах, отрывками национализма и социальной неудовлетворенности некоторых представителей (и их детей) привилегированных классов, страхом перед возмездием после того, как некоторые не по своей воле оказались в плену». Он отмечал: «По мере роста отпора захватчикам случаев добровольного перехода на сторону врага становилось все меньше, а в конце 1942 г. и в 1943 г. фактически не стало»². Особые причины для перехода на сторону противника существовали у населения западных регионов, незадолго перед началом войны вошедших в состав СССР. О. Сорокина связывает их с советской оккупацией данных территорий в 1939-1940 гг., массовыми репрессиями, а также «давней нелюбовью к русским»³.

По мнению других авторов, политико-правовая оценка не проясняет всей сложности рассматриваемого явления. В данной связи заслуживает внимания стремление ряда российских историков рассматривать коллаборационизм как «способ выживания под пятой оккупантов»⁴. Исследователи обращают внимание на то, что в условиях оккупационного режима часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры, добровольно или по принуждению становясь на путь сотрудничества. Свою роль играла нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерные побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства.

Ввод в научный оборот значительного эмпирического материала позволил предложить различные варианты типологии коллаборационизма. Большинство исследователей предлагают классифицировать формы коллаборационизма в зависимости от того, в какой

¹ Великая Отечественная война. 1941–1945... С. 162.

² Волкогонов Д.С. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. Кн. 2. Ч. 1. М., 1989. С. 131.

³ Сорокина О. Этнические движения в СССР и вторая мировая война // История. 2002. № 6. С. 10.

⁴ Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60.

сфере осуществлялось сотрудничество с противником. С.В. Кудряшов выделил военное, политическое и экономическое (гражданское) сотрудничество. Кроме того, считая, что «между работой в военных частях и участием боевых действиях с оружием в руках существовала большая разница», он предложил разграничивать пассивный и активный (с оружием в руках) военный коллаборационизм¹.

Однако эта классификация не учитывает работы многочисленных органов власти на оккупированной советской территории. Более полный характер имеет классификация, предложенная Н.М. Раманичевым, который охарактеризовал четыре основных формы сотрудничества с оккупантами. Политическое сотрудничество — деятельность национальных комитетов (русских, украинских, белорусских, туркестанских, азербайджанских и других), претендовавших на роль самостоятельных правительств. Административное — участие в работе созданных оккупационными властями местных административных органов. Хозяйственное — работа в промышленности и сельском хозяйстве. Военное сотрудничество — служба с оружием в руках на стороне третьего рейха².

Указав, что диапазон форм проявления коллаборационизма весьма обширен, М.И. Семиряга выделил бытовой, административный, экономический и военно-политический коллаборационизм³. Еще один вариант классификации предложил В.В. Малиновский, различавший коллаборационизм в зависимости от его мотивов и масштаба. Кроме того, данный автор принимает во внимание и локализацию данного явления: в Прибалтике и Западной Украине коллаборационизм, по его словам, «имел определенную националистическую окраску местные коллаборационисты надеялись при помощи фашистских войск воссоздать свои национальные государства». Напротив, в «коренных» районах СССР коллаборационизм на местах имел в основном социальный характер: «на сотрудничество с оккупантами чаще шли выходцы из “обиженных” Советской властью слоев населения: бывших кулаков, нэпманов и т. д., а также асоциальные элементы, за те или иные проступки наказанные советским государством»⁴.

¹ Кудряшов С.В. Указ. соч. С. 86, 91.

² Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 293.

³ Семиряга М.И. Указ. соч. С. 11.

⁴ Малиновский В.В. Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 165.

Представляется также целесообразным, используя в качестве критерия мотивы сотрудничества, разделять «сознательный» коллаборационизм, связанный с неприятием советского государства и осознанным желанием содействовать оккупантам, и коллаборационизм «вынужденный», порожденный внешними по отношению к субъекту обстоятельствами. От этих двух типов следует отделять «псевдоколлаборационизм» — выполнение тех или иных функций в оккупационной администрации или полиции, частях вермахта и других вооруженных формированиях участниками народного сопротивления или специально направленными советскими агентами. Указанные классификации находят подтверждение и в работах, выполненных на региональных материалах¹.

Разумеется, все предложенные классификации достаточно условны. Деятельность отдельных коллаборационистов нередко протекала в различных формах, а переход на сторону противника могли обуславливать сразу несколько мотивов. Но, как и любые другие абстрактные категории, указанные «идеальные типы» коллаборационизма позволяют осмыслить его сущность и проявления. Разную роль в событиях военных лет играли участники карательных акций и сельские старосты, выполнявшие приказы германского командования и в то же время создававшие условия для нормальной жизни и работы своих односельчан. Различалась и деятельность членов национальных комитетов, имевших определенные политические цели, отдельных сотрудников городских и районных управ, других местных органов управления, рядовых полицейских и крестьян, сдававших часть урожая оккупационным властям под угрозой расстрела. Все приведенные примеры можно отнести к проявлениям коллаборационизма, но значение, формы и мотивы сотрудничества в каждом случае значительно расходились.

Подобный дифференцированный подход проявляется в работах многих отечественных исследователей. И.А. Гилязов подчеркивает необходимость индивидуального подхода к каждому конкретному случаю, указывая, что «не все коллаборационисты были действительными борцами против сталинизма. Последние составляли, по-видимому, меньшинство. Многие бывшие красноармейцы, оказав-

¹ См.: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). С. 150–151; Его же. Коллаборационизм на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп, 2000. Вып. 3. С. 230.

шись в плену, переходили в стан врага и пытались элементарным образом спасти свою жизнь, избежать голодной смерти в лагерях для военнопленных, переждать, а при возможности и перебежать обратно к своим»¹. А.В. Окуроков даже установил соотношение лиц, сотрудничавших с противником, исходя из тех или иных мотивов: по его мнению, количество сознательных коллаборационистов, объединенных «ненавистью ко всему советскому», составляло 20 % от их общей численности, а наибольшая часть — 60 % — приходилась на советских военнопленных². Указанные цифры представляются близкими к действительности, но в тексте работы не проясняется, как автор смог определить их настолько точно.

Напротив, А.Л. Бахвалов, отметив, что «не все власовцы были активны», многие «в карательных операциях не участвовали, на обыски и другие операции не ходили, не стреляли, а значит, никого не убивали», всех их по-прежнему считал преступниками: «все роты и взводы несли патрульную и охранную службу, были вооружены огнестрельным оружием, принимали присягу на верность Гитлеру и Власову»³. Далее он утверждал: «Истинные патриоты Родины изменниками, предателями не становились никогда, даже если существовавший режим бросал их по лагерям и колониям»⁴. В другой работе данный автор несколько изменил свою позицию. Отметив, что в РОА вступали по разным причинам, он указал, что не все коллаборационисты изменили Родине, многие нашли возможность уйти в партизаны, саботировать приказы немецкого командования. А.Л. Бахвалов подчеркивал трагедию «людей, которые родились не предателями, но стали ими в силу различных, порой трудно объяснимых причин»⁵.

Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы военного и политического коллаборационизма как наиболее активных и лучше документированных форм сотрудничества советских граждан с противником. При этом серьезные разногласия исследователей вызывала численность коллаборационистских вооруженных формирований и частей. Авторы публикаций начала

¹ Гилязов И.А. Указ. соч. С. 4–5.

² Окуроков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы второй мировой войны: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 22.

³ Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой? СПб., 1994. С. 46.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Бахвалов А.Л. Пути и судьбы. СПб., 2000. С. 3–4.

1990-х гг., следуя советской традиции, обычно приуменьшали ее, называя цифры в 100200 тыс. чел.¹ Затем появились более достоверные оценки, опирающиеся на работы зарубежных авторов, доступные российские и иностранные источники. Современные исследователи, как правило, называют цифры от 1 до 1,5 млн советских коллаборационистов².

Исследователи обращают внимание на то, что приводимые сведения об отдельных вооруженных формированиях и их видах не учитывают понесенные ими боевые и небоевые потери, перемещение личного состава и другие изменения, проследить которые не представляется возможным³. Следует добавить, что в составе рассматриваемых частей находились и эмигранты из России, не являвшиеся советскими гражданами и формально не подпадавшие под определение коллаборационистов. В частности, из эмигрантов состоял Русский корпус, сформированный на Балканах, немалое их количество насчитывалось и в казачьих частях. Впрочем, в общей численности формирований, сражавшихся на стороне вермахта и СС, эмигранты из России составляли явное меньшинство по сравнению с советскими гражданами.

Поэтому данный аспект проблемы требует дальнейшего изучения, причем исчерпывающие ответы на все вопросы вряд ли могут быть получены даже с дальнейшим рассекречиванием документов и открытием архивов. Например, практически невозможно установить точную численность «природных казаков», воевавших на стороне противника в годы Великой Отечественной войны. В казачьих формированиях, численность которых определяется в 5570 тыс. чел., служили военнопленные различных национальностей, назвавшие себя казаками, чтобы не умереть в немецких лагерях. В то же время казаки «по происхождению» воевали и в других коллаборационистских частях и соединениях.

Во второй половине 1990–2000-х гг. вышел ряд специальных работ о вооруженных формированиях из советских граждан в со-

¹ Гареев М.А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 49; Пальчиков П.А. История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 144; Решин Л. Указ. соч. С. 179 и др.

² Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценках молодых. Сб. статей аспирантов, молодых ученых. М., 1997. С. 131–133; Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. С. 154 и др.

³ Дробязко С.И. Указ. соч. С. 132.

ставе вермахта и СС. Среди них выделяется серьезное исследование С.И. Дробязко, стремящегося «показать широкую и максимально объективную картину возникновения и эволюции антисоветских формирований из граждан СССР и эмигрантов в составе германских вооруженных сил, а также их роли в вооруженной борьбе на различных театрах Второй мировой войны»¹. Немало ценной фактической информации содержит работа С. Чуева, впрочем, более напоминающая справочное издание, чем монографическое исследование². О.В. Романько попытался рассмотреть коллаборационизм сквозь призму национальных отношений в СССР. Наибольший интерес представляет освещение данным автором вопросов истории мусульманских легионов и белорусского коллаборационизма³.

Значительное внимание исследователи уделяли Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А.А. Власова, но всплеск интереса к его личности и деятельности не сопровождался новизной подходов в их изучении. Авторы целого ряда работ пытались решить «проблему Власова» в рамках морально-этической дилеммы: кем следует считать генерала предателем или героем?⁴ Большинство российских историков все же в итоге достигли согласия в том, что Власов не был идейным борцом со Сталиным вплоть до самой своей сдачи в плен и перешел на сторону противника, спасая свою жизнь. Напротив, отдельные авторы считают РОА вслед за белым движением, несмотря на все их различия, составной частью «русского антисталинского движения», а сам Власов, став «символом сопротивления сталинизму», рисковал намного сильнее, чем если бы оставался на положении военнопленного⁵.

¹ Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М., 2004. С. 30.

² Чуев С. Проклятые солдаты. М., 2004.

³ Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004; Его же. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М., 2006.

⁴ Колесник А.Н. Генерал Власов – предатель или герой? М., 1991; Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой?; Филатов В.И. Сколько было лиц у генерала Власова? // Филатов В.И. Машина смерти: Преступления против России и русского народа. М., 1995; Квицинский Ю. Генерал Власов: путь предательства. М., 1999; Кояев Н.М. Власов: два лица генерала. М., 2003 и др.

⁵ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1941–1945 гг. СПб., 2001. С. 33; Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М., 2001. С. 225.

Отдельными сюжетами в изучении данной темы становятся вопросы истории восточных легионов, в которых воевали и представители народов Северного Кавказа¹. Участие казачества в войне на стороне третьего рейха наиболее полно раскрыл в своей кандидатской диссертации и выпущенной на ее основе монографии П.Н. Крикунов². Он охарактеризовал деятельность казачьей эмиграции в 1941–1945 гг., политику нацистской Германии по отношению к казачеству, создание и судьбу казачьих частей и соединений в составе вермахта полиции и СС. Участие жителей Кавказа в организации и действиях диверсионно-разведывательных групп и других специальных формированиях проанализировал Э. Абрамян³.

В тесной взаимосвязи с данными вопросами рассматривается деятельность КОНР и национальных комитетов. Современные историки показали роль российской эмиграции в создании коллаборационистских вооруженных формирований, коллизии отношений эмигрантских лидеров с А.А. Власовым⁴. Вызывает интерес диссертационное исследование А.В. Казакова, посвященное деятельности органов безопасности Кабардино-Балкарии по противодействию антисоветской эмиграции, в котором приводятся неизвестные данные из фондов архивов ФСБ и о борьбе «с гитлеровскими пособниками из числа северокавказцев»⁵.

Менее изучены в историографии невоенные формы сотрудничества, носившие самый массовый характер. В работах последних десятилетий, посвященных оккупации отдельных регионов СССР, раскрываются вопросы формирования и деятельности местной администрации, ее структура, социальный состав, взаимоотношения

¹ Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле? О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6; Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941–1945 гг.; Напсо Н.Т. Указ. соч.; Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне: Сб. статей и материалов. СПб., 2003; Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М., 2006 и др.

² Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М., 2005.

³ Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М., 2006 и др.

⁴ Исаев Ю.Н. Участие российской эмиграции во Второй мировой войне: Дисс... канд. ист. наук. Брянск, 1999; Цурганов Ю.С. Указ. соч. и др.

⁵ Казаков А.В. Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20–50-х гг. XX в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2005. С. 17.

с оккупантами и местными жителями. Внимание исследователей обращено на поддержку, оказанную оккупантам частью творческой интеллигенции, прежде всего, национальной. Среди данных работ необходимо отметить диссертационные исследования, монографии и статьи З.В. Бочкаревой, С.И. Линца и других авторов, выполненные на материалах Северного Кавказа¹.

Крупных специальных исследований, посвященных сотрудничеству советских граждан с противником на Северном Кавказе, по-прежнему немного, а те, что есть, нередко носят компилятивный характер, порой содержат неточности, а то и ошибки. Так, автор обобщающей работы по данной проблеме Е.И. Журавлев считает, что военными коллаборационистами на Юге России стали более 70 тыс. казаков, до 30 тыс. северокавказцев². Вторая цифра не раз фигурировала в литературе и не вызывает возражений. Еще эмигрант Р.Г. Трахо утверждал, что на стороне Германии воевало 28 тыс. представителей народов Северного Кавказа, примерно так же определяют их численность и другие исследователи³. В то же время первая цифра, видимо, появилась вследствие переноса автором данных о количестве всех казачьих частей, воевавших на стороне рейха, на Юг России.

Подобный перенос представляется некорректным, и не только вследствие вышеуказанных различий между данными о численности казачьих частей и общей численности самих казаков в составе частей вермахта, полиции, СС. Действительно, основную часть военнослужащих казачьих частей, воевавших на стороне Германии, составляли выходцы с Юга России. Донское, Кубанское и Терское войска относились до революции 1917 г. к числу самых крупных, а оккупация этих бывших казачьих областей создала условия для перехода жителей на сторону противника. Тем не менее в составе коллаборационистских вооруженных формирований воевали сибирские, уральские и другие казаки, пусть и в значительно меньшем количестве.

¹ Бочкарева З.В. Указ. соч.; Болдырев Ю.А. Литература и искусство Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1993; Кринко Е.Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.); Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону, 2003 и др.

² Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону, 2006. С. 189.

³ Трахо Р.Г. Черкесы. Мюнхен, 1956. С.123; Дробязко С.И. Под знаменами врага. Анти-советские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. С. 524 и др.

Е.И. Журавлев полагает, что с учетом других форм сотрудничества на Юге России насчитывалось до 300 тыс. коллаборационистов. Однако механизм его подсчетов совершенно не ясен, и как автору удалось установить численность еще 200 тыс. «невоенных» коллаборационистов, остается загадкой, ибо ссылки на источники в данном случае отсутствуют. Приводимым данным мало соответствует вывод Е.И. Журавлева о том, что «большая часть населения Юга России сохраняло веру в социалистические идеалы и доверие к руководству региона и страны»¹.

Тем не менее в исследованиях по истории региона в годы войны приводится немало сведений, характеризующих различные формы и проявления коллаборационизма на Северном Кавказе, его мотивы. Все это позволяет переоценить деятельность отдельных личностей, так или иначе связанных с коллаборационизмом. Так, ряд современных исследователей иначе, чем прежде, оценивает деятельность бывшего командира «дикой дивизии», адыгейского князя и генерала Султана Клыч-Гирея. Советские авторы утверждали, что он в течение всей войны активно сотрудничал с фашистами, а одной из главных задач его приезда на Северный Кавказ в 1942 г. считалось создание «черкесского легиона», что не было выполнено из-за нежелания населения Адыгеи служить захватчикам.

Но в начале 1990-х гг. М.Х. Шебзухов, опираясь на запись воспоминаний адъютанта Султана Клыч-Гирея Л. Хатанова, обосновал вывод о том, что генерал «не призывал адыгов вступать в немецкие части и благодаря ему не было создано ни одного войскового формирования в составе немецких войск из адыгов». Он предположил, что Клыч-Гирей, напротив, стремился использовать свою поездку в Адыгею, чтобы «защитить адыгов от фашистов» и разъяснить им кратковременность пребывания оккупантов на Кавказе². Позже данную точку зрения более подробно изложил в специальной работе М.Б. Беджанов³. В то же время Е.М. Малышева продолжает утверждать: «Из-за элементарного отсутствия “добровольцев” провалилась идея оккупантов организовать добровольческий черкесский легион с помощью Султан-Гирея»⁴.

¹ Журавлев Е.И. Указ. соч. С. 188.

² Шебзухов Х.М. Указ. соч. С. 110.

³ Беджанов М.Б. Генерал Султан-Гирей Клыч. Краснодар, 1999.

⁴ Малышева Е.М. В борьбе за победу. Социальные отношения и экономическое сотрудничество рабочих и крестьян в годы войны. 1941–1945. С. 185; Ее же. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 194.

В последние полтора десятилетия общественные организации и родственники бывших коллаборационистов и эмигрантов, включая и выходцев с Северного Кавказа, не раз обращались в государственные органы Российской Федерации с просьбами об их реабилитации, аргументируя это тем, что они сражались не за нацистскую Германию, а за «наследие исторической России». Решение данного, казалось бы, сутобо юридического вопроса приобрело очевидную политическую актуальность и широкий общественный резонанс, так как сам акт реабилитации был призван закрепить переоценку исторического вклада данных личностей.

В 1996 г. решением Главной военной прокуратуры Российской Федерации был официально реабилитирован командир 1-й казачьей дивизии, а затем 15-го казачьего корпуса Г. фон Паннвиц. В посвященной его соединению документальной повести он показан как благородный человек, уважавший казаков и их обычаи и добровольно пошедший вместе с ними на казнь. Иначе оценены и действия дивизии в Югославии: если советские авторы подчеркивали, что казаки проводили карательные операции против партизан, убивая, грабя и насилуя мирных жителей, то в рассматриваемой работе доказывается, что им удалось сохранить порядок на Балканах, не допустить этнических чисток¹. Но через пять лет Главная военная прокуратура Российской Федерации отменила собственное решение. В новом заключении был сделан вывод о том, «что фон Панвиц за совершенные преступные деяния осужден обоснованно, оснований для принесения протеста не усматривается и реабилитации он не подлежит». Это вызвало очередной виток полемики по этому вопросу в печатных и электронных средствах массовой информации².

Процессы возрождения казачества привлекли широкое внимание к судьбе руководителей казачьих частей и соединений, вместе с которыми был казнен и Султан Клыч-Гирей. Определением Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 25 декабря 1997 г. П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, Султан-Гирей Клыч, С.Н. Краснов и Т.И. Доманов были признаны обоснованно осужденными и не подлежащими реабилитации. В связи с невозможностью добиться

¹ Алферьев Б. Походный Батько фон Паннвиц. Документальная повесть. М., 1997.

² См.: Улитвинов А. Ради друга Гельмута. В России и поныне справедливость приносится в жертву «политической целесообразности» // Независимое военное обозрение. 2001. 14 декабря.

решения правовым путем ряд казачьих лидеров попытался инициировать их политическую реабилитацию. Атаман Всевеликого Войска Донского и депутат Государственной думы В.П. Водолацкий 17 января 2008 г. подписал приказ о создании рабочей группы по подготовке политической реабилитации П.Н. Краснова. Однако данный вопрос получил широкую и большей частью неодобрительную огласку, и казачьи лидеры изменили свою позицию. 28 января 2008 г. на заседании Совета атаманов Ростовской области было принято решение «отказаться от политической реабилитации атамана»¹.

Карачаевские авторы переоценили деятельность заместителя начальника краевого управления НКВД У.Д. Кочкарова. Если советские историки считали его изменником и предателем, перешедшим на сторону противника, то ряд современных исследователей утверждает, что У.Д. Кочкаров был честным коммунистом, незаслуженно пострадавшим от репрессий. К.-М.И. Алиев считает, что Кочкаров «стал жертвой того режима и тех людей, которым он служил верой и правдой». Отмечая негативные личные качества Кочкарова как «одного из опричников партийной элиты», он отвергает факт его причастности к разгрому партизанских отрядов².

Другие авторы стремятся представить руководителя Карачаевского комитета М. Кочкарова, с 1950-х гг. проживавшего в США, как «жертву преследований советского КГБ и немецкого гестапо»³. В обобщающей работе по истории Северной Осетии отмечается, что с началом Второй мировой войны от сотрудничества с оккупантами отказались внук имама Шамиля Саид-Бек, главный редактор журнала «Северный Кавказ» Б. Байтуган, Г. Баммат и другие северокавказские эмигранты⁴. По мнению других авторов, имеющиеся архивные документы «указывают на достаточно активные контакты указанных лиц с гитлеровскими разведорганами»⁵.

В последнее время в изучении проблемы коллаборационизма на Северном Кавказе стала проявляться еще одна тенденция, которая может иметь достаточно опасные политические последствия. Часть авторов стремится доказать, что коллаборационизм как «преда-

¹ URL: <http://www.rian.ru/society/20080129/97915185.html>.

² Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. С. 61–74.

³ См.: Диалог. 2001. № 13–14.

⁴ История Северной Осетии. XX век. М., 2003. С. 307.

⁵ Казаков А.В. Указ. соч. С.8.

тельство» имел место только у представителей «других» этносоциальных общностей. Так, К.-М.И. Алиев, приведя данные о массовом переходе казаков на сторону противника, полагает: «Ничего подобного, за исключением единичных случаев, не было ни в Карачае, ни в Балкарии, ни в Ингушетии, ни в Адыгее»¹. Согласно данному автору, «на Северном Кавказе коллаборационисты и так называемые политические бандиты из выходцев республик и автономных областей составляли числом ничтожное меньшинство»².

Подобных взглядов придерживается и ряд других авторов. В качестве их обоснования используются материалы судебносудебных процессов, согласно которым, например, в Карачае всего за «измену родине» к уголовной ответственности за время войны было привлечено 546 чел., из них примерно половину (не более 270 чел.) составляли карачаевцы — 0,2–0,3 % от общей численности 80-тысячного карачаевского народа³. Однако эти цифры учитывают только коллаборационистов, сотрудничавших с противником в наиболее активных, военной и политической, формах и затем оказавшихся в руках советского правосудия. Они не включают тех, кто ушел на запад вместе с отступавшими войсками вермахта, не говоря уже о других формах сотрудничества.

Напротив, И.В. Пыхалов и другие авторы подчеркивают массовый переход именно представителей народов Северного Кавказа на сторону Германии, а также разгул бандитизма в регионе, проводя прямые аналогии с не так давно имевшими место трагическими событиями на Кавказе⁴. Подобная острота конфликтов в восприятии событий все более отдаляющегося от нас прошлого, выступающего в результате не консолидирующим, а разъединяющим фактором современного развития страны, позволяет говорить о своеобразных «войнах памяти», которые нередко сопровождаются и «войнами

¹ Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». С. 38–40.

² Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. С. 31.

³ См.: Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы. Черкесск, 1993. С.13; Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Сб. документов. Черкесск, 1997. С. 21–22; Койчув А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998. С. 449 др.

⁴ Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М., 2008. См. также материалы сайтов «Патриот», «За Сталина!», «Русич» (URL: <http://patriot.nnm.ru>; <http://stalinism.newmail.ru/narod/narod.htm>; www.rusich.by.ru и др.).

с памятниками». Если часть общественных организаций и движений видит своей задачей «увековечивание» памяти о коллаборационистах через установление им соответствующих памятников и памятных знаков, то другая часть общества активно стремится не допустить этого.

В 1994 г. в Москве у храма Всех Святых была установлена мемориальная плита, посвященная Г. фон Паннвицу, А.Г. Шкуро, П.Н. Краснову, Султану Клыч-Гирею, Т.Н. Доманову и другим «воинам русского общевойскового союза, русского корпуса, казачьего стана, казакам 15 кавалерийского корпуса, павшим за веру и отечество». Памятник был установлен на деньги «Товарищества 15-го казачьего кавалерийского корпуса СС им. генерала фон Паннвица» с благословения руководства Русской православной церкви при содействии группы германских ветеранов Второй мировой войны и русских эмигрантов. Ставший местом сбора неонацистских группировок, 8 мая 2007 г. памятник был разрушен антифашистами, но позже восстановлен. 4 августа 2007 г. в станице Еланской в Ростовской области был освящен мемориальный комплекс «Донские казаки в борьбе с большевиками», в центре которого возвышается памятник П.Н. Краснову. Однако затем у инициатора его установления возникли серьезные сложности во взаимоотношениях с органами власти¹.

Подводя итоги историографического обзора рассматриваемой проблемы, следует отметить, что вопрос, вынесенный в заглавие данной части, не имеет однозначного ответа. Всех советских коллаборационистов нельзя охарактеризовать одним понятием как предателей, героев или жертв. Поэтому оправданным выглядит перенос внимания современных исследователей с коллаборационистов как отдельных личностей на коллаборационизм как масштабное историческое явление. Постепенно утверждающееся в историографии понимание его сложности и неоднозначности позволило за последние годы сделать значительные шаги вперед в изучении коллаборационизма на Северном Кавказе. В освещении данной проблемы все больше сказывается влияние новых подходов, стремление к ее комплексному анализу. В результате современные российские историки охарактеризовали сущность коллаборационизма, пришли к более достоверным выводам о его масштабе, причинах, выделили различные формы и типы.

¹ URL: <http://elan-kazak.ru/priglasenie.htm>.

В то же время на изучение коллаборационизма по-прежнему оказывает влияние политика и идеология. В результате, по мнению специалистов, данная проблема «служит предметом весьма идеологизированной полемики. Ведь одни считают, что все, кто воевал против СССР, были борцами против сталинского тоталитаризма, а те, кто сражался на стороне Красной Армии, служили лишь послушным орудием реакционного коммунистического режима, тогда как другие (и их огромное большинство) придерживаются прямо противоположной точки зрения»¹. Особенно отчетливо политизация проблемы сказывается в тех регионах, где проживают народы, депортированные в годы войны по обвинению в «измене родине». Обращение к вопросу о сотрудничестве представителей данных национальностей с оккупантами нередко воспринимается достаточно болезненно, как продолжение «травли» того или иного народа, что в немалой степени осложняет изучение данного вопроса. Усиливает политическую составляющую в разработке проблемы межэтническая напряженность и конфликты на Северном Кавказе 1990-х — начала 2000-х гг.

В изучении проблемы в современной историографии можно выделить несколько основных подходов, сторонники которых различаются не только по методологическим принципам и используемой источниковой базе, но и по своим политическим и идеологическим пристрастиям. Часть историков сохранила приверженность традиционным стереотипам в оценках сотрудничества советских граждан с оккупантами. Так, в обобщающем труде по истории партизанского движения говорится, что среди советских жителей находились «такие отщепенцы, которые открыто или тайно шли на сотрудничество с захватчиками, становились предателями. Причины нравственного падения этих людей были различны: затаенная ненависть классовых врагов Советской власти, беспринципность уголовных элементов, алчность и трусость малодушных. Такие подлецы и уроды имеются в каждом обществе, их порождает любая война. Их было немного, но своим преступным пособничеством фашистам они погубили немало советских патриотов»². Приведенная оценка характеризует коллаборационизм прежде всего как безнравственное явление, подчеркивает его незначительность. По-

¹ Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Указ. соч. С. 60.

² Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). С. 45.

добных позиций придерживаются и другие авторы, особенно представители старшего поколения. В обобщающем труде о кубанском казачестве все мотивы коллаборационизма, например, оказались сведены к «гнусным страстишкам предателей, расчетам мелкого тщеславия и выгод прислужников фашизма, называвших себя казаками»¹.

Другие исследователи, пересмотрев многие прежние положения, например, о незначительной численности коллаборационистов, причинах их перехода на сторону противника, сохранили общую негативную оценку коллаборационизма как предательства, которому в любом случае нет прощения. Авторы, относящиеся к этой группе, подчеркивают, что гораздо большее количество советских граждан сохранили преданность родине. В частности, М.И. Семиряга утверждал, что ни в одной стране «коллаборационизм не охватывал большинство населения», но коллаборационисты «причиняли ущерб своим народам не только в материальном отношении, но и морально-психологически, ослабляя тем самым их волю к сопротивлению врагу», поэтому они «понесли заслуженную кару»². В то же время он попытался отделить настоящих предателей от тех, сотрудничество которых с противником «не причиняло вред коренным интересам родины, а иногда даже смягчало тяготы оккупации». Поэтому М.И. Семиряга считал задачей историков «расставить все на свои места: подлинники коллаборационисты должны быть наказаны, а те тысячи и миллионы граждан, которые вынуждены были ради выживания сотрудничать с оккупантами на бытовом уровне, ограждены от позорных ярлыков «предателей»»³. Данную позицию разделяет значительная часть современных исследователей, особенно региональных, как правило, менее склонных к радикальной переоценке данного явления.

Еще один подход основан на полной реабилитации коллаборационистов как «героев» антибольшевистской борьбы. Главным аргументом его сторонников является утверждение о нелегитимности советского режима, что, по их мнению, освобождало «порабощенные народы» от каких-либо моральных обязательств по отношению к большевистскому правительству. Эта позиция, близкая взглядам зарубежных историков эпохи «холодной войны», первоначально

¹ Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд. Краснодар, 1993. С. 465.

² Семиряга М.И. Указ. соч. С. 815.

³ Там же. С. 6.

нашла отражение в российской публицистике начала 1990-х гг., а затем и в ряде специальных исследований, в том числе в публикациях издательства эмигрантского журнала «Посев». Так, К.М. Александров утверждает, что «нарушение формальной присяги уголовному режиму, истребившему целые сословия, становилось патриотическим поступком»¹.

Количество исследователей, которые стремились бы создать более или менее беспристрастную картину коллаборационизма, отказавшись от морально-этических оценочных и политико-правовых категорий, опираясь на имеющиеся в их распоряжении источники, оказывается пока значительно меньшим, чем в изучении других сюжетов военной истории. Тем не менее в последние годы появилась группа авторов, еще не слишком значительная, которая стремится вывести проблему на новый уровень изучения, понять мотивы и причины коллаборационизма без огульной критики или апологии самих коллаборационистов, осмыслить сотрудничество советских граждан с противником не только как политическое, но и как социальное явление. Подобный подход позволяет перевести изучение коллаборационизма в плоскость социальной истории, анализировать данное явление как социальную проблему, связанную с различными поведенческими стратегиями людей в экстремальных условиях немецкой оккупации².

Несмотря на существенный прогресс в разработке проблемы, в ней сохраняется немало своеобразных исследовательских «лакун», включая и общую численность лиц, в той или иной форме сотрудничавших или взаимодействовавших с оккупантами. Подсчитать, сколько людей на оккупированной территории выполняли поставки в войска вермахта или ремонтировали немецкую технику, не представляется возможным, как, впрочем, и определить точное число тех, кто саботировал политику оккупационных властей. С большим трудом поддаются обобщению и систематизации сведения о количестве и социальном составе старост, бургомистров и других лиц, работавших в местных органах управления на оккупированной территории.

¹ Александров К.М. Указ. соч. С. 464.

² См.: Кринко Е.Ф. Коллаборационизм военного времени как проблема социальной истории // Война и мир в историческом процессе (XVII–XX вв.): Сб. научных статей по итогам Международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы. Волгоград, 15–17 апреля 2003 г. Ч. 2. Волгоград, 2003.

Недостаточно раскрыты и вопросы взаимоотношений коллаборационистов с остальным советским населением, материалы опросов очевидцев немецкой оккупации Северного Кавказа свидетельствуют о том, что полного единодушия среди жителей в этом вопросе не было. Часть респондентов до сих пор негативно относится к коллаборационистам как к предателям и изменникам Родины, которым даже через десятки лет нет прощения. Более того, негативные эмоции по отношению к ним порой выступают резче и сильнее, чем к солдатам вермахта. Другие жители оккупированной территории Северного Кавказа придерживаются дифференцированного подхода, относясь к каждому конкретному старосте или полицейскому в зависимости от того, как они сами себя вели по отношению к населению.

Еще одним малоизученным сюжетом остается последующая судьба коллаборационистов Северного Кавказа. Часть лиц, сотрудничавших с противником, сумела скрыться и избежать преследований, большинство было привлечено к уголовной ответственности в судебном порядке. Но и после понесенного наказания многие бывшие коллаборационисты сталкивались с негативным отношением окружающих и нередко скрывали эти факты своей биографии, меняя фамилии, имена, места жительства, что в немалой степени затрудняет анализ данного вопроса.

§ 3.3. Межэтнические отношения, депортация и реабилитация народов Северного Кавказа: полемика продолжается

Изучение проблемы межнациональных отношений в СССР в годы Великой Отечественной войны в советской историографии, как правило, сводилось к описанию дружбы народов, которая рассматривалась прямым результатом осуществлявшейся в стране «ленинско-сталинской национальной политики» и считалась одним из главных источников победы. В работах советских авторов про-

славлялось боевое и трудовое сотрудничество народов Северного Кавказа, приводились многочисленные примеры мужества и героизма их представителей на фронте и в тылу. Напротив, практически ничего не говорилось о депортациях народов в годы войны, негативных проявлениях межнациональных отношений, межэтнических противоречиях и конфликтах.

В последнее время данные вопросы вызывают повышенный интерес со стороны различных исследователей, что во многом обусловлено обострением межнациональных проблем в регионе в 1990-х гг., которое ряд авторов связывает с событиями военного времени. Так, В.А. Тишков считает, что история «национально-государственного строительства в СССР оставила в памяти народов многочисленные травмы и порождающие конфликты проблемы, которые проявились позднее, в условиях перестройки»¹. Н.Ф. Бугай также видит причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации и современных негативных процессов в сфере межнациональных отношений в национальной политике, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента»².

В то же время политическая актуальность рассматриваемых событий, нередко придавая их описаниям новое идеологическое содержание, далеко не всегда способствовала углубленному анализу проблемы. Пересмотр оценок советской национальной политики, характерный для публицистики рубежа 1980–1990-х гг., как правило, сводился к повторению сформулированных западными и эмигрантскими авторами эпохи «холодной войны» обвинений коммунистического режима в совершении преступлений против собственного народа. По тому же пути пошел и ряд профессиональных историков, другие оказались просто не готовы к происходившим переменам в науке. Тем не менее постепенно в отечественной историографии стали складываться новые подходы к изучению советской национальной политики и межнациональных отношений в годы войны. Их появление обусловлено обновлением теоретико-

¹ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции 1993 г. М., 1994. С. 20–21.

² Бугай Н.Ф. Государственная политика в сфере национальных отношений в условиях «социалистического эксперимента» // Россия в XX веке. Проблема национальных отношений. М., 1999. С. 311.

методологической базы исследований и введением в научный оборот значительного массива новых данных.

При этом современная историографическая ситуация характеризуется широким разнообразием мнений и оценок в отношении рассматриваемых проблем. В частности, получают распространение интерпретации советской национальной политики, основанные на «подходах социально-культурной антропологии и новейших достижениях в области изучения этничности, национализма и этнических конфликтов»¹. Использование подобных подходов придает новую направленность изучению межнациональных отношений военного времени.

По мнению Ю.А. Полякова, война «высветила как положительные стороны существования единого государства, так и наличие сепаратистских настроений, которые в мирное время были приглушены». Впрочем, признавая наличие негативных явлений в сфере межэтнических отношений, известный российский историк вовсе не склонен преувеличивать значение данных фактов, считая определяющей иную тенденцию в их развитии. Он полагает, что «во время войны центростремительные силы оказались, безусловно, значительнее, мощнее центробежных»². В обобщающем труде по истории Великой Отечественной войны Ю.А. Поляков утверждает, что в массовом сознании военного времени преобладал государственный патриотизм, «ибо система ценностей советского строя, как уникального тогда в мире жизнеустройства, разделялась большинством населения»³.

К выводам о том, что картина межнациональных отношений в годы Великой Отечественной войны была достаточно далека от полной идиллии, приходят и другие авторы, что свидетельствует об определенном пересмотре прежних позиций, отказе от наиболее догматизированных положений⁴. Специалист по истории добровольческих формирований Красной армии Н.А. Кирсанов, отметив

¹ Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект). С. 12.

² Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 24.

³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга четвертая. Народ и война. С. 11.

⁴ Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реалии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 5.

мобилизацию в ее ряды «сыновей и дочерей всех народов СССР», указывает, что гитлеровцы стремились на оккупированной территории «активизировать, а во многих случаях сотворить заново антисоветский или антирусский фактор». Он считает, что нередко им это удавалось, чему «благоприятствовали сложности этнической структуры в СССР, усугубленные историческими пережитками, националистическими предрассудками, ошибками и перекосами в политике»¹.

В то же время ряд авторов сохранил приверженность выводам о единстве народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны и их общем вкладе в защиту Родины. Ф.У. Айбазова утверждает, что они «защищали не только родные земли, но и те, завоеванные за годы Советской власти успехи в мирном, хозяйственном и культурном развитии»². Эти же позиции разделяет немало других исследователей, особенно представители старших поколений³. Обращает на себя внимание отстаивание подобных взглядов и частью молодых историков. Некоторые из них при этом руководствуются политическими соображениями, полагая, что возвращение к принципам дружбы народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны способствует стабилизации общей ситуации в регионе, тогда как иные взгляды угрожают его безопасности.

Широкое освещение в последние годы получили вопросы депортаций народов Северного Кавказа и их последствий, что обусловило появление первых специальных историографических работ по данной проблеме, не говоря уже о соответствующих разделах в кандидатских и докторских диссертациях. Ее осмысление отечественными историками стало предметом и самостоятельных диссертационных исследований, нашло отражение в выступлении

¹ Кирсанов Н.А. Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Великая Отечественная война (историография). М., 1995. С. 177.

² Айбазова Ф.У. Указ. соч. С. 166.

³ Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск, 1993; Киргуев А.Х. Дружба народов как фактор победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь, 1995 и др.

ях на научных конференциях¹. Появились и первые обзоры документов и материалов по проблеме, содержащие анализ состояния источниковой базы и ее возможностей².

Одним из первых к теме депортаций в современной историографии обратился Х.-М. Ибрагимбейли, эмоционально призывавший исследователей «сказать правду о трагедии народов»³. Действительно, в период «перестройки» обращение к вопросам депортаций и их последствий осознавалось как восстановление «исторической справедливости» по отношению к репрессированным народам, получало широкую общественную поддержку, особенно со стороны представителей либеральных, демократически ориентированных политических сил и общественных организаций. В данной связи следует отметить деятельность Международного историко-просветительского правозащитного и благотворительного общества «Мемориал», продолжающего и сейчас отстаивать эти позиции, а также ряда организаций, ассоциаций и союзов, выражающих интерес к изучению и популяризации трагических страниц истории отдельных этнических общностей.

Первые публикации, опиравшиеся преимущественно на отдельные воспоминания и нередко носившие эмоционально-окрашенный

¹ Хунагов А.С. Историография проблемы переселения народов Краснодарского края и Ставрополя // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. Майкоп, 1997; Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4; Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: Дисс... канд. ист. наук. Казань, 2001; Кринко Е.Ф. Депортация населения Северного Кавказа, ее причины и последствия: историография проблемы // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории: Материалы Международной научной конференции, 28–31 мая 2002 года. Майкоп, 2002; Кубанова М.Н. Проблемы депортаций на страницах академических исторических журналов // Репрессированные народы: история и современность: Материалы республиканской научной конференции, 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003; Семенов И.К. Отечественная историография о причинах депортации карачаевского народа // Там же и др.

² Павлова Т.Ф. Документы ЦГАОР СССР по истории депортации в 40–50-е гг. // Конфедерация репрессированных народов. М., 1993; Ее же. Репрессии против народов: документы Государственного архива Российской Федерации свидетельствуют // Народы России: проблемы депортации и реабилитации и др.

³ Ибрагимбейли Х.-М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое образование. 1989. № 4.

характер, фактически способствовали снятию негласного «табу» с изучения темы депортаций. Но ее дальнейшая разработка нуждалась в расширении источниковой базы, что было тесно связано с начавшимся рассекречиванием архивных документов. Немало ценных сведений о судьбе ссыльных и спецпоселенцев разных национальностей ввел в научный оборот В.Н. Земсков. В 1989 г. ему как члену Комиссии Отделения истории АН СССР по установлению истинных потерь населения СССР был разрешен доступ к хранящимся в спецхране ГАРФ документам НКВД — МВД СССР. В ряде статей, а затем и в монографии, обобщившей положения его предыдущих работ, В.Н. Земсков впервые опубликовал статистические данные, характеризующие численность и состав различных категорий спецпоселенцев¹.

Особенно значительную роль во введении в научный оборот целого комплекса новых источников, среди которых выделяются документы высших органов государственной власти СССР, материалы «особых папок», имевших высшую степень секретности, сыграл Н.Ф. Бугай². Он не только плодотворно изучает рассматриваемую проблему на протяжении почти двух десятилетий, но и создал целую научную школу. Ее представители защитили под руководством Н.Ф. Бугая или при его непосредственном участии кандидатские и докторские диссертации, опубликовали широкий круг работ, книг и статей по различным вопросам истории депортации советских народов и их последствиям.

Первые документы, характеризующие депортацию и реабилитацию советских народов, появились в журналах и сборниках

¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД — МВД СССР) // Социологические исследования. 1990. № 11; Его же. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Там же. 1991. № 1; Его же. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект // История СССР. 1991. № 5; Его же. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003 и др.

² Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6; Его же. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп, 1992; Бугай Н.Ф., Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. В Казахстан и Киргизию из Приэльбрусья. Нальчик, 1997; Их же. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М., 1998; Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма. М., 2002 и др.

научно-популярного характера¹. Затем были подготовлены и изданы специальные сборники документов, создающие хорошие возможности для изучения данной темы как в целом², так и ее различных аспектов, судеб карачаевцев³ и балкарцев⁴, чеченцев и ингушей⁵, других депортированных народов⁶, а также процессов реабилитации⁷. Материалы, отражающие обстоятельства жизни и труда высланных народов на спецпоселении, содержит много-томное издание по истории ГУЛАГа и другие документальные публикации⁸.

Репрессиям в отношении советских народов были посвящены несколько всероссийских и региональных конференций, прошедших в Элисте (1992, 1993 гг.), Карачаевске (1993, 2003 гг.) и Нальчике (1994 г.), а также международная конференция в Элисте (2003 г.), опубликованные материалы которых стали немаловажными историографическими фактами в разработке рассматриваемой пробле-

¹ «Погружены в эшелоны и отправлены к местам поселений...» // История СССР. 1991. № 1; 40–50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД — МВД) // там же. 1992. № 1; Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Худож.-докум. сб. М., 1993. Т. 1–3 и др.

² Депортации народов СССР (1930–1950-е годы). М., 1992–1995. Ч. 1, 2; Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «их надо депортировать...». Документы, факты, комментарии. М., 1992; «По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы). Нальчик, 2003 и др.

³ Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). Материалы и документы; Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Сб. документов. Черкесск, 1997 и др.

⁴ Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944–2001: Документы, материалы, комментарии. Нальчик, 2001; Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (документы и материалы). Нальчик, 2001.

⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. М., 1994; Ингуши: депортация, возвращение, реабилитация, 1944–2004: Документы, материалы, комментарии. Магас, 2004.

⁶ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». М., 1998 и др.

⁷ Реабилитация репрессированных народов и граждан. 1954–1994. М., 1994; Реабилитация народов России. Сб. документов. М., 2000; Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. В 3 т. М., 2000–2003 и др.

⁸ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. М., 2004 и др.

мы¹. Ключевое значение данные вопросы приобрели и на конференциях по истории советских немцев (Москва, 1989, 1993 гг., Анапа, 1995 г.), курдов (Москва, 1991, 1992 гг.), греков (Москва, 1996 г.), других репрессированных народов, что во многом объясняется той ролью, которую сыграли принудительные переселения в их драматической судьбе в XX в.

Не раз проблемы депортаций и реабилитации поднимались и на других научных форумах различного уровня, научных и научно-практических конференциях и круглых столах, даже если их тематика и не касалась данных событий. В данной связи необходимо отметить создание и деятельность Конфедерации репрессированных народов РСФСР, первый съезд которой состоялся в Москве 13 июля 1991 г. На нем и последующих съездах обсуждались проблемы народов, подвергшихся принудительному переселению, пути их решения.

Рассматриваемые вопросы нашли отражение в обобщающих работах по истории отдельных народов Северного Кавказа², работах по истории региона в годы Великой Отечественной войны³, а так-

¹ Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Всероссийской научно-практической конференции, 28–29 мая 1992 г. Элиста, 1992; Репрессированные народы: упразднение их государственности и проблемы реабилитации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 26–27 декабря 1993 г. Элиста, 1993; Репрессированные народы: история и современность. Материалы II Всероссийской научной конференции, 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск, 1994; Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений III Всероссийской научной конференции, 6–7 марта 1994 г. Нальчик, 1994; Национальная политика Советского государства: репрессии против народов и проблемы их возрождения: Материалы Международной научной конференции 23–24 октября 2003 г. Элиста, 2003; Репрессированные народы: история и современность: Материалы республиканской научной конференции, 30–31 октября 2003 г. Карачаевск, 2003.

² Чеченцы: история и современность. М., 1996; Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М., 2001; Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Очерки истории карачаево-балкарцев. М.; Ставрополь, 2002; История многовекового содружества. К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков и др.

³ Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа); Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998; Баликоев Т.М. Указ. соч.; Малышева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 и др.

же в значительном количестве специальных исследований. Общий анализ государственной политики в отношении репрессированных народов предприняла И.В. Алферова¹. Обстоятельства пребывания различных народов на спецпоселении, использовании их трудового потенциала рассмотрели В. Бердинских, Г. Маламуд и другие авторы². Масштабность массовых принудительных миграций как одну из форм политических репрессий показал П.М. Полян в работе историко-географического характера³.

Депортацию народов Северного Кавказа в целом освещают работы А.М. Гонова, А.С. Хунагова⁴. Достаточно подробно исследованы принудительные выселения отдельных северокавказских народов, прежде всего имеющих в настоящее время «свои» национально-государственные образования, а также крупные диаспоры и выступающие от их лица национально-культурные организации, что позволяет говорить о существовании социального заказа на рассматриваемую проблематику. В данной связи возникновение определенной политической ангажированности авторов и широкого общественного резонанса вокруг ее изучения выглядит вполне обоснованным.

Пожалуй, наиболее широко освещалась в 1990–2000-е гг. депортация карачаевцев и балкарцев. В современной российской историографии данной проблемы выделяется две «волны» исследований, каждая из которых характеризуется изданием новых сборников документов и появлением новых исследований. В первой половине

¹ Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х — 50-е гг.): Дисс... канд. ист. наук. М., 1997. См. также: Вылцан М.А. Депортация народов в годы Великой Отечественной войны // Этнографическое обозрение. 1995. № 3 и др.

² Маламуд Г.Я. Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпереселенцы на Урале 1940-х — начале 50-х гг.: Дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М., 2005; Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х — 1940-е годы // Этнографическое обозрение. 2006. № 5 и др.

³ Полян П.М. Не по своей воле...: История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.

⁴ Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: Дисс... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998; Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50 годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп, 1999 и др.

1990-х гг. вышли первые обобщающие труды А.-Х.У. и Р.М. Куцетеровых, К. Чомаева, Д.В. Шабаева, затем, уже в 2000-е гг., по данной теме защитили диссертации и опубликовали ряд работ Э.А. Аджиева и Х.-М.А. Сабанчиев¹.

Начало научному изучению депортаций чеченцев и ингушей в современной отечественной историографии положила статья Н.Ф. Бугая, затем разработка проблемы прервалась, в основном по политическим причинам, и продолжилась уже в 2000-е гг. в диссертациях Р.С. Агиева и Л.Я. Арапхановой, работе Мусы М. и Мовсура М. Ибрагимовых². Принудительное переселение калмыков рассматривали Н.Ф. Бугай и В.Б. Убушаев³. Депортацию греков Н.Ф. Бугай, А.Н. Коцонис, И.Г. Джуха⁴, немцев А.А. Герман, А.Н. Кичихин, А.Н. Курочкин и другие авторы⁵. Депортация представите-

¹ Куцетеров Р.М. Насилие. Черкесск, 1993; Куцетеров Р.М., Куцетеров А.-Х.У. Депортация. Ставрополь, 1994; Чомаев К. Наказанный народ. Черкесск, 1993; Шабаев Д.В. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик, 1994; Шамапов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск, 1999; Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001; Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик, 2004; Его же. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е — начало XXI в.): Дисс... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007 и др.

² Бугай Н.Ф. Правда о депортации чеченского и ингушского народов // Вопросы истории. 1990. № 7; Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-х гг. XX в. (Депортация, спецпоселение, реабилитация): Дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2002; Арапханова Л.Я. Депортация народов как специфический аспект национальной политики Советского государства (на примере ингушского народа): Дисс... канд. полит. н. М., 2002; Ибрагимов Муса, Ибрагимов Мовсур. Чечня: через круги ада. Переселения и депортации чеченского народа. М.-Саратов, 2003 и др.

³ Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». Элиста, 1991; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение. 1943–1957. Элиста, 1991 и др.

⁴ Коцонис А.Н. Депортация греков Северного Кавказа в 30–50-е годы // Понтийские греки. Краснодар, 1997; Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР ... выселить греков». М., 1999; Джуха И.Г. Спецэшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб., 2008 и др.

⁵ Кичихин А.Н. Советские немцы: откуда, куда и почему? // Военно-исторический журнал. 1990. № 9; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы в трудовой армии (1941–1945). М., 1998; Линец С.И. К вопросу о судьбе советских немцев Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Проблемы этнополитических отношений на Северном Кавказе. Сб. науч. ст. Ростов-на-Дону, Пятигорск, 2001 и др.

лей других, менее крупных этнических общностей, проживавших на Северном Кавказе в военные годы, как правило, упоминается в общих работах.

Новые исследования и документальные публикации позволяют проследить сам порядок проведения депортации, выяснить общее количество выселенных граждан. Большинство современных исследователей расценивают депортации как антигуманные и незаконные акции, как «произвол сталинского тоталитарного режима»; отдельные авторы говорят о геноциде в отношении репрессированных народов¹.

В то же время причины депортаций получили разное объяснение в историографии. Формальным поводом для них послужили стандартные обвинения в «предательском» поведении отдельных народов, оказавших массовую поддержку захватчикам в период оккупации региона, создававших бандформирования, нападавшие на советские войска. Однако значительная часть исследователей отвергает данные обвинения и объясняет депортации тремя основными причинами: 1) необходимостью расширения территории Грузии «за счет исконных земель северокавказских народов»; 2) стремлением ряда руководителей региона переложить ответственность за провал партизанского движения на отдельные народы; 3) потребностью Сибири, Средней Азии и Казахстана в дешевой рабочей силе².

Версию о том, что депортация северокавказских народов имела своей целью «очистить» один из лучших по природно-климатическим условиям регионов для Грузии первым, вероятно, высказал Х.-М. Ибрагимбейли³. Впоследствии она нашла широкое отражение и в работах других авторов⁴. В качестве одного из ар-

¹ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 7–17 и др.

² Койчуев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Ростов-на-Дону, 1998. С. 449–453; Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». С. 58 и др.

³ Ибрагимбейли Х.М. Плоды произвола // Литературная газета. 1989. 17 мая.

⁴ Алиев И. Шлейф бед и страданий // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 2. С. 14–15; Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). С. 43–44; Чомаев К. Указ. соч. С. 27; Коновалова О.В. Карачаевцы: трудное возвращение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность: Тезисы докладов III Международного конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру», 18–21 сентября 2001 г. Пятигорск, 2001. С. 36 и др.

гументов ими приводится почвенная карта Северного Кавказа, изданная в 1942 г. Академией наук СССР, где столица Карачая город Микоян-Шахер уже получил грузинское название Клухори, которое он носил в 1943–1957 гг.¹ Авторы одной из обобщающих работ по истории карачаевцев и балкарцев, соединяя первые две версии, указывают на то, что в насильственном выселении были заинтересованы сразу несколько группировок — «грузинская» (во главе с «национал-державниками в Кремле»), «ставропольская» (Суслов и его «полководцы») и «кабардинская» («кабардинский национал-большевик Кумехов» — руководитель партийной организации Кабардино-Балкарии в годы войны)².

Возражая им, другие историки небезосновательно отмечают, что территории выселенных народов передавались не только Грузии, а депортации подвергались и народы, вовсе не граничившие с Грузией. Кроме того, политику на Северном Кавказе «определял далеко не один М.А. Суслов»³. К.-М.И. Алиев указывает на то, что в случае использования первой версии, даже подкрепленной документальным материалом, причины подменяются следствиями, ибо вопрос об изменении административных границ решался уже после депортации народов, да и передана была Грузии только небольшая часть территории Карачая. Между тем «Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть»⁴. Наконец, само перемещение огромного количества людей на восток страны также требовало немалых затрат, что снижало экономическую эффективность подобных мероприятий.

Ряд исследователей приводит свидетельства того, что на Северном Кавказе имели место открытые выступления «против идейных установок партийных органов», массовые антисоветские выступления и широкое распространение бандитизма в годы войны. В частности, А.М. Гонов связал депортацию части народов Северного Кавказа с общей обстановкой в регионе, приведя факты дезертирства, действий немецких агентов и местных банд. Он назвал депорта-

¹ Алиева С. Красноречивая деталь // Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 260.

² См.: Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т. Указ. соч.

³ Хунагов А.С. Указ. соч. С. 7–8; см. также: Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект). С. 39.

⁴ Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». С. 58–59.

цию северокавказских народов «насильственным (вынужденным) переселением»¹.

Тема бандитизма в годы войны получила развитие и в работах других российских исследователей, что, в свою очередь, вызвало резкую критику со стороны ряда местных авторов, считающих, что документы НКВД были прямо фальсифицированы². Не исключая в принципе подобной возможности, полагаем, что данные выводы нуждаются в дополнительных доказательствах и должны опираться на глубокий источниковедческий анализ имеющихся материалов, а не на одно лишь отрицание возможностей данной группы источников.

Значительная часть авторов видит корни депортации в самой природе советского тоталитарного режима. Э.В. Черняк считает, что целью массового террора против малочисленных народов являлось не столько их «наказание», сколько устрашение более многочисленных народов. Кроме того, он утверждает, что депортации были «средством продвижения к стиранию национальных различий», способом решения межнациональных противоречий³. Схожие причины называет Н.Ф. Бугай: «Усиление тоталитарного режима обуславливало использование в национальной политике таких жестких методов, как депортация целых народов и групп населения»⁴. Выделив целый комплекс факторов, обусловивших депортации, А.Д. Койчуев в качестве главной причины также называет утверждение тоталитаризма⁵. Отдельные авторы говорят о том, что репрессии замышлялись еще до войны⁶. Р.М. Куцетеров полагает, что «сталинская национальная политика дружбы и братства на-

¹ Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX в. С. 17.

² Тебугев С. Предисловие // Депортация карачаевцев. С. 8–9; Алиева С.К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. С. 14–15 и др.

³ Черняк Э.В. Национальная политика в тоталитарном обществе. Казань, 1993. С. 6.

⁴ Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 5.

⁵ Койчуев А.Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войны как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54.

⁶ Алиева С. Указ. соч. С. 261; Хапчаев Р.И. Указ. соч. С.19.

родов СССР» преследовала «одну цель — прекратить существование целых этносов. Это был настоящий геноцид»¹.

По мнению В.А. Тишкова, цель этнических депортаций трудно объяснить какими-либо мотивами, «кроме как безумными геополитическими фантазиями “вождя народов” или его маниакальной подозрительностью». Действительно, депортации продолжались и после войны, когда даже формальная необходимость в них исчезла. В то же время В.А. Тишков указывает на «определенные соображения по использованию рабской силы для осуществления индустриальных проектов», а также предполагает стремление властей «упростить этническую мозаику населения страны, которая как бы не укладывалась в схему формирования “социалистических наций” на основе национальных государственных образований»².

К.-М. И. Алиев видит причины депортаций в попытке решения «национального вопроса в СССР путем ассимиляционных процессов, “хирургическим” путем». Он убежден в том, что «постепенное и поэтапное распыление “малых” и “малочисленных” народов на восточных пространствах» И.В. Сталин рассматривал как «возможность создания новой “социалистической нации СССР” — советского народа»³. Есть авторы, связывающие депортацию карачаевцев, как и других тюрко-язычных мусульман, с внешнеполитическим фактором — угрозой создания антисоветского исламского блока под эгидой Турции⁴.

Современные авторы часто указывают на негативную роль в трагедии карачаевского народа, сыгранную М.А. Сусловым. Р. Медведев и Д. Ермаков отмечают, что, спасая себя, «М.А. Суслов оказывал посильную поддержку ведомству Берия в сборе фальшивых обвинений и свидетельств преступлений карачаевцев против Советской власти»⁵. Карачаевские авторы подчеркивают личную заинтересованность М.А. Суслова в депортации карачаевцев. Корни «звериной неприязни Суслова к народу» И. Алиев, опираясь на воспоминания, увидел в его «обиде» на карачаевцев, возникшей по-

¹ Куцетеров Р. Указ. соч. С. 169.

² Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект). С. 24.

³ Алиев К.-М.И. Указ. соч. С. 59.

⁴ Буров А.Н. К вопросу об основных причинах депортации «наказанных» народов // Репрессированные народы: история и современность. Элиста, 1992. С. 59–60.

⁵ Медведев Р., Ермаков Д. Указ. соч. С. 70–71.

сле одной из поездок в горы¹. Напротив, С.И. Линец указывает, что вплоть до самого выселения «в краевой печати карачаевцы характеризовались как активные и самоотверженные борцы с оккупационным гитлеровским режимом». Эти факты рассматриваются как свидетельства того, что «М. Сулов не являлся одним из инициаторов выселения. Но когда оно готовилось и осуществлялось, краевой партийный руководитель активно содействовал ей, в том числе и по причине собственного самосохранения»².

Расходятся оценки и в отношении роли руководителей самих автономий в осуществлении депортаций. В частности, критике подвергается секретарь Карачаевского обкома ВКП(б) С.-У.Б. Токаев, «аморально предавший свой народ». По словам одного из современных авторов, «вместо того чтобы убедить руководство страны, что руководство Карачаевской автономии само сумеет решить проблему нескольких десятков предателей-бандитов, еще не сдавшихся Советской власти, Токаев С.-У.Б., Лайпанов Х.О. и другие, искусственно преувеличивая массовость сопротивления, требовали ввода значительного количества регулярных сил Красной Армии на территорию Карачая». Карачаевским руководителям противопоставляется первый секретарь Дагестанского обкома партии А.Д. Даниялов, который, «рискуя не только своей должностью, но и жизнью», сумел добиться приема у самого И.В. Сталина и «спас народ от насильственной депортации»³. В этих оценках содержится немало субъективизма: И.В. Сталин вряд ли принял бы во внимание мнение местных руководителей при решении данного вопроса, даже если бы оно и прозвучало. Другое дело, что поведение указанных руководителей в этой сложной ситуации хорошо характеризует их самих как политических личностей.

Первую специальную работу, позволяющую оценить демографические последствия депортации в целом, опубликовал В.И. Ко-

¹ Алиев И. Указ. соч. С. 20.

² Линец С.И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.

³ Байрамуков И.Х. Субъективный фактор в депортации и реабилитации карачаевского народа // Репрессированные народы: история и современность: Материалы республиканской научной конференции, 30–31 октября 2003 г. С. 16–17.

тов¹. Подробное исследование демографических потерь депортированных народов СССР содержит монография Д.М. Эдиева. На основе статистических показателей он оценил общие тенденции в демографическом развитии до и после выселения, прямые людские потери вследствие повышенной смертности, а также потери из-за дефицита рождений в период ссылки, раскрыл краткосрочное и долгосрочное влияние депортации на процесс их воспроизводства. Согласно подсчетам Д.М. Эдиева, «компенсаторные процессы позволили преодолеть примерно половину демографических потерь». Долгосрочные демографические потери населения СССР от депортаций 1920–1950-х гг. «составили около 15 % численности населения депортированных, которая могла бы сложиться в отсутствие депортаций»².

Современные исследования доказывают, что в результате принудительного выселения некоторые народы оказались перед угрозой полного исчезновения. Изменилась общая структура населения Северного Кавказа, что в совокупности с изменением административно-территориальных границ заложило основы для новых межнациональных конфликтов. Отрицательно сказалась депортация и на развитии экономики региона: из оборота выпадали земельные площади, утрачивались прежние навыки животноводства и земледелия, традиционные ремесла.

Немало внимания российские историки уделяют и дальнейшей судьбе выселенных народов. Исследователи охарактеризовали трудовую деятельность спецпереселенцев в ссылке, которую они вели несмотря на тяжелые условия жизни, их ограничение в гражданских правах, в возможности соблюдать обычаи, получать образование, возвращаться на прежнее место жительства. Вследствие принудительного переселения произошли резкие изменения в среде обитания и жизненном укладе, питании и материальном обеспечении репрессированных народов, значительно пострадала их культура³. В историографии отмечается, что «насильственное вживление в чу-

¹ Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. Майкоп, 1994.

² Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь, 2003. С. 303.

³ См.: Репрессированные народы: история и современность: Материалы II Всероссийской научной конференции, 1–2 ноября 1993 г. и др.

жеродную этническую среду и непривычные климатические условия ломали, уродовали генотип»¹.

Э.А. Аджиева считает, что на востоке страны были преднамеренно «созданы условия для вымирания от голода» целых народов². Ей возражает И. Пыхалов, который полагает, что сознательного уничтожения депортированных народов не было. По его мнению, причины снижения численности спецпоселенцев были связаны с послевоенным голодом: «В этих условиях государство должно было в первую очередь заботиться о лояльных гражданах, а чеченцы и прочие поселенцы во многом оказались предоставлены сами себе»³.

В.Г. Шнайдер объясняет «практически безропотное подчинение горцев выселению» страхом, порожденным характером советской социально-политической системы, условиями военного времени, характером горских обществ с сильно выраженными кровнородственными связями, жестокостью войск НКВД, мощной и хорошо организованной акцией, наконец, отсутствием явного сочувствия, сострадания и поддержки со стороны соседей⁴. Он попытался осмыслить социокультурные основания депортации, ее влияние на менталитет репрессированных народов, формирование у них самоощущения «народов-изгоев». И. Алиев также отмечает, что у карачаевцев сформировался «синдром страха и недоверия к властям», настолько сильный, что, например, многие семьи даже положенную им ссуду после реабилитации не стали брать у государства: «неизвестно, во что это еще потом выльется»⁵.

Появились специальные исследования, в том числе выполненные на материалах Северного Кавказа, посвященные реабилитации репрессированных народов. Обобщающий характер носит работа А. Калтахчяна, А.М. Гонова, реабилитации карачаевцев посвящены работы Р.С. Тебуева, балкарцев — Б.М. Зумакулова, Х.-М.А. Сабан-

¹ Так это было: национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы. Т. 1. С. 16.

² Аджиева Э.А. Указ. соч. С. 60.

³ Пыхалов И. За что депортировали народы во время войны? URL: http://www.info-rm.com/ru/news/news_detail.php?ID=24792.

⁴ Шнайдер В.Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1. С. 191.

⁵ Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев: причины и последствия // Депортация карачаевцев. С. 25.

чиева, А.А. Алафаева и других авторов¹. Немало исследователей закономерно рассматривают депортацию и реабилитацию в комплексе, как две взаимосвязанных стороны одной проблемы.

Исследователи отмечают половинчатый характер реабилитации конца 1950-х — начала 1960-х гг., и в то же время подчеркивают, что им была оказана немалая помощь со стороны государства². При этом акцентируется внимание на том, что так и не была восстановлена «незаконно и преступно ликвидированная национальная государственность карачаевского народа»³. Объединение карачаевцев с черкесами в рамках Карачаево-Черкесской автономной области, вошедшей в состав Ставропольского края, рассматривается также как форма дискриминации, что свидетельствует об отказе от ранее пропагандировавшихся идей дружбы народов.

Ряд современных авторов указывает на противоречия и даже конфликты, возникавшие в отношении депортированных граждан со своими старыми и новыми соседями. Так, исследователи отмечают привлечение к выселению представителей других этносов «коварный маневр Берии», направленный на то, чтобы надолго поссорить народы между собой⁴. В литературе встречаются утверждения о том, что «немало было случаев жестокого обращения местных жителей со спецпереселенцами. Еще бы, ведь привезенные под конвоем были представлены властями как изменники, враги, преступники»⁵. В свою очередь, возвращение из ссылки порождало немало новых конфликтов. И. Алиев считает, что возвращение народа в целом происходило благополучно, если «сбросить со счетов

¹ Калтахчян А. Реабилитация репрессированных народов России: первые практические шаги // Этнополитический вестник. 1992. № 2; Гонов А.М. Северный Кавказ: реабилитация репрессированных народов. (20–90-е годы). Нальчик, 1998; Зумакулов Б.М. Реабилитация балкарского народа. Нальчик, 1998; Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1 и др.

² Тебугев Р.С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Ставрополь, 1999. Вып. 1. С. 69.

³ Бадахова И.Т. Чужие на своей земле // Репрессированные народы: история и современность: Материалы республиканской научной конференции, 30–31 октября 2003 г. С. 13.

⁴ Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 1992. С. 212–213.

⁵ Алиев И. Указ. соч. С. 21.

такие “мелочи”, как необходимость выкупать собственные дома, доставшиеся “хозяевам” бесплатно вместе с имуществом, как отдельные стычки между вернувшимися и “хозяевами” и на этой почве, и на почве оскорблений (“Вот, вернулись бандиты, на нашу голову...”), как случаи непринятия на работу и т. д.»¹. Все эти данные противоречат прежней, достаточно идиллической картине дружбы народов, изображавшейся советскими историками.

Реабилитационные мероприятия 1989–1990-х получили положительную оценку ряда региональных исследователей². Напротив, В. Муравьев, отметив целесообразность совершенствования и развития законодательной базы реабилитации, выразившуюся в принятии специальных нормативно-правовых актов в начале 1990-х гг., указывает на трудности в их реализации, связанные как с общей тяжелой социально-экономической ситуацией, в которой находилась Россия, так и с непродуманностью самих актов³. Часть авторов говорит о необходимости не только материальной, политической, но и морально-психологической реабилитации депортированных народов, «что означает разрушение государственными органами» их отрицательных стереотипов «в глазах других народов»⁴.

Появились и работы, авторы которых пытаются объяснить, почему не были репрессированы другие народы Северного Кавказа. Так, в книге «Земля адыгов», названной «своеобразным “путеводителем” по истории заселения Земли адыгов», а по своему жанру представляющей скорее хрестоматию, целый раздел назван «Адыги и Сталин». Большая его часть в апологетической форме излагает биографию «признанного вождя миллионов». Авторы книги утверждают: «Наряду с прочими, у адыгов есть и свои, сугубо личные причины быть благодарными вождю». Причины этой «особой» благодарности они видят в следующем: «в начале 40-х гг. были репрессированы почти все ближайшие соседи адыгов... Все шло к тому, что следующей жертвой могли стать адыги. Есть факты, свидетельствующие, что в те годы органами НКВД был даже подготовлен проект их выселения. Но И.В. Сталин... запретил даже думать об этом. «БЕЗ АДЫГОВ КАВКАЗ НЕ КАВКАЗ [выделено в тек-

¹ Алиев И. Указ. соч. С. 25.

² Тебуев Р.С. Указ. соч. С. 70; Аджиева Э.А. Указ. соч. С. 96–132 и др.

³ Муравьев В. Миграции на Северном Кавказе — следствие переселений народов // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. С. 122–124.

⁴ Карачаевцы. Выселение и возвращение (1943–1957). С. 5 и др.

сте — Е.К., Т.Х.]», этими словами был остановлен маховик репрессий против адыгов». Авторы считают, что «решение вождя не было случайным. Огромную роль в этом сыграл героизм, проявленный адыгами во время Великой Отечественной войны — на фронте и в партизанских отрядах, а также самоотверженный труд в тылу»¹.

Похожий ответ предлагает и М.М. Ибрагимов на вопрос о том, почему не был репрессирован черкесский народ, «представители которого также участвовали в повстанческом движении? Ответ на этот вопрос очевиден: именно в горах Черкесии действовало или базировалось большинство партизанских отрядов и края, и Черкесии, и Карачая»². К сожалению, автор не подтверждает свой вывод дополнительными данными, а утверждение о том, что Северный Кавказ «стал своего рода полигоном для отработки на практике сталинской национальной политики» ему прямо противоречит, так как действия партизан или их отсутствие не могли в этом случае иметь для И.В. Сталина какое-либо решающее значение³. Как отмечает другой исследователь, карачаевцы все равно «были бы депортированы, если бы на фронтах со словами “За Сталина!” погибла половина населения»⁴.

Версии о том, что тот или иной народ должен был подвергнуться депортации (обычно — по «злой воле» Л.П. Берии) и его спасло личное вмешательство И.В. Сталина, который учел его «заслуги» перед Родиной, достаточно давно и широко распространены на Северном Кавказе, представляя собой своеобразные мифологемы массового сознания. Подтвердить или опровергнуть их не представляется возможным, уже исходя из того, что истинные планы и намерения И.В. Сталина далеко не всегда отражались в документах. Однако их проникновение на страницы профессиональных исторических сочинений представляет собой новое явление в развитии современной историографии, отражая усиление ее взаимосвязи с этническим историческим сознанием. В подобных работах ратные подвиги представителей «своих» этносов затмевают все остальные. Этим подчеркивается историческая несправедливость депортации по отношению к определенному этносу, а не данной акции вообще.

¹ Земля адыгов. Майкоп, 1996. С. 311.

² Ибрагимов М.М. Указ. соч. С. 310.

³ Там же. С. 287.

⁴ Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». С. 61.

Анализ современной историографии свидетельствует, что в осмыслении проблемы произошли серьезные изменения, сложились различные подходы к трактовке общего характера советской национальной политики. Особенно большое внимание уделяется проблеме депортаций и их последствий, выявлению их причин и последствий. В научный оборот введен значительный пласт документов и материалов, появился целый ряд исследований, свидетельствующий, что изучение данной темы превратилось в одно из ключевых направлений исследований в современной историографии. Тема депортации настолько «захлестнула» современных исследователей, что порой «подминает» под себя все остальные сюжеты. Так, в кандидатской диссертации Х.А. Каратаевой, посвященной женщинам Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, основная часть первой главы, названной «Северный Кавказ в годы войны: двойной удар», посвящена именно проблемам депортации чеченцев и ингушей¹.

В целом обращение к данной проблематике в последнее десятилетие нередко имело политизированный характер, выражавшийся, в частности, в попытках «посчитать», какой народ больше других пострадал от репрессий, заострить внимание на несправедливости только по отношению к конкретному народу. Политизация проявляется и в стремлении ряда авторов привести в качестве аргументов «несогласие» или «неприятие» народом тех или иных выводов и работ, привлечь своих оппонентов не только к моральной, но и к юридической ответственности.

Необходимо отметить, что привлечение внимания историков к вопросам депортации и реабилитации не сопровождается дальнейшим расширением круга исследуемых вопросов данной темы. Лишь отдельные упоминания встречаются в литературе о межэтнических противоречиях во время эвакуации, антисемитизме и других негативных аспектах межнациональных отношений во время войны². Тем не менее постепенно акценты в изучении советской национальной политики и межнациональных отношений на Северном Кавказе смещаются в сторону создания более полной, обстоятельной и достоверной картины событий.

¹ Каратаева Х.А. Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа): Дис... канд. ист. наук. СПб., 1994.

² Кринко Е.Ф. Антисемитизм на Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность), 1906–2006 гг.: Материалы краевой научно-практической конференции, Адлер, 7–11 октября 2006 г. Краснодар, 2006 и др.

Глава 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ИСТОРИИ 1920–1940-х гг.

§ 4.1. Исторический источник в системе современного исторического знания

При всей неоднородности современного историографического пространства, его перенасыщенности методологическими и теоретическими новациями критерием научности исторического познания по-прежнему остается его опора на исторический источник. При этом некогда привычное восприятие источника в качестве точного оттиска «того, что было», уступает место исследовательской версии «того, что в принципе могло бы быть». Изменения, происходящие в понимании природы исторического источника, его воздействия на воссоздание образов прошлого оказались неизбежным следствием расширения области традиционного историописания. Уже со второй половины XX в. благодаря усилиям второго поколения школы «Анналов» принцип междисциплинарности становится ведущей исследовательской стратегией постижения прошлого. Осознание его возможностей привело к становлению «новой исторической науки», выступавшей против «событийно-описательной истории и объяснения событий прошлого действием универсальных закономерностей», а также глубоко укоренившегося в сознании профессионального исследователя представления «о полной зависимости ученого от документа»¹. В недрах «новой исторической науки», пожалуй, впервые со времен В. Дильтея источник ставился в прямую зависимость от творческой активности самого исследователя и решаемой им научной проблемы, определяющей не только отбор свидетельств прошлого, но и ракурс их освещения.

¹ Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 228–229.

Идея междисциплинарности и поиски нового методологического синтеза привели к осознанию родовой близости истории и литературы; появлению представлений о труде историка как о литературном произведении, историческом нарративе, где неизбежно возникающая дистанция между источником и его толкователем (профессиональным читателем) восполняется силой воображения последнего. При этом сам источник перемещается в плоскость породившей его культуры и рассматривается в качестве текста, вбирающего в себя разнообразные смысловые коннотации времени, пристрастия его автора и коллективные представления о значимости передаваемых событий. Таким образом, в пространстве нового междисциплинарного синтеза исторический источник окончательно утрачивает статус самодостаточного и внеположенного сознанию исследователя фрагмента реальности, все более наделяясь свойствами рукотворности происхождения и схожести с литературным произведением.

Дальнейшая ревизия представлений о природе исторического источника оказалась тесно связанной с общими изменениями интеллектуального климата, прежде всего в европейском научном сообществе, поставившем под сомнение саму возможность постижения реальности как таковой вне языка и создаваемого им текста. Лингвистический поворот конца 1980-х — середины 1990-х гг. «расколол научное сообщество на историков традиционного (негативно настроенного по отношению к методологическим рефлексиям) мировоззрения и философски-ориентированных новых интеллектуальных историков, относящихся к традиционализму весьма критически»¹. Однако несмотря на сохраняющийся и по большей своей части сознательно культивируемый консерватизм историки-традиционалисты сталкиваются с теми же проблемами методологического свойства, что и их более «раскрепощенные» коллеги — с необходимостью отбора, истолкования исторических свидетельств, а также их перевоплощения в связное повествование. Именно с исторической нарративацией как продуктом творческой деятельности историка и возможностями ее сугубо научной верификации связаны дискуссии последнего времени. Традиционалисты видят в ней лишь форму материализации прошлого, одну из возможностей его репрезентации. В свою очередь исследователи, склонные к методологическим рефлексиям, сопрягают ее с самим прошлым, полагая,

¹ Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения. URL: <http://avovist.narod.ru/publish/istved1-2-14.html>.

что «лжи исторической на свете просто не существует, потому что история — это не то, что было, а то, что рассказывается и, тем самым, создает для развития человечества опору и прецедент»¹.

Постмодернистский вызов поставил под сомнение не только традиционные концепции исторической реальности, но и существование самого объекта исторического познания. В своем новом истолковании они выступают «не как нечто внешнее для познающего субъекта, а как то, что конструируется языком и дискурсивной (речевой) практикой. Язык рассматривается не как простое средство отражения и коммуникации, а как главный смыслообразующий фактор, детерминирующий мышление и поведение»². Проблематизируются само понятие и предполагаемая специфика исторического нарратива как формы воссоздания прошлого, подчеркивается его искусственный и до некоторой степени произвольный характер. От историка все чаще требуются литературоведческие навыки работы с текстом исторического источника, позволяющие вскрывать и анализировать содержащиеся в нем смыслы.

Распространение новых приемов критики текстов за пределы собственно художественных произведений оказало непосредственное воздействие и на методологию самого исторического исследования. В 1970–1990-х гг. возникает целое направление, получившее наименование «интеллектуальная история», или «метаистория», где основное внимание уделялось соотношению произведения историка, исторического нарратива и исторического источника, отождествляемого с текстом. Новые интеллектуальные историки, стремясь выявить своеобразие логики исторической наррации, привлекли внимание профессионального сообщества к стилистике, типам и особенностям ее композиции, используемым в ней понятиям, соотнесенности проблемы исследования и социальных условий ее порождения тексту исторического источника и возможностям его аутентичного прочтения. Методологические аспекты творчества историка и репрезентации результатов его деятельности, ставшие предметом профессиональной рефлексии, оказались весьма полезными для понимания самого процесса постижения прошлого и практик работы с историческим источником.

В данной связи нельзя не согласиться с замечанием О.М. Ме-
душевской, отметившей, что «при всем различии философского

¹ Эко У. Баудалино. СПб., 2005. С. 535.

² Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. Указ. соч. С. 245.

содержания, конкретного наполнения самого понятия “текст” в современном литературоведении и в исторической науке прошлого нельзя, однако, не заметить, что девиз “Нет ничего вне текста” странным образом... почти буквально воспроизводит любимые историками-позитивистами высказывания типа “Тексты, ничего кроме текстов!”. Современные гуманитарии после всех филиппик против узости позитивистского догматизма в изучении именно письменных текстов, кажется, готовы признать, что каждый источник — это прежде всего текст... В сообществе историков, столь активно отрекавшихся ранее от знаменитой формулы позитивизма, происходит, по-видимому, некоторый поворот к объекту гуманитарного познания, к источнику»¹. Постепенно возрастает осознание того, что полное знание фактов недостижимо, что единственная доступная исследователю реальность заключается в документе, в этом «следе, который оставили после себя события прошлого».

Эпистемологические вызовы последних трех десятилетий, фактически поставившие под сомнение сам факт возможности, а в ряде случаев и целесообразности постижения реалий прошлого, изменили не только привычные представления о природе и предназначении исторического познания, но и его основной опоры — исторической информации. Попытки вернуть истории утрачиваемые ею научные позиции привели к формированию источник-ориентированного подхода, представляющего собою по существу обновленную версию квантификации. Как отмечает Н.Б. Селунская, «опыт развития квантификации как направления породил на современном этапе сомнения даже в среде клиометристов относительно ранее высказываемых амбициозных претензий с их стороны о возможности открытия новых путей получения исторического знания». Его результатом стала известная трансформация самого направления в новое по своим теоретико-методологическим основаниям течение — историческую информатику, или *history and computing*. Оно позиционирует себя как «антагонистическое» по отношению к квантификации, что проявляется, в частности, в полемике между проблемно-ориентированным и источник-ориентированным подходами. Данный этап специализации и дифференциации квантификации как историографического направления, по заключению исследовательницы, оказался

¹ Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения. URL: <http://avorist.narod.ru/publish/istved1-2-14.html>.

вполне естественным и одновременно может рассматриваться в качестве болезни профессионального роста. Сторонники прочтения квантификации как источник-ориентированного подхода к истории ограничивают рамки квантитативного исследования лишь решением задач разработки компьютерных технологий для анализа исторической информации.

Однако как бы ни были значительны успехи в области разработки новых компьютерных технологий и программного обеспечения для работы с разного рода исторической информацией, что значимо и необходимо само по себе, они не могут рассматриваться в отрыве от развития историографического процесса в целом. В пространстве же декларируемого источник-ориентированного подхода даже источниковедческий аспект присутствует в редуцированном виде, что происходит вследствие утраты принципа историзма как в источниковедческом анализе, так и в исторической интерпретации источника. Основная цель исторической информатики состоит «в наиболее полном представлении информации источника в его компьютерной модели». При этом за ее пределами зачастую остаются источниковедческие характеристики извлекаемой информации, видовые особенности документального материала, которые «уже расцениваются как заслуживающие пренебрежения при рассмотрении лишь различий в способе кодирования информации, то есть на уровне типа источника: текст — статистика»¹.

Оценивая усилия новой квантификации по созданию более точных и математически совершенных методов прочтения исторических источников, специалисты указывают на их крайне ограниченные возможности применения. В частности отмечается, что «предложенный специалистами точных наук набор теорий и схем дает историку новые возможности для выбора и для последующей длительной аналитической работы по адаптации этих теорий “на своем поле”»². Вместе с тем «моделирование системы “народ — правительство” или описание социально-экономических систем вообще — это задачи политологического или социологического, но не исторического исследования, которое может обрести свою жизнь лишь в пространственно-временных координатах, через плоть и кровь исторического источника»³.

¹ Селунская Н.Б. От квантификации к исторической информатике — от исторической к виртуальной реальности? URL: <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/19/32.shtml>.

² Математическое моделирование исторических процессов. М., 1996. С. 16–17.

³ Селунская Н.Б. Указ. соч.

Обращение к социальной истории, которая в последнее время претендует на всеохватность человеческого бытия в целом и область междисциплинарного синтеза в частности, по образному выражению современного исследователя, «буквально взрывает традиционное источниковедение, создавая предпосылки беспредельного расширения, как проблематики, так и фактической базы исторических трудов»¹. Историческая наука перемещается в плоскость разнообразной и не всегда ясной исследователю динамики человеческой жизни, раздвигая тем самым грани исторического познания. Исследование проблем социальной истории, ее установка на изучение истории «снизу», внимание к «мелочам и частностям» привносят новые акценты в работу историка с источниками. Даже в ситуации открытия многих архивных фондов исследователи продолжают «спорить, как приблизиться к пониманию существа социальных процессов, как воспроизвести истинные мысли, ценности, чаяния рядовых людей в условиях распространения двоемыслия и самоцензуры в обществе, считавшемся “хранящим молчание или говорящим лишь языком Сталина и официальной прессы”»².

Существенное значение, по заключению специалистов, для социальной истории имеют такие группы источников, которые отражают непосредственные взаимоотношения людей с государственными и общественными институтами. Среди них письма, обращения, заявления, жалобы, персональные дела, судебные материалы, служащие источниками для построения индивидуальных и коллективных биографий. Вместе с тем их использование не только обогатило наши представления о советской эпохе, но и поставило ряд вопросов, в частности о соотношении информации и смысла в историческом источнике.

Рассматривая данную проблему на примере следственных дел репрессированных, барнаульская исследовательница Н.В. Кладова отмечает, что эти материалы активно вводились в научный оборот на протяжении последних пятнадцати лет и способствовали исчезновению многих «белых пятен» в политической истории России, «но в настоящее время уже не вызывает сомнения тот факт, что увеличение информации не обеспечило автоматически рост возможности ее осмысления и понимания. Напротив, увеличение потока

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 677.

² Там же. С. 678.

информации, содержащейся в следственных материалах, не только не проясняет сущность описываемых в них событий, но усиливает ощущение абсурдности всего происходившего. Для человека, живущего в другом историческом времени, содержательная сторона следственных дел репрессированных лишена здравого смысла». По словам исследовательницы, «даже если предположить, что материалы следственных дел создавались специально непригодными для того, чтобы раскрыть историческую правду, все равно изначально они имели смысл гораздо более глубокий, нежели это представлено в современной публицистике. Тут возникает существенная источниковедческая проблема. С одной стороны, таким источникам невозможно верить. Но с другой стороны, сами эти источники как нельзя ярче характеризуют советскую эпоху. И если мы не понимаем эти источники, то это не значит, что они лишены смысла. Это значит, что мы не понимаем смысла эпохи»¹.

Исходя из понимания прошлого как текста, требующего дешифровки, Н.В. Кладова пришла к выводу, что именно такой подход как раз и позволяет вывести понимание исторического источника на новый уровень: «увеличение информации о политических репрессиях в настоящее время может привести лишь к уточнению деталей. Мы убеждены в том, что следственные дела репрессированных необходимо вывести из сферы эмоционально-публицистической и поместить в иное смысловое поле. Мы предлагаем их анализ в новой неклассической научной парадигме, так называемой системной парадигме, или синергетике». В рамках системной парадигмы любой исторический источник предлагается рассматривать в качестве сущностно-содержательной модели реально происходивших событий, где следственные дела — «это своеобразная модель политического поведения различных страт советского общества, хранящая в себе информацию о его способах самоорганизации, формировании антиэнтропийного механизма и поддержании состояния неустойчивого равновесия в условиях модернизации властного типа».

Содержащаяся в этом виде исторического источника информация несет в себе два «слоя образов»: «образы, реально функционирующие в обществе, и образы, проецируемые бессознательно. Пер-

¹ Кладова Н.В. Следственные дела репрессированных: соотношение информации и смысла в историческом источнике. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/74-79.html>.

вый слой образов можно адекватно воспринимать, рассматривая следственные дела в контексте своего времени. Но этой традиционной герменевтической операции недостаточно для обнаружения второго слоя образов. А без этого следственные дела мало что проясняют в картине взаимоотношений власти и личности, личности и общества в конкретном историческом времени. Поэтому такие многослойные тексты, как следственные дела репрессированных, необходимо подвергнуть специфическим операциям, которые помогут обнаружить скрытую информацию, находящуюся в области бессознательной части психики, как самих создателей текста, так и тех, для кого он был предназначен»¹.

Однако в целом, несмотря на подчеркнутый антропологически ориентированный характер, отечественное источниковедение оказалось неготовым к вызову социальной истории. Не произошло решительных перемен ни в области классификации, ни в представлениях о значимости видов и категорий источников. До сих пор «сохраняется знаковая модель источниковедческих приоритетов. Вначале предлагается изучать источники, характеризующие “заботу государства... о своей истории” — законодательные и нормативные акты, партийные документы, делопроизводственные материалы госучреждений и общественных организаций. В архивоведческой практике это нашло яркое выражение в сохранившемся с советских времен выделении категории “особо ценных” документов... Показательно, что критерии особой ценности остались прежними, исходящими... из государственных интересов»².

Наряду с попытками переосмысления значимости и места в структуре исторической наррации источников официального происхождения особую роль в пространстве социальной истории приобретает работа с источниками личного происхождения. Их «особость» видится прежде всего в созвучии миру повседневности. Дискуссия, развернувшаяся в отечественной историографии относительно возможностей использования различного типа источников в постижении «высокого смысла ежедневного существования», показала, что подавляющее большинство исследователей отдает безусловное предпочтение многоликим проявлениям человеческой памяти. Воспоминания, дневники, частная переписка, завещания

¹ Кладова Н.В. Указ. соч.

² Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. С. 678.

людей минувшего времени рассматриваются ими в качестве единственно доступного проводника в мир повседневной жизни наших предшественников. При этом отмечается, что «нет такого источника, в котором в той или иной форме не нашли свое отражение взгляды, мнения, настроения людей, их личные или групповые пристрастия... Меняется лишь иерархия источников: для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения»¹.

Однако перемена иерархии потребовала не столько смены источниковедческих предпочтений, сколько нового взгляда на проблему достоверности используемых исследователем свидетельств прошлого. Несколько лет тому назад была предложена схематичная, но, тем не менее, действенная типология источников личного происхождения. Они подразделялись на «предназначенные для широкого круга читателей-современников или написанные в назидание собственным потомкам; адресованные друзьям, родным и знакомым; интимные мемуары, написанные, как правило, глубоко верующими людьми для немногих духовно близких людей. Разумеется, откровенность личных источников определялась не только тем, для кого они создавались, но и психологическими особенностями их авторов. И все же можно утверждать, что информация из последней (самой малочисленной) группы источников дает исследователю возможность проникнуть в подлинный духовный мир людей»².

Рассматриваемая типология, исходящая из принципа «психологической достоверности» источника, как и любая иная схематизированная версия, грешит некоторой абсолютизацией собственных возможностей. Во-первых, в ее пространстве исчезают различия между достоверностью передаваемой информации и откровенностью повествователя. Во-вторых, для эпохи официального торжества атеистического мировоззрения и превращения обыденной жизни в ежедневный подвиг основными источниками «личных впечатлений» становятся дневники, письма во власть, жалобы и доносы. Стремительно меняющийся ритм жизни в пореволюционной России влечет за собою поиск новых, более оперативных форм воздействия на «живую историю». Советский человек в меньшей степени, нежели его предшественник в XIX в., стремился литературно

¹ Куприянов А.И. Историческая антропология. Проблемы становления // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 377.

² Там же. С. 378.

осмысливать происходившие с ним изменения, он в большей мере хотел быть и во многих отношениях являлся их активным участником. Именно это обстоятельство определяет и окрашивает собою весь корпус советских источников личного происхождения.

Не менее действенными, хотя и более суженными возможностями в передаче «жизненной атмосферы» времени обладают официальные источники — многочисленные документы всевозможных органов власти, общественных организаций и политических партий. При всей их сухости и малой информативности в интересующей историка повседневно области изучаемого прошлого они несут на себе публичный образ эпохи. В нем находят свое отражение правовые, идеологические, мировоззренческие и материальные ограничения времени, в пространстве которых действует и живет большинство его современников. Правда, особенности комплектования отечественных архивов привели к преобладанию в них партийно-государственной документации, в результате чего вопросы, интересующие историка советского повседневно, получили в них крайне неравномерное отражение.

Помимо скудости свидетельств и тенденциозности предоставляемой информации источники официального происхождения отличает и такое любопытное свойство, как герметичность или крайне плохая проницаемость. Оно сводится к повсеместной констатации источником рассматриваемых явлений или фактов, не сопровождаемой при этом каким-либо внятным пояснением или реакцией соответствующей инстанции. Так, работая с протоколами организационного бюро Адыгейского областного комитета партии, исследователь часто наталкивается на ряд «закрытых» вопросов: поставленные в повестку дня, в своей «решающей» части они снабжены пометкой «не для разглашения». Среди подобного рода вопросов — зарплата ответственного редактора областной газеты, бытовые преступления в области, квартиры для ответственных работников, оплата суточных выезжающим в область коммунистам, злоупотребления, «имеющие место в низовых комитетах крестьянской взаимопомощи».

Весьма показательно, что степень неразглашаемости того или иного вопроса зачастую никак не связана с его секретностью или уникальностью. Не разглашая состояние бытовых преступлений, организационное бюро подробно в форме многостраничного доклада освещает политическую ситуацию в области на 1925 г., от-

мечая «целый ряд негативных явлений в этой сфере»¹. Не меньшие «странности» сопряжены и с нежеланием партийных органов «делиться» полученными сведениями по обсуждаемым вопросам. Практически все из них, тем или иным образом тяготеющие к «бытовому свойству», сопровождаются грифом «принято к сведению» или «заслушано». В течение нескольких заседаний высший партийный орган области заслушивал отчеты о бытовом положении рабочих кенафных плантаций, и каждое заседание сопровождалось простой отметкой в протоколе о «заслушивании вопроса»².

Столь «равнодушно-ревнивое» отношение власти к бытовой стороне жизни общества, прослеживаемое по одному пласту официальной документации, наталкивается на огромный противовес постановлений той же самой власти по «улучшению бытовых условий жизни трудящихся». Источниковедческий парадокс, складывающийся в этой ситуации, свидетельствует прежде всего о предпочтениях власти и ее безусловной ориентации на хозяйственно-политическую составляющую развития общества. Существование быта и его значимости в жизни советского человека никогда не оспаривалось официальной властью. Однако ее собственные представления о нем, находившие отражение в кампаниях по «выкорчевыванию многочисленных буржуазных предрассудков населения, его пристрастий к кисейным занавескам и желтым канарейкам», отводили этой стороне жизни общества весьма скромное, но идеологически обоснованное место. Следы этой «обоснованности» как раз и прослеживаются в источниках официального происхождения.

Новая методологическая ситуация и порождаемые ею эпистемологические соблазны расширяют источниковую базу исторических исследований и одновременно «выдвигают принцип адекватности предлагаемых подходов и методов объекту и субъекту исследования, а также используемых источников»³. Вместе с пониманием неоднозначности природы исторического источника, необходимости не столько правильного его прочтения, сколько нахождения внятных ему вопросов появляется и потребность в осмыслении его возможно-

¹ Хранилище документов новейшей истории Государственного учреждения «Национальный архив Республики Адыгея» (далее — ХДНИ ГУ НАРА). Ф. 1. Оп. 1. Д. 24а. Л. 119.

² Там же. Д. 181.

³ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. С. 64.

стей. Любой профессиональный историк, приступая к разрешению какой-либо задачи, начинает с анализа находящихся в его распоряжении источников. Причем, выстраивая логику изложения события, он редко задумывается над тем, каким образом используемое им свидетельство прошлого встроено в современную исследовательскую практику, как попало в поле зрения специалистов и насколько предопределило перспективу развития самой научной мысли. Более того, практически никто не задается и вопросом о характере взаимоотношений, складывающихся между историографической традицией и постоянным расширением комплекса вводимых в исследовательский оборот ранее неизвестных и недоступных документальных систем.

Размышлениям о том, как складывается источниковая база и как меняются возможности исследователей в изучении двух ключевых проблем советской истории — национально-государственного строительства и Великой Отечественной войны в отдельно взятом регионе, собственно, и посвящена данная глава. Авторы, опираясь на опыт собственной исследовательской деятельности, стремились показать, какие архивные, музейные фонды и виды источников используются в изучении обозначенных проблем, каким из них отдается большее предпочтение и как коррелируют между собой источники и исследовательская практика. Предваряя их более детальный анализ, рассмотрим общие особенности развития источниковой базы рассматриваемых проблем.

Специфику современной архивной ситуации определяет взаимодействие нескольких факторов, дополняющих, а порой и противоречащих друг другу. Во-первых, это архивные традиции, сложившиеся в советское время и сохраняющиеся, пусть и в модифицированном виде, в общих принципах организации архивной системы, комплектовании фондов, самой архивной культуре. Традиционно в большинстве российских архивов главное место занимают документы, раскрывающие деятельность государства и его структур, а не судьбу человека. По остроумному замечанию современного автора, «большинство материалов, которые попадают в архивы, представляют собой заботу государства о самом себе, о своей истории, а не истории общества, в котором мы живем, и историк, обращаясь к ним, зачастую оказывается в роли чужака в чужой стране»¹. Само обращение исследователей к новым сюжетам порой

¹ Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. С. 65.

воспринимается достаточно настороженно, а то и критично частью архивистов, полагающих своим профессиональным долгом охрану вверенных им «государственных секретов».

В то же время достаточно четко проявляется и другая тенденция, обусловленная динамичными процессами последних десятилетий, приводящими к реструктуризации и рассекречиванию архивов, изменениям в порядке правового регулирования их функционирования, созданию новых архивохранилищ и формированию дополнительных фондов и коллекций в уже существующих архивных учреждениях. Следует отметить и общемировые тенденции интеграции и информатизации архивного дела, а также изменение самой роли архивов в социокультурном пространстве. Несмотря на различия в возможностях, российские архивы постепенно втягиваются в данные процессы, пусть и с разными темпами. Внушает определенный оптимизм и то, что новые тенденции поддерживает немало архивистов, причем принадлежащих к разным поколениям.

Официальное изменение структуры архивов в современной России было положено Указом Президента РСФСР от 24 августа 1991 г. «О партийных архивах». По данному указу партийные архивы были национализированы, а на базе бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС образовался Российский центр хранения документации новейшей истории. В 1999 г. его объединили с бывшим Центральным архивом ВЛКСМ, носившим с 1992 г. название Центра хранения документов молодежных организаций (далее — ЦХДМО), и переименовали в Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Являясь самым крупным архивохранилищем партийных и комсомольских документов, РГАСПИ содержит документы, в значительной степени определявшие судьбу страны и региона. Документы ЦХДМО составили специальное Хранилище документов молодежных организаций (далее — ХДМО) РГАСПИ.

Крупный массив материалов по рассматриваемым проблемам находится и в ГАРФ. Они хранятся прежде всего в фондах высших и центральных государственных учреждений, судебно-следственных органов, общественных организаций. Социально-экономическое развитие региона нашло отражение в широком комплексе документов Российского государственного архива экономики (далее — РГАЭ). Вопросы участия жителей Северного Кавказа в войнах и во-

оруженных конфликтах в 1920–1940-х гг. раскрывают материалы Российского государственного военного архива (далее — РГВА) и Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ).

Наиболее значительный комплекс документов по истории Северного Кавказа в рассматриваемый период хранят архивы региона. Это Государственное архивное учреждение «Государственный архив Ставропольского края» (далее — ГАУ ГАСК), Государственное учреждение «Государственный архив Ростовской области» (далее — ГУ ГАРО), Государственное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края» (далее — ГАКК), Государственное учреждение «Центральный государственный архив Республики Дагестан», Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее — ЦГА КБР), Центральный государственный архив Республики Северной Осетии — Алании (далее — ЦГА РСО — А).

В связи с повышением статуса ряда субъектов России на Северном Кавказе областные архивы Адыгеи и Карачаево-Черкесии были преобразованы в Государственное учреждение «Национальный архив Республики Адыгея» (далее — ГУ НАРА) и Республиканское государственное учреждение «Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики» (далее — РГУ ГАКЧР).

В 1990-е гг. на базе прежних партийных архивов в регионе возникли: Государственное архивное учреждение «Государственный архив новейшей истории Ставропольского края» (далее — ГУ ГАНИСК), Центр документации новейшей истории Кабардино-Балкарской Республики (далее — ЦДНИ КБР), Государственное учреждение Краснодарского края «Центр документации новейшей истории Краснодарского края» (далее — ЦДНИКК), Государственное учреждение «Центр документации новейшей истории Ростовской области» (далее — ГУ ЦДНИРО), Республиканское государственное учреждение «Центр документации общественных движений и партий Карачаево-Черкесской Республики» (далее — РГУ ЦДОДиПКЧР), Центральный государственный архив историко-политических документов Республики Северная Осетия — Алания (далее — ЦГАиПД РСО — А). В ряде субъектов бывшие партийные архивы вошли в состав государственных архивов. В Республике Адыгея фонды бывшего Партийного архива ААО составили специальное хранилище в Национальном архиве — ХДНИ ГУ НАРА.

Материалы по истории Северного Кавказа 1920–1940-х гг. хранятся также в архивных отделах городских и районных администраций региона, различных ведомственных архивах. Например, документы органов ОГПУ, НКВД, НКГБ, касающиеся политических репрессий, и часть других судебно-следственных материалов находятся в архивах региональных управлений ФСБ.

В самом начале 1990-х гг. были практически полностью уничтожены архивы бывшей Чечено-Ингушской АССР. В настоящее время ведется работа по формированию архивного фонда в Чеченской Республике и Республике Ингушетии, в обеих республиках созданы соответствующие органы управления, координаты которых размещены на портале «Архивы России». Однако вернуть большую часть утраченных документов практически невозможно. Вероятно, единственный способ хотя бы частичного воссоздания документальной базы по истории Чечни и Ингушетии в 1920–1940-е гг. — выявление и копирование соответствующих материалов в ГАРФ, РГАСПИ, ГУ ГАРО и других архивах России и зарубежных стран. Для этого в обеих республиках приняты специальные целевые программы.

Заслуживают внимания и усилия, предпринимаемые другими архивами Северного Кавказа по их пополнению новыми документами. Так, в ГУ НАРА несмотря на достаточно скромные технические возможности в последнее время активно комплектуются фонды личного происхождения. Подвижничество присуще и многим другим сотрудникам федеральных и региональных архивов.

Новой тенденцией в организации архивного дела в России стало появление негосударственных архивохранилищ, материалы которых существенно отличаются от фондов государственных архивов. Прежде всего необходимо отметить архив общества «Мемориал». Он начал формироваться с момента зарождения самого общества, когда репрессированные граждане и их близкие стали передавать в «Мемориал» документы, фотографии и воспоминания. В настоящее время архив «Мемориала» состоит из нескольких отдельных тематических собраний. В рамках рассматриваемой проблемы наибольший интерес представляют архив истории политических репрессий (1918–1956) и архив программы «Жертвы двух диктатур», материалы которого раскрывают судьбы «восточных рабочих».

Почти одновременно с архивом «Мемориала» возник Центр документации «Народный архив». Удачно найденное наименование хорошо отражало содержание фондов Народного архива, действо-

вавшего на правах общественной организации: он комплектовался из документов, предоставленных самими гражданами и не принявших на хранение в государственные архивы. Однако отсутствие стабильной системы финансирования вынудило его основателя и бессменного руководителя Б.С. Илизарова передать материалы Народного архива на хранение в Российский государственный архив новейшей истории. В настоящее время они пока не доступны исследователям в силу того, что должны пройти соответствующую обработку и описание¹.

В результате рассекречивания для исследователей оказались доступны многие неизвестные прежде документы и в государственных архивах. Только в 1987–1988 гг. в ГАУ ГАСК были сняты ограничения на использование примерно 20 тысяч дел из 232 фондов советского периода, в том числе более 1 тысячи дел, относящихся к периоду немецкой оккупации Ставропольского края. Межведомственная экспертная комиссия при главе администрации Краснодарского края в последние годы рассекретила более 100 тысяч дел общим объемом около 5 млн листов, включая и материалы 1920–1940-х гг. В то же время значительная часть документов, прежде всего военного времени, по-прежнему закрыта для исследователей. Согласно Закону Российской Федерации «О государственной тайне» 1993 г. и другим нормативно-правовым актам, архивные документы могут иметь несколько уровней секретности. При этом данные акты не предусматривают автоматического рассекречивания документов даже по истечении соответствующих сроков (75, 40 и 30 лет), а возможности самих архивных учреждений в рассматриваемом вопросе нередко ограничены.

В большей степени исследователям доступны документы фондов основных федеральных архивов, и напротив, более строгие ограничения действуют в ряде ведомственных и местных хранилищ. Практически недоступен исследователям Архив Президента Российской Федерации (далее — АПРФ), и лишь в незначительной степени введены в научный оборот документы архивов ФСБ. Существенные сложности возникают и при обращении к документам бывших партийных архивов, которые содержат немало конфе-

¹ На материалах Народного архива, в частности, выполнены исследования: Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М., 2005; Илизаров Б.С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М.; СПб., 2007.

циальной информации. Как отмечают сами архивисты, в количественном отношении она может преобладать над остальной: «так, например, если участие партизанских отрядов в бою за станицу Азовскую отражено двумя абзацами оперсводки, то разбирательство какого-либо конфликта в отдельном отряде занимает десятки страниц документов, а порой и целые тома»¹.

В результате отдельные архивные учреждения вообще прекратили выдачу целого ряда дел рассматриваемого периода. Например, в РГАСПИ выдаче не подлежат документы, которые содержат сведения о коллаборационистах и коллаборационистских формированиях, аморальных явлениях среди партизан (случаях дезертирства, пьянства), случаях их недоброжелательного отношения к местному населению (расстрелах, грабежах), протоколы допросов военнопленных. Не выдаются и документы о местах дислокации партизанских баз, а также сведения о количестве партизанских отрядов и участников партизанского движения, требующие уточнения в связи с последними публикациями. В ЦАМО РФ в читальный зал не выдаются судебно-следственные дела и постановления военных советов фронтов и армий о снятии с военнослужащих судимости, отклоненный наградной материал, документы, содержащие сведения о чрезвычайных происшествиях и аморальных явлениях, нарушениях конвенций о ведении войны, стенограммы допросов военнопленных противника и другие источники. Только в декабре 2005 г. в ЦАМО РФ отменили цензурирование выписок исследователей из предоставленных им рассекреченных материалов и ограничение на вынос рабочих тетрадей с территории архива.

В качестве одного из наиболее распространенных способов ограничения доступа исследователей к документам в ряде архивов применяется расширительная трактовка понятия тайны личной жизни. В частности, ссылаясь на необходимость соблюдения тайны личной жизни граждан, в ЦДНИКК прекратили выдачу в читальный зал не только документов, но и описей фондов партизанских соединений Кубани, хотя они были полностью доступны исследователям, работавшим в архиве в первой половине 1990-х гг. Остаются засекреченными документы о преступлениях, совершенных членами партии, борьбе с хищениями, перестали выдаваться спи-

¹ Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Книга 1. Хроника событий 1941–1942 гг. С. 15.

ски лиц, ушедших с оккупантами. Руководители архива предлагают считать введенные ограничения не повторным засекречиванием, а напротив, приведением ситуации в соответствие с законодательством, поскольку в данных материалах преобладает информация негативного характера. Между тем руководитель Федеральной архивной службы России В.П. Козлов отмечал, что указанные фонды, содержащие данные о партизанах Кубани, рассекречены, а значит, должны быть доступны исследователям.

В ГАУ ГАНИСК засекречена переписка крайкома партии с Управлением НКГБ о рассмотрении просьб заключенных отправить их на фронт, документы о ликвидации банд, материалы о поведении людей на оккупированной территории, недостатках и злоупотреблениях в работе партийных органов и органов НКВД. Все эти ограничения, безусловно, сужают исследовательские возможности историков, специализирующихся на рассматриваемых проблемах.

Сохраняется и практика личного вмешательства сотрудников отдельных архивов, особенно на местах, в предоставление исследователям тех или иных документов. Порой они выносят решение о выдаче интересующих историка материалов на основании собственных, не всегда аргументированных представлений. Подобного рода «местничество» порождается, помимо всего прочего, и низкой профессиональной культурой части архивных работников, не все из которых (особенно в национальных республиках) имеют соответствующее образование.

Необходимым условием организации работы в любом архиве является соответствующий научно-справочный аппарат в виде путеводителя, каталогов и картотек, позволяющих найти в огромном количестве документов необходимые сведения. В большинстве федеральных и региональных архивов, содержащих материалы по истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг., имеются путеводители, систематические и именные каталоги. Существенно облегчают работу над исследуемыми проблемами аннотированные фондовые и тематические каталоги. Например, значительную помощь историку национально-государственного строительства на Северном Кавказе в рассматриваемый период времени окажет недавно изданный аннотированный каталог протоколов заседаний Коллегии, Совета национальностей, Малой коллегии и прилагаемых к ним

материалов за весь период деятельности Наркомата по делам национальностей РСФСР¹.

В ряде региональных архивов ведутся специальные каталоги и картотеки. Например, в ЦГА КБР имеются каталоги по истории государственных учреждений, фондов личного происхождения, картотеки граждан, расстрелянных в годы Великой Отечественной войны (она включает и сведения о ста с лишним лицах, сотрудничавших с противником), репрессированных, участников войны и другие. Следует отметить, что путеводитель по архивам Кабардино-Балкарской Республики полностью размещен на сайте республиканской архивной службы. Подобная практика используется и рядом федеральных архивов, однако на региональном уровне она, к сожалению, остается пока исключением. Между тем возможность познакомиться с его содержанием до непосредственного обращения в архив позволяет сэкономить время и исследователей, и архивистов, выполняющих их запросы.

Создание электронных каталогов и указателей к фондам, баз данных, перевод описей в электронный формат остается главным направлением развития и совершенствования архивного научно-справочного аппарата. Внедрение автоматизированных технологий выводит на новый уровень не только предоставление пользователям информации о составе и содержании архивных документов, но и организацию работы с ними в рамках самого архива, а оцифровка и микрофильмирование документов позволяют обеспечить их лучшую сохранность.

В ряде федеральных архивов работа в указанном направлении ведется уже с начала 1990-х гг. Так, Всероссийский научно-исследовательский институт документоведения и архивного дела завершил работу над созданием электронной базы данных постановлений ГКО СССР, насчитывающей 9971 директивный документ, на основе которой подготовлены их тематические перечни. Значительное количество документов, включая постановления, протоколы заседаний и отчеты центральных и региональных партийных органов, материалы ЧГК и многие другие материалы, микрофильмованы в ГАРФ и РГАСПИ.

¹ Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII. Протоколы руководящих органов Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг.: Каталог документов. М., 2001.

Информатизация региональных архивов началась с конца 1990-х, а то и с 2000-х гг., и ее реализация в отдельных архивах различается. В частности в ГАКК компьютерное обеспечение отдельных видов работ осуществляется с 1997 г., по программе «Архивный фонд» переводятся на электронные носители сведения о составе и содержании фондов и описей. Однако в настоящее время далеко не все федеральные и тем более региональные архивы располагают системой электронного каталога, даже для внутреннего пользования, еще меньше сделано в сфере оцифровки документов. В ЦАМО РФ и ряде других архивов вообще отсутствуют путеводители, во многих других хранилищах, особенно региональных, их сведения в значительной степени устарели вследствие образования новых фондов, рассекречивания документов. Далеко не всегда соответствуют современным требованиям и аннотации к документам.

Определенные возможности для исследователей данной темы предоставляют фонды центральных и местных музеев. Ценность хранящихся в них материалов особенно возрастает в связи с тем, что рассекречивание в музеях нередко происходит быстрее, чем в архивах. В то же время описания музейных фондов, как правило, отражают порядок их комплектования, и в случае отсутствия или неполноты сведений в соответствующих каталогах и карточках возникают сложности с поиском необходимых документов. В данной связи следует отметить Ставропольский государственный краеведческий музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, в котором описи дел составлены по архивным образцам, что заметно облегчает работу исследователей. Создание электронных каталогов с подробным описанием и аннотированием музейных фондов позволит и в других музеях решить эти задачи.

По заключению В.П. Козлова, «пятнадцать последних лет в России характеризуются прорывом в “практической историографии”, связанным с массовым изданием разных видов исторических источников, целых документальных комплексов различных исторических эпох, и в первую очередь по истории XX века... Каждая такая система представлена не просто различными документальными комплексами, а их множеством, сопоставимым, например, с множеством разнообразных растений в каком-нибудь лесу или городском парке»¹. Среди наиболее крупных документальных публикаций, отражающих те или иные вопросы истории Северного Кавказа

¹ Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М., 2008. С. 3.

в 1920–1940-е гг., необходимо отметить серии «Русский архив», «Документы советской истории», «Россия. XX век. Документы» и другие. Расширилась и публикаторская деятельность на местах¹.

Значительный объем вводимых в научный оборот источников, существенное увеличение количества публикаций породили даже специальные термины «новое архивно-информационное пространство» и «архивная революция»². Однако самыми серьезными прорывами, пришедшими приблизительно на тот же период времени, историческое знание обязано не документальному «буму», а «теоретическим мятежам» последней трети минувшего века.

Необходимо отметить и появление ряда специализированных интернет-сайтов и информационных порталов: «Военная литература», «Великая война», «Солдат.ru», «Победа.ru», «История мировых войн» и других³. Наряду с исследованиями на них нередко размещаются комплексы документов, фотографий, карт и других материалов, а форумы создают возможность для свободного общения по соответствующим темам специалистам и любителям. Хорошим подспорьем для исследователей становится и создание тематических электронных подборок архивных документов в Интернете. При всей небесспорности их достоинств и множества вопросов как технического, так и содержательного характера они выполняют

¹ Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Черкесск, 1990; Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). Документы и материалы. Махачкала, 1994; Добровольческие формирования Ставрополя в Великой Отечественной войне. Информационный перечень документов. Ставрополь, 1995; Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. Нальчик, 1995; Кубанская ЧК. Органы госбезопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар, 1997; Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1998; Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сб. документов. Нальчик, 2000; Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий. Книга 1. Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000; Книга 2. Часть 1. Хроника событий 1943 год. Краснодар, 2003; Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь, 2000; Битва за Кавказ в документах и материалах. Ставрополь, 2003 и др.

² Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 1999. С. 78.

³ URL: <http://militera.lib.ru>, <http://www.pobeda.ru>, <http://www.soldat.ru>, <http://velikvoy.narod.ru>, <http://victory.rusarchives.ru>, <http://warmech.narod.ru/index.html>, <http://wunderwaffe.narod.ru> и др.

функции ориентиров в источниковом обеспечении тех или иных исследуемых специалистами проблем¹.

Однако перенос архивного документа в новую, «виртуальную», информационную среду сопровождается изменением форм работы с ним и порождает новые вопросы, например, о степени достоверности электронных копий. По мнению специалистов, научный электронный архив должен иметь официальный статус и гарантировать достоверность своих электронных копий, иначе его массивы могут быть использованы только в ознакомительных целях. В случае же предоставления электронному архиву права официальной публикации документов процесс электронного копирования документа и его научное описание могут стать новым и весьма перспективным направлением публикаторской деятельности².

Формирование источниковой базы проблемы национально-государственного строительства на Северном Кавказе происходило одновременно со становлением ее историографии. Первоначально она складывалась из документов официального происхождения, представленных выступлениями, статьями и речами непосредственных участников, руководителей советского государства и национальных автономий в регионе. Затем, по мере создания центральных и региональных архивохранилищ, в научный оборот стали вводиться разнообразные документальные свидетельства, количественное и видовое расширение которых в конечном итоге превратилось в самоцель исторических исследований. Однако само введение в научный оборот ранее неизвестных документов мало что меняет в сложившейся картине самого процесса национально-государственного строительства в регионе. Правда, в последнее десятилетие именно открытие нового пласта архивных источников позволило специалистам отказаться от ранее незыблемых представлений о беспроблемном развитии национальных отношений в нашей стране.

Как свидетельствует источниковедческий анализ, практически все работы по истории национально-государственного строительства на Северном Кавказе выполнены на однородной источниковой

¹ Голод 1932–1932 года: документы из российских архивов. URL: <http://novoross-73.livejournal.com/38387.html>.

² Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н. Виртуальный архив как перспективная система поддержки сопровождения исторических исследований // Отечественная история. 2008. № 2. С. 138.

основе, включающей в себя документы общероссийских и местных партийных и советских организаций, извлеченные из фондов центральных и региональных архивов; периодические издания 1920–1930-х гг.; опубликованные свидетельства личного происхождения; сборники тематических документов и материалов. Крайне редко историки национально-государственного строительства обращаются к нормативно-правовым документам и практически не проводят собственные полевые исследования.

Показательным является и своеобразное «географическое» разделение в использовании фондов различных архивов: исследователями столичных научно-исследовательских учреждений в большей мере задействуются документы федеральных архивов, в то время как представители регионов по преимуществу разрабатывают фонды местных архивохранилищ. Однако и в тех случаях, когда ими вводятся в научный оборот «центральные» источники, их использование по преимуществу носит несистематический характер и в зависимости от теоретических предпочтений исследователей либо иллюстрирует происходившие в регионе события, либо противопоставляется им.

Аналогичная ситуация складывается с привлечением материалов региональных архивов: во многих из них собраны уникальные документы о деятельности всевозможных общественных и политических организаций периода образования автономий. Их комплексный анализ позволил бы выявить динамику восприятия массовым сознанием предназначения национальной государственности, а также связанных с ее существованием социально-экономических и политических проблем. Однако они все еще недостаточно используются столичными специалистами, которые видят в них лишь иллюстрацию местной специфики, не выходящей за пределы общероссийских процессов и событий.

Публикации архивных документов последнего времени, их сюжетное разнообразие, а также предпринимающиеся попытки создания электронных баз данных по этническим конфликтам свидетельствуют, что в изучении межэтнических отношений и национальной политики наступает качественно новый этап. Он связан не столько с видовым обновлением традиционно используемых историками документов, сколько с изменением методики их анализа. Основное внимание в ней начинает уделяться, скорее, не объективным показателям, а субъективным факторам и обстоятельствам. В этом

отношении дальнейшее развитие источниковой базы процессов национально-государственного строительства на Северном Кавказе будет определяться и современными представлениями о месте и роли исторического документа в постижении прошлого.

Первые документы по истории Северного Кавказа периода Великой Отечественной войны поступили в федеральные и региональные архивы и музеи еще в военные годы, тогда же появились и первые публикации материалов, имевшие пропагандистский характер и невысокий уровень археографической обработки. В послевоенное десятилетие продолжались комплектование и обработка архивных фондов, но допуск к ним оставался ограниченным, незначительным было и количество документальных публикаций по истории региона военного времени. Существенное расширение источниковой базы проблемы произошло в период «оттепели» и в последующие годы, когда у исследователей появилась возможность работать в архивах, были изданы специальные сборники документов и материалов, воспоминания участников войны и фронтовые письма.

В 1960–1980-е гг. в научный оборот были введены тысячи источников по военной теме, прежде всего партийных и советских документов. В то же время характер и содержание вводимых материалов во многом определялись идеологической и политической конъюнктурой. Значительная часть документов военных лет оставалась засекреченной, а при публикациях сокращалось все, что не совпадало с официальной версией истории войны и могло позволить усомниться в верности решений партии и правительства, общем патриотическом подъеме и всенародном характере сопротивления врагу.

Так, текст докладной записки Краснодарского крайкома партии в ЦК ВКП(б) от 6 сентября 1942 г., посвященной проведению «особых мероприятий в связи с временной оккупацией территории края», утратил при публикации свое введение, в котором излагалось негативное мнение краевого руководства о темпах отступления Красной армии, причинах срыва планов эвакуации (ответственность за это возлагалась на командование Северо-Кавказского фронта), а также заключительную часть, где приводились данные о дезертирстве части мобилизованных жителей Кубани¹. Как правило, опубликованные документы не отражали просчетов в деятельности советского

¹ Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Краснодар, 1965. С. 80–83. См.: ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 391. Л. 1–13.

руководства, трудностей повседневной жизни населения военного времени. Вплоть до начала 1990-х гг. не издавались материалы о депортациях народов Северного Кавказа, коллаборационизме, бандитизме, дезертирстве и других негативных явлениях военных лет.

Существенные изменения в развитии источниковой базы проблемы произошли с начала 1990-х гг., в связи с рассекречиванием документов и расширением доступа исследователей к архивам. В настоящее время круг источников по вопросам истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны достаточно разнообразен как в видовом, так и в содержательном отношении, однако их введение в научный оборот осуществлялось неравномерно. Традиционно историки наибольшее внимание уделяли партийным и советским документам, что во многом объяснялось исследовательскими предпочтениями, господствовавшими в историографии предыдущих десятилетий. Комплекс официальных документов и в настоящее время представляет собой основу источниковой базы для изучения истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. В то же время появление новых направлений исследовательского поиска придает особую значимость обращению к другим видам источников, в первую очередь личного происхождения, которые рассматриваются современными исследователями в качестве главной основы для изучения социально-психологических аспектов данной проблемы.

§ 4.2. Различные виды источников по истории Северного Кавказа 1920–1940-х гг.

В соответствии со сложившейся традицией, исторические источники обычно разделяются на две большие группы: официального и личного происхождения. В свою очередь официальные документы по истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. можно разделить на несколько больших комплексов в соответствии с их происхождением и содержанием. Первый и самый крупный из них составляют советские источники официального происхождения, включающие гражданскую и военную документацию. Наиболее значительный массив данных по рассматриваемой проблеме со-

держит официальная советская гражданская документация, среди которой выделяют законодательные источники, директивную и делопроизводственную документацию государственных, партийных и советских органов, судебно-следственные материалы, документы общественных организаций, статистические источники.

Законодательные источники представлены конституция-ми СССР 1924 г. и 1936 г., конституциями РСФСР 1918 г., 1925 г. и 1937 г., другими законами СССР и РСФСР, указами и постановлениями ЦИК СССР, ВЦИК, президиумов верховных советов СССР и РСФСР. К этой же группе относятся конституции республик и положения о краях и областях Северного Кавказа. Составляя юридическую основу деятельности советского государства, данные документы закрепляли правовой статус автономий, краев и областей Северного Кавказа, порядок создания и основные направления деятельности их органов власти и управления, регулировали работу государственных структур и общественных организаций в центре и на местах в 1920–1940-е гг. Основная часть законодательных актов была опубликована непосредственно после принятия, полные тексты других документов, например указов Президиума Верховного совета СССР о принудительном выселении народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, опубликованы в последние годы. Не публиковались подготовительные материалы, использование которых позволяет реконструировать сам процесс разработки и принятия законодательных актов.

Особенностью советского строя являлось то, что партийные директивы лежали в основе всей деятельности государства, комсомола и других общественных организаций, а решения высших и центральных органов служили базой для разработки нормативно-правовых актов на местах. Поэтому официальные советские документы разделяют на документацию директивно-политического и директивно-исполнительного характера высшего уровня, а также документацию, связанную с непосредственной организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня. Необходимо также учитывать, что в рассматриваемый период действовало немало чрезвычайных органов власти, не всегда соответствовала правовым нормам и практика работы конституционных органов, в результате принятые решения не часто облекались в форму соответствующих нормативно-правовых актов, что создает определенные сложности для исследователей.

В подклассе документации директивно-политического характера высшего уровня выделяются, во-первых, указания и поручения В.И. Ленина и И.В. Сталина на поступивших к ним документах, во-вторых, постановления Политбюро ВКП(б); в-третьих, протоколы заседаний Политбюро, Секретариата, совещаний членов Политбюро, секретарей ЦК ВКП(б) и материалы к ним, записи бесед членов Политбюро и секретарей ЦК. Значительное количество указанных документов, определявших выработку официального советского курса, содержится в фонде ЦК ВКП(б) в РГАСПИ. Однако по доступным в настоящее время исследователям кратким записям постановлений заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) невозможно выяснить мнение того или иного партийного руководителя по принимаемому вопросу. Основная масса материалов — подготовленные документы к постановлениям Политбюро ЦК ВКП(б) — находятся в «закрытом» для исследователей АПРФ, малодоступны для историков и стенограммы их заседаний.

Впрочем, даже расширение доступа исследователей ко всему комплексу документов, хранящихся в архивах, не решит всех проблем. Современные исследователи указывают на то, что «наиболее существенные с научной точки зрения документы, способные в какой-то мере раскрыть “кремлевские тайны”, давно уничтожены»¹. Например, когда материалы архивов И.В. Сталина, В.М. Молотова, Л.М. Кагановича и других советских лидеров поступили в РГАСПИ из АПРФ, выяснилось, что они практически не содержат принципиально новой информации о деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). Вполне вероятно, что еще в 1930-х гг. и в последующее время из этих документов было изъято все, что компрометировало большевистскую систему. И.В. Сталин лично комплектовал свой архив и сам решал, какие документы оставить, а какие уничтожить². Другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) также самостоятельно решали, какие свои письма хранить в партийном архиве, а какие оставить у себя.

Самую значительную часть документов директивно-исполнительного характера высшего уровня составляют постановления и распоряжения СНК СССР и РСФСР, бюро СНК РСФСР, союзных и республиканских наркоматов и других ведомств. К этой же группе относятся принятые в годы войны постановления ГКО

¹ Макаренко П.В. Механизм внешнеполитических решений в Советской России в начале 1920-х годов // Отечественная история. 2008. № 4. С. 144.

² Волкогонов Д.А. Семь вождей. В 2 книгах. Книга 1. М., 1996. С. 260.

СССР, которые фактически имели силу законов, приказы и распоряжения Центрального штаба партизанского движения (далее — ЦШПД). Законодательная и директивная документация высшего уровня позволяет представить основные направления советской политики на Северном Кавказе в 1920–1940-е гг. Помимо официальных документов общего характера, определявших развитие Северного Кавказа, высшие и центральные партийные и советские органы приняли немало нормативно-правовых актов, посвященных непосредственно событиям в данном регионе.

Неоднозначность оценок национально-государственного строительства на Северном Кавказе в современной историографии повышает статус архивных документов, которые зачастую воспринимаются в качестве основы для разрешения территориальных и административных споров. Многие из них отложились в фондах Административной комиссии ВЦИК в ГАРФ, в ведении которой находились вопросы установления границ между северокавказскими автономиями, урегулирования внутренних и внешних земельных конфликтов, проведения реформы районирования.

Не менее востребованными на сегодняшний день оказываются материалы фондов Наркомата по делам национальностей и Президиума ВЦИК в ГАРФ, чьи постановления и распоряжения рассматриваются исследователями в качестве краеугольной основы национальной политики советского государства. Большой информационной значимостью в этом отношении обладают документы отделов Наркомнаца, отражающие не только официальную позицию власти, но и реакцию на нее бывших национальных окраин.

Основной массив документации, связанной с организацией и обеспечением выполнения директивных документов высшего уровня на Северном Кавказе, сосредоточен в архивах региона. По степени значимости среди нее выделяются, во-первых, директивные документы региональных партийных органов — постановления пленумов и бюро крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б), так как именно они играли ключевую роль в системе органов власти и управления на Северном Кавказе. Не обладая формально высшей юридической силой, они фактически определяли порядок и направления деятельности других региональных органов власти и управления, отдельных предприятий и учреждений.

Во-вторых, это решения ревкомов в 1918–1921 гг., постановления городских комитетов обороны Краснодар, Новороссийска,

Майкопа, Темрюка, Туапсе, Кизляра, приказы и распоряжения Южного, Краснодарского, Ставропольского и других штабов партизанского движения, созданных в годы Великой Отечественной войны. В-третьих, материалы сессий местных советов, постановления, решения и распоряжения краевых, областных, окружных, городских, районных и волостных исполкомов, поселковых и сельских советов, протоколы общих собраний граждан населенных пунктов. Как и в центре, многие решения руководства краев, республик и областей Северного Кавказа оформлялись совместными постановлениями партийных и советских органов и откладывались, соответственно, и в партийных, и в советских фондах.

Директивные документы партийных и советских органов региона характеризуют основные направления в их деятельности, условия жизни населения региона в рассматриваемый период времени. В мотивировочной части они нередко содержали оценку обстановки, в постановляющей — определяли задачи развития региона. Однако информация, содержащаяся в директивной документации, не раскрывает самих процессов принятия и выполнения решений, их результатов, реакции общества на деятельность власти.

В данной связи определенные возможности для исследователей предоставляет делопроизводственная документация, которую по ее характеру подразделяют на несколько основных групп. Во-первых, это документы, характеризующие задачи, компетенцию, порядок деятельности различных учреждений и организаций (к ним относятся различного рода нормативные акты, уставы и инструкции). Во-вторых, документация, освещающая процесс выработки, обсуждения и принятия решений об основных направлениях деятельности органов и учреждений (планы работы, проекты постановлений, протоколы и стенограммы). В-третьих, документы, раскрывающие ход исполнения принятых решений (докладные записки, справки, информации). В-четвертых, документация, посвященная итогам деятельности учреждения или органа за определенный временной промежуток (отчеты, справки).

Кроме того, по уровню принадлежности выделяются делопроизводственные документы высших, центральных, региональных и местных органов власти и управления. К делопроизводственной документации высших и центральных органов власти относятся протоколы заседаний, подготовительные и перспективные материалы СНК, Госплана, наркоматов и других ведомств СССР и РСФСР. Это

планы, докладные записки, справки, сводки о развитии отдельных отраслей народного хозяйства, составлении бюджетов, регулировании цен и зарплаты, борьбе с преступностью, детской беспризорностью и по другим вопросам, а также деловая переписка высших и центральных государственных учреждений. Так, в докладных записках «Особой папки» Сталина содержатся сведения о количестве, хозяйственном положении и политических настроениях жителей Северного Кавказа, выселенных в Казахскую и Киргизскую ССР¹. Документы Транспортного комитета при ГКО СССР в фонде СНК СССР ГАРФ освещают работу водного и железнодорожного транспорта на Северном Кавказе, эвакуацию подвижного состава, строительство железнодорожной линии Кизляр — Астрахань в годы Великой Отечественной войны².

Значительным информативным потенциалом обладает делопроизводственная документация региональных и местных органов власти и управления, немалая часть которой еще не введена в научный оборот. В содержательном отношении в качестве особой группы данных документов выделяются протоколы заседаний пленумов и партийных бюро, партийного актива крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б). Как исторический источник данную группу отличает широкий, систематизированный характер содержащейся информации, сравнительно высокая степень архивной обработки (снабжены соответствующими указателями) и хорошая сохранность значительной части материалов (машинописный текст). Многие документы введены в научный оборот, часть опубликована в основном в извлечениях, так как в них содержатся и сведения личного характера, критика отдельных коммунистов и учреждений, информация о решении текущих вопросов, считавшаяся «несущественной» для историков. В меньшей степени в научный оборот введены протоколы заседаний городских комитетов обороны Северного Кавказа.

Другую группу документов составляет деловая переписка. Прежде всего это переписка региональных органов власти с ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦИК, президиумами верховных советов и СНК СССР

¹ См.: ГАРФ. Ф. Р-9401с/ч. Оп. 1. Д. 65. Л. 311–314; Д. 68. Л. 102; Д. 134. Л. 233–238; Д. 234. Л. 60–65. «Особая папка» Сталина — документы оперативного делопроизводства Секретариата НКВД СССР, имеющие гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 88.

и РСФСР, наркоматами, другими высшими и центральными государственными и партийными органами. Телеграммы, отчеты, докладные записки и другие документы позволяют выяснить взаимоотношения различных органов власти, их степень ответственности в принятии тех или иных решений, характеризуют выполнение партийно-правительственных директив на Северном Кавказе.

В данной связи необходимо отметить фонды Юго-Восточного и Северо-Кавказского бюро РКП(б) — ВКП(б) в РГАСПИ. Они содержат огромное количество делопроизводственной и оперативно-информационной документации, характеризующей состояние не только нижестоящих партийных организаций, советских органов власти, но и отношение населения к происходившим в регионе преобразованиям. Бюро концентрировало в себе разнообразную информацию, зачастую не соответствовавшую действительному положению дел на местах, на основании которой принимались ответственные решения. В этом же архиве находятся и личные фонды партийных и советских работников, в разное время курировавших регион. Значительный интерес у специалистов вызывает фонд Г.К. Орджоникидзе, в документах которого нашли отражение многие «доктринальные» конфликты по национальной политике партии того времени.

Огромный массив документов по истории национальной политики и осуществляемого национально-государственного строительства в регионе находится в фонде Национальной комиссии Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) в ГУ ЦДНИРО, непосредственно осуществлявшей реализацию решений партии и правительства в этом направлении. Их введение в научный оборот способствовало осознанию заложенного в первые советские десятилетия конфликтного потенциала на Северном Кавказе, когда в целях упрочения позиций власти народы региона вовлекались в политические процессы и наделялись правовой субъектностью.

В архивах северокавказских республик хранится переписка с вышестоящими инстанциями по вопросам «правильного» проведения национальной политики, учета интересов различных народов, проживающих на территориях тогдашних автономий, «осуждения» перегибов в «этом чрезвычайно тонком и запутанном вопросе». В фондах обкомов и областных исполкомов находятся разнообразные директивные (приказы) и делопроизводственные документы (докладные записки, информационные сводки, отчеты), характе-

ризирующие усилия советского руководства по созданию и развитию производственной инфраструктуры, культуры и быта народов национальных образований. Разноречивость и нередкая взаимоисключаемость содержащихся в них сведений требует от историка более осторожного и критически осмысленного использования документов официального происхождения, знания обстоятельств их принятия и заложенных в них мотивов.

Разнообразную информацию об отдельных направлениях советской политики и жизни населения Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. содержат документы и других отделов партийных комитетов, отделов и комиссий краевых, областных, окружных, городских, районных, волостных советов и исполкомов, других учреждений и предприятий. Фондовое и видовое многообразие документов отражает различные аспекты развития региона в довольно сложный и противоречивый период времени. Особенно широкий круг вопросов охватывают документы фондов плановых комиссий исполкомов. Народнохозяйственные планы раскрывают общее состояние экономики региона, развитие различных отраслей народного хозяйства, состояние земельного фонда и трудовых ресурсов, уровень жизни населения и другие проблемы. В то же время современные исследователи отмечают порочность самой методологии советского планирования, порой весьма далекой от реальности, что необходимо учитывать при анализе данной группы документов.

Фонды финансовых отделов исполкомов содержат бюджеты административно-территориальных образований, сметы, расчеты к ним и отчеты об их исполнении, отчеты и справки об отчислении государственных и местных налогов, акты о передаче трофейного имущества. К данным документам тематически близки материалы фондов краевых, республиканских и областных контор банков, управлений государственного страхования, сберегательных касс и государственного кредита. Они содержат документы о состоянии денежного обращения, доходах и расходах населения, деятельности финансово-кредитных учреждений.

Дублирование деятельности партийных и советских органов выразилось в том, что многие вопросы хозяйственного и социального развития Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. нашли отражение в документах и тех и других учреждений. Так, развитие промышленности и сельского хозяйства региона характеризуют документы соответствующих отделов партийных органов, исполкомов, а также

производственных объединений, трестов, заготовительных контор Северного Кавказа. Это протоколы и стенограммы совещаний секретарей партийных организаций предприятий и кооперативов, производственных совещаний, планы, отчеты и справки об их выполнении, ходе полевых работ, восстановлении предприятий после освобождения и другие материалы. В целом, данные документы позволяют охарактеризовать структуру народного хозяйства региона, выпуск различных товаров, выполнение продовольственных заготовок, сдачу государству зерна, мяса, молока, птицы, состояние производственной базы, полей и семенных культур. Немало документов показывает развитие социалистического соревнования, внедрение передовых методов труда и другие патриотические инициативы рабочих и служащих. Документы фондов отдельных промышленных предприятий, комбинатов, заводов, фабрик, политделов МТС, совхозов и колхозов отражают общий объем их производства и выпуск отдельных видов продукции.

Состояние транспортной сети Северного Кавказа освещают документы отделов транспорта партийных органов и исполкомов, отделы шоссейных дорог при управлениях НКВД, управления и тресты дорожного строительства, ремонта и эксплуатации. В фондах пароходств и портов хранятся приказы, распоряжения, планы, отчеты, обзоры, доклады, характеризующие развитие морского и речного транспорта в 1920–1940-е гг. Вопросы торговли и снабжения населения, состояние детских домов и госпиталей, коммунального и жилищного хозяйства характеризуют документы соответствующих отделов партийных органов и исполкомов, а также торговых контор. Здесь хранятся их уставы, планы товарооборота, приказы, распоряжения, протоколы совещаний, сведения о структуре розничной торговой сети, снабжении населения промышленными и продовольственными товарами, конъюнктурные обзоры и итоговые отчеты по торговле.

В фондах управлений строительства и архитектуры, краевых и городских строительных трестов имеются документы по вопросам строительства и реконструкции городов и поселков, их восстановления после освобождения от немецкой оккупации. Они практически не вовлечены в научный оборот, как и материалы фондов организаций потребительской кооперации на Северном Кавказе. В связи с тем что данная тема не являлась предметом специального изучения, исследователями не использовались постановления городских

и районных потребительских союзов и обществ, протоколы собраний пайщиков, заседаний правлений, планы и годовые отчеты, акты документально-финансовых ревизий и другие материалы.

Благоприятные природные условия Северного Кавказа способствовали успешному развитию в регионе санаторно-курортной отрасли, в годы Великой Отечественной войны преобразованной в госпитальную базу. В научный оборот введен ряд документов Краснодарского и Ставропольского краевых управлений госпиталями: планы, доклады, акты, политдонесения, характеризующие настроения раненых и персонала. Фонды краевых, областных, окружных, городских и районных отделов здравоохранения содержат документы о работе медицинских учреждений, состоянии здоровья населения, данные медико-санитарных обследований, сведения о борьбе с инфекционными заболеваниями. В меньшей степени использованы данные о профилактической, противоэпидемической, лечебной и санитарно-просветительской работе, приказы главных врачей, протоколы заседаний медицинских советов, комплексные планы, отчеты, которые находятся в фондах СЭС, больниц и других медицинских учреждений.

Материалы фондов отделов социального обеспечения исполкомов раскрывают порядок назначения государственных пособий многодетным и одиноким матерям, инвалидам, престарелым, сиротам и другим категориям лиц, нуждавшихся в дополнительных мерах социальной защиты, вопросы их трудоустройства, обеспечения детских домов и домов-интернатов, проведение других социальных мер. Значительная часть документов данных фондов, особенно материалы, посвященные рассмотрению жалоб и заявлений граждан, не рассматривалась историками. Между тем они отражают не только степень эффективности работы социальных органов, но и материальное положение и настроения отдельных социальных слоев в 1920–1940-е гг. Физкультурно-массовую работу, проведение спортивных соревнований характеризуют документы комитетов по физической культуре и спорту местных исполкомов.

Вопросы духовного развития советского общества всегда находились под особым контролем партийных органов. В научный оборот введены многие материалы отделов агитации и пропаганды крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б), так как данное направление деятельности партии не раз являлось предметом специального изучения историков. Однако при этом не

всегда в должной мере учитывались их пропагандистский характер, идеологическая направленность. Указанные дела содержат планы, отчеты, докладные записки о работе органов народного образования, школ и дошкольных учреждений, радиокомитетов, газет и издательств, киносети и учреждений культуры, агитационных коллективов и лекторских групп, а также документы о деятельности духовенства, борьбе с детской безнадзорностью и преступностью, проведении смотров художественной самодеятельности, курсов пропагандистов и других вопросах. Часть документов только недавно, после их рассекречивания, стала доступна исследователям.

Вопросы развития образования на Северном Кавказе раскрывают также документы соответствующих фондов исполкомов, а также вузов, техникумов, училищ, школ: акты проверок готовности учебных заведений к учебному году, списки педагогов, учащихся и студентов, приказы, протоколы заседаний ученых и педагогических советов, планы и отчеты о работе. Фонды отделов и управлений культуры и кинофикации, музеев, научно-исследовательских учреждений, театров, филармоний, библиотек содержат уставы и паспорта данных учреждений, документы об их деятельности в мирное и военное время, эвакуации и возвращении после освобождения.

Наряду с фондами, документация которых отражает различные аспекты социально-экономической, политической и культурной жизни региона в 1920–1940-е гг., в архивах сложились специальные комплексы документов, характеризующих определенные темы и периоды его истории. К ним можно отнести и ряд фондов военного времени. Так, стенограммы и протоколы совещаний, докладные записки и информации военных отделов партийных органов, их переписка с командованием Северо-Кавказского военного округа характеризуют проведение мобилизации, состояние оборонной работы, всеобуча, выполнение военных заданий промышленностью, а также формирование добровольческих частей, истребительных батальонов, сбор теплых вещей и другие патриотические инициативы населения региона в 1941–1945 гг. В фонде Ставропольского крайкома партии выделен комплекс дел комиссии по комплектованию Орджоникидзеградской добровольческой кавалерийской дивизии¹, но данные материалы встречаются и в других делах.

Особый комплекс документов составляют и материалы о развитии сопротивления оккупантам в период Великой Отечественной

¹ ГАУ ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 307–322.

войны, которые можно разделить на несколько групп. Во-первых, это нормативно-распорядительные источники, отражающие процессы создания партизанских отрядов и соединений, организацию их внутренней жизни, участие в боевых действиях, развертывание подпольной сети. Однако исследователи справедливо указывали, что предписанные ими действия не всегда в реальности осуществлялись¹. Во-вторых, разнообразны по форме и тематике оперативные источники: акты о боевых действиях, в которых указывался состав и обязанности участников, служебные дневники, оперативные и разведывательные сводки, справки, составленные на основе боевых донесений и содержащие сведения обобщающего характера о действиях отрядов и соединений за определенный промежуток времени. В большинстве своем они имели информационное значение, адресовались для осведомления выше- и нижестоящих инстанций. В отличие от них докладные записки, справки и донесения о морально-политическом состоянии и материальной обеспеченности отрядов и соединений, протоколы партийных собраний, раскрывающие внутреннюю жизнь отрядов и соединений, имели пропагандистский характер.

В-третьих, выделяются итоговые отчеты партизанских отрядов и соединений. Так, в итоговом отчете о боевой и разведывательной деятельности Краснодарского штаба партизанского движения раскрываются вопросы организации и основные направления деятельности партизанских отрядов и соединений края, подводятся итоги боевых действий партизан Кубани, анализируется их состав и потери². Исследователи отмечали, что источники данного вида различаются по степени обобщений и по отдаленности от описываемых событий. Кроме того, отношение авторов «в какой-то степени определялось сознанием того, что он послужит истории или военной науке»³. Пристальное внимание уделялось составлению итоговых отчетов и со стороны партийных руководителей, которые нередко стремились в них отметить свои заслуги. Поскольку работа над итоговым отчетом о деятельности партизан Ставропольского края была завершена уже после депортации карачаевского народа, в нем

¹ Курносоев А.А. Источники по истории всенародного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.) // История СССР. 1965. № 3. С. 78.

² ЦДНИКК. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 17-а.

³ Курносоев А.А. Указ. соч. С. 78–80.

не было «даже упоминания о деятельности партизан — карачаевцев». По словам современных историков, «уже ввиду этого он не может быть для исследователей объективным источником»¹. Впрочем, и оперативная документация партизанских отрядов и соединений также не может являться абсолютно достоверным источником, особенно в области учета вражеских потерь, которые противник стремился скрывать, а сами участники боев нередко преувеличивали.

Существенное место среди источников истории рассматриваемой проблемы занимают судебно-следственные материалы. Состояние преступности и ее формы, основные направления деятельности правоохранительных органов на Северном Кавказе раскрывают документы ряда фондов центральных и региональных архивов. Общий надзор за соблюдением законности в регионе характеризуют документы фондов верховных судов и прокуратуры СССР и РСФСР в ГАРФ. Фонды краевых, республиканских и областных судов в региональных архивах содержат приказы их председателей, постановления и протоколы заседаний президиумов, квартальные статистические отчеты о работе судов. В них имеются приговоры городских и районных судов, копии приговоров и решений судебных коллегий, копии представлений в Верховный суд РСФСР и его определений, другие материалы.

В фондах краевых, республиканских и областных органов прокуратуры хранятся справки о кассационной практике, состоянии надзора за рассмотрением уголовных и гражданских дел в судах, представления в партийные, советские и профсоюзные органы, докладные записки и обзоры о состоянии следственной работы в регионе. В них содержатся документы комплексных проверок, годовые статистические отчеты городских и районных прокуратур, квартальные отчеты краевых управлений внутренних дел о количестве зарегистрированных и раскрытых преступлений, а также документы о проверке тюрем, надзоре за местами лишения свободы и другие материалы.

Определенный материал по рассматриваемой теме содержат фонды краевых управлений ФСБ и МВД, республиканских министерств внутренних дел в соответствующих ведомственных архи-

¹ Линец С.И. История организации партизанского движения на Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: состояние и перспективы исследования проблемы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2000. № 2. С. 28.

вах, а также музеев ФСБ. Среди них, в частности, обвинительные заключения по следственным делам коллаборационистов, выявленных КГБ после войны. Значительная часть данных документов сохраняет секретный характер, лишь часть впервые вводится в научный оборот в работах последних лет. Стали доступны исследователям и фильтрационные дела, переданные в РГУ ГАКЧР из КГБ¹.

Сущность немецкой оккупации раскрывают материалы специальных судебно-следственных органов. Это прежде всего документы Международного военного трибунала для главных немецких преступников (Нюрнбергского процесса) в ГАРФ. В большинстве своем они представляют собой копии, подлинники хранятся в Гааге. Лишь часть данных материалов опубликована². Немало документов советского обвинения и защиты, включая и материалы, не представленные на процессе, характеризуют планы Германии в отношении советских территорий и их реализацию.

В ГАРФ хранятся материалы Чрезвычайной государственной комиссии СССР по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками. Обобщающие сведения об ущербе, нанесенном отдельным краям и автономиям Северного Кавказа в период немецкой оккупации, приводятся в документах фондов местных комиссий по установлению и расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками, которые хранятся в региональных архивах. В них содержатся акты о злодеяниях и материальном ущербе, нанесенном предприятиям, колхозам, организациям и отдельным гражданам, сводные ведомости и обобщенные реестры ущерба, акты судебно-медицинских экспертиз, списки замученных граждан, списки и опросные листы граждан, угнанных на работу в Германию, и лиц, сотрудничавших с оккупантами, протоколы допросов немецких военнопленных.

Указанные документы характеризуют результаты и характер оккупационной политики, террор и грабежи захватчиков, социальный состав коллаборационистов, положение «восточных рабочих». Собранный материал создает достаточно полную картину об огром-

¹ РГУ ГАКЧР. Ф. Р-868.

² Наиболее полными изданиями материалов процесса являются: Нюрнбергский судебный процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. М., 1957–1961. Т. 1–7; Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в восьми томах. М., 1987–1995. Т. 1–8.

ном ущербе, нанесенном немецкой оккупацией, данные об ущербе подсчитывались по отдельным населенным пунктам, районам, городам, областям, краям, а также по отраслям народного хозяйства. При этом наряду с прямым ущербом данные показатели включали и потери, понесенные регионом в результате эвакуации, бомбардировок, боевых действий и других разрушений.

Комплекс документов общественных организаций Северного Кавказа периода 1920–1940-х гг. представлен материалами партийных, комсомольских, профсоюзных и других организаций. Вопросы внутрипартийной работы, численность и состав партийных организаций Северного Кавказа раскрывают документы организационно-инструкторских отделов партийных органов. Они характеризуют подготовку и итоги проведения отчетов и выборов в партийных организациях, содержат данные о количестве принятых в члены партии и исключенных из нее, списки руководящих работников.

В фонде ЦК ВЛКСМ в РГАСПИ содержатся материалы пленумов и совещаний в ЦК ВЛКСМ, документы бюро, секретариата, отделов ЦК ВЛКСМ. Директивные и делопроизводственные документы центральных органов ВЛКСМ определяли основные направления деятельности комсомольских организаций Северного Кавказа. В частности, порядок деятельности комсомольских организаций региона в период его оккупации вермахтом определялся инструкцией ЦК ВЛКСМ «О работе комсомольских организаций в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками» и другими документами. В указанном фонде хранятся и документы, отражающие непосредственно работу комсомольских организаций Северного Кавказа. Докладные записки, справки инструкторов ЦК, отчеты, материалы антифашистских митингов молодежи, наградные листы и характеристики на молодых партизан, описания их подвигов, другие материалы периода оккупации региона содержатся в делах специального отдела ЦК ВЛКСМ, который занимался работой среди комсомольцев и молодежи оккупированных районов СССР в годы Великой Отечественной войны¹. В фондах ГАУ ГАНИСК, ХДНИ ГУ НАРА, ЦДНИКБР, ЦДНИКК, ГУ ЦДНИРО, РГУ ЦДОДиПКЧР, ЦГАиПД РСО — А хранятся протоколы, стенограммы пленумов, заседаний бюро, секретариата, совещаний актива, справки, докладные записки, переписка, отчеты местных комсомольских организаций Северного Кавказа, справочно-информационные материалы

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 53. Д. 196–202 и др.

об их численном составе, сводки производственных показателей и другие материалы.

Документы о деятельности профессиональных союзов Северного Кавказа содержатся в фондах ВЦСПС и отраслевых профсоюзов ГАРФ, а также в соответствующих фондах их крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов, находящихся на хранении в местных архивах. Прежде всего это материалы профсоюзов работников государственных учреждений, медицинских работников, работников просвещения, высших школ и научных учреждений, торговли, культуры. В указанных фондах имеются протоколы конференций, пленумов, заседаний президиумов, общих собраний членов профсоюзов, планы работы, отчеты, документы о социалистическом соревновании в годы войны. В фондах Центрального совета общества содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР и РСФСР, его краевых, областных и городских советов содержатся приказы по проведению оборонно-массовых мероприятий, военно-спортивных соревнований, протоколы заседаний оргбюро и конференций, докладные записки, циркулярные письма, информации, отчеты. Здесь находятся справки о численности первичных организаций и членов Осоавиахима, материалы совещаний о сборе средств на строительство военной техники, подготовке инструкторов и минеров групп самозащиты, военных специалистов и по другим вопросам, документы о сдаче норм ГТО, ПВХО. К данной группе документов также относятся материалы всероссийских, краевых и областных комитетов обществ Красного креста, других советских общественных организаций в центральных и региональных архивах.

Статистические данные небезосновательно относятся к сложным и противоречивым видам исторических источников. В рассматриваемый период в СССР существовала государственная статистика, сбором, обработкой и публикацией данных занималось Центральное статистическое управление Госплана СССР, на местах — региональные статистические управления. Советская статистика стремилась учесть самые различные показатели развития советского общества, используя разнообразные способы статистического учета, различные виды отчетности. Основными направлениями статистического учета являлись статистика промышленности, транспорта, сельского хозяйства, народонаселения и другие. В то же время современные исследователи подчеркивают, что данные советской статистики нередко искажались. Так, В.Б. Жиромская

указала на фальсификацию официальных итогов Всесоюзной переписи населения 1939 г. По официальным данным, в Краснодарском крае проживало 3 172 674 чел., фактически — 3 102 757 чел., в Орджоникидзевском крае — по официальным данным — 1 950 887 чел., фактически — 1 908 690 чел.¹

Фонды краевых и областных статических управлений Северного Кавказа содержат разнообразную статистическую информацию. Это списки предприятий и учреждений, статистические таблицы о развитии народного хозяйства краев, областей, городов и районов, отдельных предприятий, колхозов, совхозов и МТС, ведомости регистрации жилищного фонда, находящегося в общественной и личной собственности, документы переписи населения, промышленности, энергооборудования, плодово-ягодных насаждений, годовые и месячные бюджеты. В указанных фондах представлены плановые и фактические показатели развития различных отраслей народного хозяйства, здравоохранения, учебной и культурно-просветительной работы, сравнительные таблицы посевных площадей, урожайности, использования орошаемых земель, производства отдельных видов продукции и уровня цен, численности рабочих и служащих, движения населения. Представляют интерес и сопровождающие их объяснительные и аналитические записки. В то же время и в документах региональных статических управлений отмечались определенные недостатки при составлении отчетности².

Военную документацию как исторический источник отличают определенные особенности, связанные как с ее характером, так и с возможностями использования. В комплексе документации военного характера, посвященной проблемам истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны, можно выделить несколько основных групп источников. Во-первых, это документы советских военных органов управления: приказы и постановления командующих и военных советов Северо-Кавказского и Закавказского фронтов, Северной и Черноморской группы войск, отдельных армий. К данной группе можно отнести военно-оперативную документацию и другие материалы оперативных отделов, политуправлений, разведывательных, тыловых, формирующих и других органов,

¹ Жиромская Б. В. Людские потери в годы Великой Отечественной войны: точка отсчета // Людские потери СССР в период второй мировой войны: Сб ст. СПб., 1995. С. 29.

² ГУ НАРА. Ф. Р-4. Оп. 2. Д. 12. Л. 11 и др.

посвященные общей обстановке и боевым действиям на территории региона, развитию на Северном Кавказе партизанского движения и другим вопросам. Они находятся в соответствующих фондах данных воинских соединений в ЦАМО РФ, в фондах ЦШПД РГАСПИ, а также в фондах ЦДНИКК, посвященных партизанскому движению.

Особую часть документов данной группы составляют материалы фондов управления внутренних войск НКВД, управления войск НКВД по охране тыла Черноморской группы войск Закавказского фронта, затем Северо-Кавказского фронта и управления внутренними войсками НКВД Северо-Кавказского округа, хранящиеся в РГВА¹. Они содержат информацию об оперативной обстановке на Северном Кавказе в годы войны, развитии бандитизма в регионе и борьбе с ним, а также о действиях войск НКВД по наведению порядка в прифронтовой полосе, пресечении антисоветских выступлений, борьбе с дезертирством, мародерством и другими негативными явлениями.

Во-вторых, это документы 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского казачьего корпуса, 9-й пластунской, 70-й кавалерийской, 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской, 347-й стрелковой дивизий и других воинских частей и соединений, созданных на территории Северного Кавказа. Это приказы по боевой подготовке, ведению боевых действий, организационным вопросам, а также деловая переписка, доклады, оперативные сводки, боевые донесения, раскрывающие процесс создания данных формирований и их участие в боевых действиях. Особую разновидность документов указанной группы составляют исторические формуляры, журналы боевых действий, справки, представляющие собой различные формы итоговых отчетов о боевом пути данных частей. Наиболее полный комплекс указанных материалов хранится в соответствующих фондах ЦАМО, отдельные документы — в фондах местных архивов и музеев.

В-третьих, следует выделить документы политических органов, партийных и комсомольских организаций, а также наградные документы, реляции, в которых изложены боевые подвиги, заслуги лиц, представленных к наградам, наконец, списки безвозвратных потерь рядового, сержантского и офицерского состава в фондах политуправлений частей и соединений в ЦАМО РФ. Частично они также находятся в фондах местных архивов и музеев. Так, в фонде Краснодарского крайкома ВКП(б) в ЦДНИКК хранятся политдоне-

¹ РГВА. Ф. 32 885, 38 650, 38 654.

сения начальника политотдела 9-й пластунской дивизии, присяга казаков-пластун, списки погибших и другие материалы¹. Данные источники характеризуют работу по формированию морально-политического духа советских солдат, их чувства и настроения.

Массив документации третьего рейха и учреждений, созданных оккупантами на захваченной территории Северного Кавказа, в количественном отношении уступает комплексу официальных советских документов по данной теме, что, впрочем, не снижает его значимости. По происхождению и характеру данные источники целесообразно разделить на две большие группы. Первую из них составляют директивные и делопроизводственные документы органов власти третьего рейха: приказы и инструкции германского гражданского и военного руководства, стенограммы заседаний штаба «Ост» и другие материалы, характеризующие общие принципы оккупационной политики на советских территориях, а также проекты административно-территориальных, экономических и политических преобразований германского руководства на Северном Кавказе.

Основная часть данных документов хранится в фондах центральных архивов, в том числе в фонде Нюрнбергского судебного процесса в ГАРФ. Многие опубликованы и широко используются исследователями, другие лишь частично введены в научный оборот. К последним относятся материалы «Коричневой папки» Розенберга. Подготовленные в канцелярии министра по делам восточных оккупированных областей в 1942 г., они обосновывали необходимость изменений германской политики на Кавказе. Отдельные документы органов власти третьего рейха встречаются и в других архивных фондах. Так, в фонде ЦШПД РГАСПИ хранятся приказы, директивы, инструкции немецкого командования о борьбе с партизанами, а в фонде Общеказачьего объединения в Германской империи ГАРФ — копии приказов и воззваний германского командования к казачьим войскам.

Вторую группу составляет нормативно-распорядительная и иная делопроизводственная документация оккупационной администрации, действовавшей на захваченной территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. Наиболее полно данные документы представлены в фондах городских и районных управ, отдельных предприятий и учреждений, специальных документальных коллекциях в региональных архивах, отдельные материалы содержатся в фон-

¹ ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 1136, 1410, 1955.

дах и экспозициях региональных музеев. Это указания и инструкции германского командования, воззвания к жителям Северного Кавказа, приказы, объявления, распоряжения немецких комендантов и бургомистров, деловая переписка, списки сотрудников гражданской администрации и полиции, заявления граждан и другие материалы. Значительную часть указанных фондов составляют административно-хозяйственные и бухгалтерские документы, традиционно считавшиеся малоинформативными для историков: прејскуранты цен, акты, ведомости о поставках вермахту продуктов, по учету трудодней, выдаче продуктов и заработной платы, об изъятии скота и птицы у жителей, уплате штрафов, гибели скота и посевов, приходно-расходные документы, кассовые книги, корешки квитанций, ордера. Однако и их использование позволяет получить определенное представление о жизни населения, взаимодействии отдельных органов власти и управления на оккупированной территории Северного Кавказа.

Комплекс материалов эмигрантских учреждений и организаций представлен хранящимися в настоящее время в ГАРФ документами фондов бывших Русского заграничного исторического архива в Праге и Донского казачьего архива: Юго-Восточного отдела Объединения русских воинских союзов в Германии, Канцелярии Казачьего национально-освободительного движения, Общеказачьего объединения в Германской империи и личного фонда А.А. фон Лампе, возглавлявшего объединение русских воинских союзов в Берлине. Они содержат не только информацию о деятельности самих эмигрантских учреждений, но и документы о вступлении в вермахт эмигрантов, в том числе, казаков (включая их заявления, анкеты, списки), копии приказов начальника Главного управления казачьих войск генерала П.Н. Краснова и другие материалы. Названные документы проясняют обстоятельства создания вооруженных коллаборационистских формирований, раскрывают роль, которую сыграла в этом российская эмиграция, содержат информацию об участии в войне на стороне Германии донских, кубанских и терских казаков.

В целом официальные документы, содержащиеся в центральных и местных архивах и музеях, позволяют охарактеризовать различные аспекты истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. В то же время различные сюжеты и периоды истории региона рассматриваемого времени представлены в них неравномерно.

Например, обращение к документам военных лет свидетельствует о том, что наиболее значительная их часть отражает события, происходившие на Северном Кавказе в 1943–1945 гг., после его освобождения от немецкой оккупации. Многие документы, характеризующие события начального периода войны и немецкой оккупации на территории Кубани, Ставрополья, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, погибли или были сознательно уничтожены. В ГАКК хранится секретный приказ анапского районного бургомистра от 11 сентября 1943 г., в котором он требовал от всех старост немедленно сжечь имевшиеся у них документы сельских управ¹.

Отдельный вид источников по истории Северного Кавказа 1920–1940-х гг. составляют материалы периодической печати. Они отличаются оперативным реагированием на общественно значимые события, ярко выраженным идеологическим, агитационно-пропагандистским характером. Периодическая печать содержит разнообразную по форме и содержанию информацию: официальные документы, беллетристику, письма, статьи, очерки, обзоры печати, фельетоны. Наряду с этим здесь публикуется хроника событий, отчеты, репортажи, интервью, объявления. Подобная многоплановость затрудняет классификацию представленной в периодических изданиях информации.

Все периодические издания, отражающие события истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг., можно разделить на несколько групп. Первую, наиболее крупную, составляют советские периодические издания, которые, в свою очередь, можно разделить на центральные, региональные и ведомственные газеты и журналы. Наиболее полную и систематизированную информацию о развитии Северного Кавказа содержит региональная печать, хотя ее и характеризует широкое дублирование центральных изданий, перепечатка из которых порой достигала до двух третей всех публикуемых материалов.

На выход периодических изданий в 1920–1940-е гг. оказывали свое влияние различные события. Так, выпуск значительного количества региональных газет прекратился в период немецкой оккупации Северного Кавказа, другие издавали специальные номера для населения оккупированных районов, третьи стали органами парти-

¹ ГАКК. Ф. Р-469. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

занских отрядов и соединений¹. Обстоятельства военного времени накладывали свой отпечаток и на характер публиковавшейся в газетах информации. В ЦДНИКК хранится директивное письмо под грифом «Совершенно секретно» секретарю Абинского райкома ВКП(б), редактору газеты «Партизанская правда» Орловой, подписанное заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации Краснодарского крайкома партии Юдиным. В этом документе краевое руководство строго требовало от редактора указывать в партизанской газете поменьше конкретных цифр, дат, чисел, фамилий — данные сведения могли оказаться полезными для противника. Рекомендовалось не публиковать критических статей и заметок в адрес райкома партии, отдельных партийных и советских работников и другую информацию, «порочившую» советское руководство, и напротив, как можно больше внимания уделять показу зверств оккупантов². Следует отметить и то, что в это время вместо имен и фамилий авторов и персонажей газетных материалов обычно указывались их псевдонимы или инициалы, за исключением погибших партизан или руководителей региона.

Отдельную группу составляют газеты воинских частей и соединений, созданных непосредственно из жителей Северного Кавказа или тех, в составе которых они воевали в 1941–1945 гг. Это прежде всего газеты Северо-Кавказского и Закавказского фронтов — «Вперед за Родину!» и «Боец РККА», а также «Казак-гвардеец» — орган 4-го Кубанского гвардейского кавалерийского казачьего корпуса, «Красная звезда» — орган 9-й Краснодарской пластунской дивизии, «Знамя Родины» — орган 347-й стрелковой дивизии и другие газеты. Они содержат немало информации о боевом пути данных воинских формирований, политической работе в них, подвигах солдат

¹ Так, газета Тульского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся «Под знаменем Ленина — Сталина» издавалась с 11 декабря 1942 г. по 24 января 1943 г. в качестве органа Майкопского соединения партизанских отрядов. Крымский партизанский отряд продолжал выпускать «Большевистскую правду», до оккупации являвшуюся органом Крымского райкома партии и райисполкома. «Социалистическое табаководство» — орган Северского райкома ВКП(б) и райисполкома — с 17 сентября по 7 октября 1942 г. выходил под названием «Мститель» в качестве газеты партбюро партизанского отряда Северского района. «Большевистский путь» — орган Абинского райкома ВКП(б) и райисполкома — стал «Партизанской правдой» — органом Абинского партизанского отряда и подпольного райкома ВКП(б).

² ЦДНИКК. Ф. 1774-А. Оп. 2. Д. 288. Л. 90–91.

и командиров — жителей Северного Кавказа. Крайне немногочисленную и практически неиспользованную исследователями группу источников составляют рукописные «Боевые листки», «Листки-молнии» и стенгазеты отдельных партизанских отрядов и небольших воинских подразделений (рот, взводов) из жителей Северного Кавказа. Между тем несмотря на свою малочисленность указанные источники содержат оперативную информацию, которая не только характеризует жизнь конкретных подразделений и отрядов, но и показывает формы организации пропаганды на самом низшем уровне ее реализации, непосредственно в полевых условиях.

Немало ценных сведений о событиях, происходивших на захваченной территории Северного Кавказа, содержат газеты, издававшиеся оккупационными властями для местных жителей. Это «Вестник Кубани» (Армавир), «Заря» (Ессентуки), «Кубань» (Краснодар), «Майкопская жизнь», «Пятигорское эхо» и другие газеты, обычно выходившие в качестве органов городских и районных управ. Пожалуй, наиболее яркой из оккупационных печатных изданий региона стала ставропольская газета «Утро Кавказа» (первоначальное наименование — «Русская правда», затем — «Ставропольское слово»), редакция которой также выпускала специальное литературное приложение.

Наряду с официальной информацией немецкого командования и местных властей оккупационная пресса перепечатывала материалы германской печати, публиковала материалы, прославлявшие жизнь в третьем рейхе, успехи вермахта на фронте, «новый порядок» на захваченных территориях Северного Кавказа, призывала жителей к сотрудничеству с оккупационной администрацией. Особое внимание уделялось критике советских порядков, разоблачению ужасов коллективизации, голоду и массовым репрессиям, другим негативным явлениям советской жизни. Нередко публиковались материалы антисемитского характера, в то же время газеты подчеркивали поддержку, оказывавшуюся Германией горцам и казакам.

До начала Второй мировой войны российская эмиграция имела немало печатных органов в различных странах мира. Однако к 1940–1941 гг. выпуск большинства эмигрантских изданий в Европе прекратился. В то же время в годы войны возникли новые эмигрантские печатные издания, появление которых было обусловлено увеличением числа советских граждан — военнопленных, коллаборационистов и «восточных рабочих» — на территории Германии

и оккупированных ею стран, а также активизацией деятельности самих эмигрантских организаций, получивших надежду на реализацию своих планов. Одним из таких изданий стала газета «Казачий вестник», орган Казачьего национально-освободительного движения, комплект которой хранится в ГАРФ. Специальные газеты издавались для советских военнопленных и солдат добровольческих формирований, действовавших в составе вермахта: «Доброволец», «Заря», «Информационный листок Добровольческих частей» и другие печатные издания. Издававшийся в 1943–1945 гг. в Берлине журнал «На казачьем посту» распространялся среди военнослужащих казачьих частей в составе вермахта. Опубликованные в нем материалы акцентировали внимание на самобытности казачества, необходимости его совместной борьбы с германскими войсками против общего врага — большевизма.

Еще один самостоятельный вид источников по истории Северного Кавказа представляют листовки. Рассчитанные на массовое распространение, небольшие по формату и объему, они являлись наиболее оперативной формой воздействия на общественное мнение, призванной донести до конкретной аудитории определенную информацию, побудить ее к тем или иным действиям. Листовки имеют много общих черт с периодическими изданиями и в то же время сохраняют свои особенности как вид исторических источников. Они содержат законченную неперIODическую информацию, составляют единое целое в жанровом отношении, в отличие от газет, публикующих разноплановые материалы. Существуют и особые трудности источниковедческого анализа листовок, например, в установлении их происхождения и авторства¹.

Как и периодические издания рассматриваемого периода, листовки выступали не столько средством сообщения информации, сколько средством пропаганды, воздействия на общественное мнение. Даже публиковавшаяся в периодической печати и листовках официальная информация несла на себе черты определенного идеологического воздействия. Например, сообщения Совинформбюро, особенно в начальный период Великой Отечественной войны,

¹ О листовках, распространявшихся в регионе в годы Великой Отечественной войны, см.: Кринко Е.Ф. Листовки как источник по истории Северо-Западного Кавказа в годы Великой Отечественной войны // Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе (Материалы 9-й всероссийской научно-практической конференции). Армавир, 2005.

не отражали реального хода боевых действий и советские потери. Откровенная дезинформация нередко публиковалась в оккупационной прессе, не раз сообщавшей о взятии войсками вермахта Москвы, Ленинграда, Сталинграда и других советских городов. Поэтому данные сведения нуждаются в проверке, достигаемой использованием других видов исторических источников. В то же время газеты и листовки оказываются ценными историческими источниками, характеризующими намерения тех или иных властных структур и общественных организаций, их публичную позицию, стремление мобилизовать массы на различные действия. В данной связи интерес вызывает не только содержание публикуемой информации, но и сам подбор фактов, о которых сообщали газеты и листовки, их интерпретация, размещение и оформление материала, а также то, о чем пресса умалчивала.

Значительное место в комплексе источников по истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. занимают различные источники личного происхождения: письма, воспоминания, дневники. Основными местами их хранения являются специальные коллекции и личные фонды региональных архивов и музеев, которые продолжают пополняться данными материалами, а также частные, семейные коллекции и фонды. Указанные источники представлены и в фондах центральных архивов и музеев. Например, крупная коллекция фронтовых писем имеется в РГАСПИ (ХДМО). В ее основе — письма, собранные в результате специальной акции, предпринятой в 1980 г. ЦК ВЛКСМ совместно с журналом «Юность», а также переданные журналом «Огонек» и поступившие непосредственно от бывших фронтовиков¹. Однако в коллекциях центральных архивов и музеев порой достаточно сложно вычленить письма, поступившие непосредственно от жителей Северного Кавказа, что затрудняет их использование в качестве источников непосредственно по данной теме.

Немало воспоминаний жителей Северного Кавказа, касающихся событий 1920–1940-х гг., было опубликовано в советское время, но содержащаяся в них информация, темы и сюжеты, способы отбора фактов и их интерпретации достаточно типичны. Так, ветераны Великой Отечественной войны в своих воспоминаниях в основном описывали фрагменты боевого пути собственных воинских подразделений, а не личные переживания, которые считались менее

¹ РГАСПИ. Ф. М-33.

значимыми для потомков. Широкое распространение получила литературная обработка воспоминаний, при которой профессиональные писатели и журналисты придавали связность и новый смысл записям мемуаристов, превращаясь фактически в их соавторов. В результате опубликованный текст мог в значительной степени отличаться от первоначального, отражая официальную точку зрения на то, какой *должна* быть «правда» истории.

В этой связи показательна неудачная попытка К.С. Симонова создать архив военных мемуаров. В начале 1979 г. он обратился с письмом в ЦК КПСС, в котором отметил историческую ценность воспоминаний о войне как «человеческих документов эпохи». Писатель трезво оценивал ситуацию (отсутствие авторитетного хранилища для воспоминаний участников войны, невозможность публикации многих из них по литературным соображениям), а его предложение не выходило за рамки существовавшей практики: создать отдел при ЦАМО РФ¹. Поначалу к предложению К.С. Симонова отнеслись положительно два отдела ЦК КПСС и Главное архивное управление при Совете министров СССР. Однако Генеральный штаб Вооруженных сил СССР и Главное политическое управление Советской армии и Военно-морского флота признали нецелесообразным создание данного отдела. В подготовленном ими письме говорилось о том, что в воспоминаниях содержатся субъективные оценки войны, в силу чего они не могут рассматриваться как документальные источники, выражались опасения, что «бесконтрольное использование собранных материалов» приведет к «нежелательным последствиям», указывалось на необходимость «контроля» Военного издательства за выходом мемуаров².

Как осуществлялся данный контроль, видно из публикации мемуаров Г.К. Жукова, в которые «добавили» эпизод о прибытии маршала в расположение 18-й армии. Здесь он якобы выразил сожаление, что не застал начальника политотдела армии Л.И. Брежнева, находившегося в тот момент на Малой земле, чтобы «посоветоваться» с ним по вопросу, «выдержат ли советские воины испытания, выпавшие на их долю» на этом плацдарме³. В то же время из мемуаров «выпал» ряд эпизодов, связанных, например, с оценками роли

¹ О попытке К. Симонова создать архив военных мемуаров // Отечественные архивы. 1993. № 1. С. 66–67.

² Там же. С. 70–71.

³ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С. 464.

И.В. Сталина в войне. Существенно «приглаженными» были и значительно реже издававшиеся воспоминания рядовых солдат и командиров. Лишь в последние годы стали выходить воспоминания, в большей степени передающие личные впечатления участников войны и более свободные в своих оценках, что повышает их информативную значимость для исследователей.

Во всех мемуарных источниках, включая воспоминания, и дневники, события осмысливаются на основе собственного, личного опыта автора. При этом воспоминания излагают авторские впечатления об уже завершившихся событиях, а в дневниках они фиксируются в самом ходе их свершения. Поэтому воспоминания и дневники несколько различаются по отбору фактов, способам их изложения, характеру обобщений. Если воспоминания обычно рассчитаны на публикацию, то дневники являются записями более интимного характера. Считается, что дневники обладают более высокой степенью достоверности, чем воспоминания. В то же время жанровую принадлежность отдельных произведений порой трудно однозначно определить, грань между ними достаточно подвижна: «фиксируя настоящее, дневниковые записи возникают как ближайшее, непосредственное отражение и осмысление событий сегодняшнего дня, и в то же время они всегда в какой-то степени воспоминание о них, уже ушедших в прошлое»¹.

Эпистолярные материалы (частная переписка) близки к мемуарам, и в то же время сохраняют свои особенности как вид исторических источников. Прежде всего, письма имели другое функциональное назначение, в отличие от мемуаров: они фиксировали информацию с целью ее передачи от автора (корреспондента) адресату. По мнению ряда отечественных исследователей, письма «являются едва ли не наиболее информативным и достоверным источником по проблемам духовной жизни советского общества в годы войны»². Действительно, большинство воспоминаний записаны после войны, а дневники в советском обществе, особенно в военные годы, вообще не было принято вести, их количество незначительно. Однако не следует забывать и о влиянии советского режима на переписку советских граждан, «всегда осознававших тот внутренний

¹ Житомирская С.В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 43.

² Кожурин В.С. Народ и власть (1941–1945 гг. Новые документы). М., 1995. С. 8.

порог, далее которого отступать нельзя»¹, а также о жестких цензурных ограничениях военного времени.

В комплексе писем, являющихся источниками по истории Северного Кавказа в 1920–1940-е гг., можно выделить несколько групп. Во-первых, это коллективные письма, выступавшие своеобразной формой взаимодействия между властью и обществом. Например, в годы Великой Отечественной войны от имени личных составов подразделений и частей такие письма часто поступали землякам, трудящимся краев, областей, городов и районов, в местные органы власти и редакции центральных и региональных газет. К ним же относятся и письма родителям героев, совершивших подвиги на фронте. В свою очередь, на фронт шли коллективные письма от жителей различных населенных пунктов, работников отдельных предприятий и учреждений. Именно коллективным письмам отдавался приоритет при публикации документальных сборников в прежние годы. Однако они имеют публичный характер и характеризуют прежде всего советскую пропаганду военных лет.

Во-вторых, это письма, жалобы, заявления, доносы, обращения граждан в различные советские и партийные инстанции и печатные издания. Они хранятся в фондах соответствующих органов, ведомств и учреждений в различных архивах. К ним примыкают письма, обращенные лично к И.В. Сталину, М.И. Калинину, другим советским руководителям. Данной категории источников ранее уделялось недостаточно внимания, лишь в последние годы они стали предметом специального изучения историков, рассматривающих их как своеобразную форму диалога общества и государства в условиях отсутствия иных, демократических форм взаимодействия, как «форму реализации властного контракта»². Действительно, «письма во власть» отражают не только уровень жизни населения и его представления, но и особую политическую культуру страны.

Наконец, это личные письма граждан. Наибольшую известность получили письма фронтовиков, нередко издававшиеся в качестве специальных сборников³. Многие письма с фронта и на фронт достаточно типичны, и не только из-за влияния цензуры, но

¹ Кожурин В.С. Указ. соч. С. 8.

² Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М., 1998. С. 6–7.

³ Письма с фронта. 1941–1945. Краснодар, 1983; Огненные строки. Письма с фронта и на фронт 1941–1945 гг. Ставрополь, 1985 и др.

и в силу специфики формирования массового сознания советского общества. Другие, напротив, отражают личные качества корреспондентов. В то же время, по мнению современных исследователей, «зачастую наиболее яркие письма совсем не выражают общих настроений населения, а массив типичных обращений скрывает наиболее характерные черты массового сознания»¹.

Использование писем как исторических источников имеет ряд особенностей. Наиболее перспективным считается изучение крупных комплексов подобных источников. Именно тогда исследователь получает самые значительные возможности для реконструкции духовной жизни советского общества, массового сознания и материального положения жителей Северного Кавказа. При этом важную роль в оценивании значимости содержащейся в письмах информации играет определение не только авторства текста, но и установление личности адресата письма. Встречающиеся в письмах личные подробности также накладывают особую ответственность и на публикатора, и на исследователя. По словам В.С. Кожурина, «по прошествии определенного времени история приобретает собственные права, позволяющие ей вторгнуться в личную жизнь человека»². Однако с этим согласны далеко не все исследователи и архивисты.

Таким образом, история Северного Кавказа в 1920–1940-е гг. нашла широкое отражение в различных документах и материалах. Корпус источников позволяет проанализировать структуру и кадровый состав органов власти и управления, общественных организаций, основные направления их деятельности, административно-территориальные изменения в регионе, развитие промышленности, сельского хозяйства, транспорта, капитального и дорожного строительства, торговли и кооперации, вопросы землепользования и землеустройства, заготовок, сбыта, снабжения, коммунального хозяйства, бытового обслуживания и трудоустройства населения. Источники характеризуют духовную жизнь и массовое общественное сознание, вопросы развития здравоохранения, образования, науки и культуры в регионе и другие проблемы. В то же время система существующих архивных фондов отражает особенности советской системы управления, в частности отсутствие четкого разделения компетенции и функций между отдельными органами власти, наличие сильной централизации, приоритет партийных инстанций.

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002. С. 4.

² Кожурин В.С. Указ. соч. С. 10.

В результате решения государственных и партийных, центральных и региональных органов нередко дублировались, не всегда облекались в соответствующую правовую форму.

Дальнейшие перспективы в развитии источниковой базы тесно связаны не только с вовлечением в научный оборот все новых документов, но и с использованием иных исследовательских подходов, современных методик анализа источников. В числе других перспективных методов изучения источников официального и личного характера следует указать, наряду с традиционным источниковедческим анализом, контент-анализ, количественные методы обработки исторической информации, которые пока еще недостаточно используются региональными исследователями¹. Новые возможности для исследователей предоставляют и электронные ресурсы. Компьютерные технологии все более широко используются в учете, систематизации и описании архивных и музейных документов. Создание электронных архивов и баз данных, оцифровка документов и описей позволяет уже в ближайшем будущем обеспечить возможности дистанционного доступа исследователей к ним через компьютерные сети.

§ 4.3. Возможности устной истории: опыт использования устных источников в изучении Великой Отечественной войны

Устная история относится к числу молодых, но чрезвычайно быстро развивающихся исследовательских направлений в отечественной науке. В то же время ее истоки уходят далеко в прошлое. Передаваемые из поколения в поколение устные предания предшествовали письменной истории, являясь самой ранней формой отражения исторического сознания общества. С появлением письменности древнегреческие мифы, скандинавские саги и русские былины продолжали оставаться ценными свидетельствами о прошлом. Однако в XIX в. интерес историков к устным преданиям по-

¹ В качестве одного из немногих примеров использования метода контент-анализа при изучении фронтовых писем см.: Момотова Н.В., Петров В.Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2.

степенно угас, чему в немалой степени способствовало появление позитивистской историографии с ее культом факта и письменного документа, представители которой воспринимали устные источники как неправдоподобные.

В качестве самостоятельного направления в исторической науке, основанного на использовании устных источников, устная история сформировалась уже после Второй мировой войны. Именно тогда возникло и само английское понятие «oral history», буквально переводимое на русский язык как «устная история». Считается, что его впервые ввел в 1948 г. профессор Колумбийского университета А. Невинс, понимавший под ним сбор и использование воспоминаний участников исторических событий.

Впоследствии данному термину придали расширительную трактовку, обозначая им и различные виды устных свидетельств о прошлом, и исследования, написанные на их основе. Поэтому его употребление вызывает обоснованные возражения в связи с неточностью и двусмысленностью. Так, Д.П. Урсу считает, что термин «устная история» нельзя признать удачным, поскольку сама грань между устной речью и записанным словом достаточно условна: «Куда, например, отнести устные показания участников тех или иных событий, дошедшие до современности только в записи?»¹. И совсем абсурдным он полагает использование понятия «устная историография». В то же время исследователь признает, что «пока трудно найти более удачное слово, чтобы обозначить тот массив разнообразных источников, где информация облечена в словесно-речевую форму, мало или вовсе не фиксируется письменностью»².

Ряд зарубежных авторов: Д. Арон-Шнаппер (Франция), Д. Шварцштайн (Аргентина), М. Виланова (Испания) — считают более предпочтительными понятие «устные источники» или выражение «история в устных источниках»³. Многие российские историки также предлагают использовать традиционное для отечественной науки понятие «устные источники» или по крайней мере сводят к

¹ Урсу Д.П. Методологические проблемы устной истории // Источниковедение отечественной истории, 1989. М., 1989. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Современная мировая историческая наука: информационно-аналитический обзор (по материалам XVIII Международного конгресса историков и X Международной конференции «История и компьютер», Монреаль, август-сентябрь 1995 г.). Минск, 1996. С. 188.

его значению смысл понятия «устная история», расходясь в определениях последнего. С.О. Шмидт отмечал, что в современном понимании устная история представляет собой «записанные на магнитную пленку свидетельства участников и очевидцев событий». При этом он понимал под устной историей не любую устную речь (например, магнитофонные записи судебных заседаний или ученых советов), а зафиксированные специалистами свидетельства с целью получения и сохранения исторической информации¹. А.Я. Гуревич определил устную историю как «запись того, чему свидетелями были те или иные лица, не обязательно профессиональные историки, но, прежде всего, рядовые участники исторического процесса, на памяти которых происходили события не только их личной или групповой жизни, но и большой истории»².

Отдельные авторы подменяют термин «устная история» понятиями «устные свидетельства», «фоноисточники» и «устные исторические традиции». Действительно, понятия «устные источники» и «устные свидетельства» можно считать синонимичными: любой исторический источник представляет собой прежде всего свидетельство о прошлом. Понятие «фоноисточники» акцентирует внимание на том, как сохраняется устная речь: чтобы превратиться в исторический источник, она должна быть зафиксирована тем или иным образом. Устные источники в данном случае противопоставляются письменным именно исходя из способа передачи информации. Все эти понятия вполне применимы, но не отражают специфики устной истории как определенного научного направления.

По-видимому, целесообразно сохранить за устной историей данное значение, подразумевая под ней особый вид исследований, с характерными для него не только источниками, но и предметом, задачами и методами изучения. В то же время понятия «устные источники», «устные свидетельства», «фоноисточники» сохраняют собственные устоявшиеся значения. Понятие же «устные исторические традиции» характеризует лишь один из видов устных источников, поэтому не может использоваться ни для обозначения всей их совокупности, ни тем более в качестве синонима термина «устная история». Разумеется, устная история невозможна без использования устных источников, но в настоящее время многие исследователи — сторонники

¹ Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 314.

² Гуревич А.Я. Апории современной исторической науки: мнимые и подлинные // Одиссей. Человек в истории. 1997. М., 1998. С. 234.

данного направления — привлекают и другие материалы. Очевиден «междисциплинарный характер устно-исторического направления, во многом придающий ему жизненную силу и важность»¹.

Формирование устной истории как особого научного направления было связано с развитием способов фиксации устной речи — появлением сначала стенографии, позже фонографа, магнитофона и другой звукозаписывающей аппаратуры (по образному выражению одного из исследователей, устная история — «дочь современной научно-технической революции»²). Свою роль сыграли и методологические поиски в историографии, находившиеся под влиянием философии экзистенциализма, постмодернизма, социальной истории. Кроме того, многие радикальные представители послевоенного поколения историков видели в устной истории своеобразный протест против «застывшей» академической истории, основанной на письменных источниках³.

Первые записи устных свидетельств о Великой Отечественной войне были сделаны в СССР непосредственно в военное время. В январе 1942 г. была создана Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР с задачей сбора и публикации материалов о действующих боевых частях, партизанских соединениях, героическом труде советских людей на фронте и в тылу⁴. Ее сотрудники выезжали на фронт, в госпитали, приглашали к себе участников войны — командиров и рядовых, партизан и хозяйственных руководителей. Всего ими было собрано несколько десятков тысяч таких свидетельств, около четырех тысяч в настоящее время содержится в Научном архиве Института российской истории РАН, многие до сих пор не вовлечены в научный оборот⁵.

¹ Томпсон П. Голос прошлого. Устная история. М., 2003. С. 11.

² Урсу Д.П. Указ. соч. С. 16.

³ См.: Кричко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Майкоп, 2001. Вып.3 и др.

⁴ Возникла в январе 1942 г. на базе Комиссии по составлению хроники обороны Москвы. Председателем Комиссии стал начальник Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) профессор Г.Ф. Александров (затем — член-корреспондент АН СССР И.И. Минц). В состав комиссии вошли академик Е.М. Ярославский, член-корреспондент АН СССР М.Б. Митин, профессор Е.Н. Городецкий, редактор «Правды» П.Н. Поспелов, другие ученые, государственные и общественные деятели.

⁵ См.: Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (организация и методика собирания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М., 1974.

В сборе устных источников участвовали и другие организации и учреждения. В июле 1942 г. возникла Комиссия при ЦК ВЛКСМ, собиравшая сведения для организации выставки «Комсомол в Отечественной войне». В октябре 1943 г. она была передана в состав отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ. В подготовленных комиссией инструктивных материалах отмечалась необходимость «записать рассказы отличившихся молодых рабочих, бригадиров фронтовых молодежных бригад, руководителей предприятия, партийных руководителей. Эти записи рассказов и воспоминания будут являться большой ценностью, так как они отразят важные события, которые через некоторое время могут быть забыты». Серьезное внимание уделялось достоверности собираемых материалов, от сотрудников комиссии требовалось проверять факты, указывать, с чьих слов и кем записывались рассказы, фамилию, возраст и место жительства рассказчиков. При этом указывалось: «Совершенно не следует подвергать обработке документы (дневники, письма, воспоминания, протоколы, резолюции, обращения и т.д.), вносить в них исправления»¹.

Комиссии по сбору материалов периода Великой Отечественной войны были также созданы в ВЦСПС, при различных наркоматах и ведомствах. Сотрудники Института этнографии АН СССР организовали экспедиции в действующие части Красной армии и освобожденные от противника районы страны. Для систематического сбора фронтовых материалов в государственных архивах и музеях возникли специальные отделы Отечественной войны. 1–3 июня 1943 г. в Москве проходила Всесоюзная конференция историков-архивистов, наметившая обширную программу сбора и публикаций документов по истории Великой Отечественной войны. Выступая на ней, А.Н. Толстой заявил: «Нужно собирать письма, идущие с фронта, нужно собирать дневники, нужно собирать по возможности рассказы очевидцев, записывать, отдавать в архив»².

Записи рассказов очевидцев проводились прежде всего с пропагандистской целью, собранные материалы публиковались в газетах, издавались отдельными брошюрами. Рассказы о зверствах немцев были призваны разжигать ненависть к врагу, сведения о подвигах советских

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 309. Л. 52.

² Цит. по: Мамонов В.М. О собирании документов личного происхождения государственными архивами СССР // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1980. С. 4.

солдат, партизан и подпольщиков — крепить боевой дух и веру в победу. В 1942 г. из рассказов детей, находившихся на оккупированной территории, был составлен сборник «Слушай нас, Родина!». За исключением нескольких текстов, посвященных погибшим пионерам-героям, основную часть сборника составляют автобиографические рассказы об ужасах немецкой оккупации. Несовершеннолетние авторы описывали казни, пытки и грабежи советских граждан, перенесенные ими моральные и физические страдания, голод и холод¹.

Сразу после войны ЧГК СССР осуществляла опрос репатриантов с целью «поименного учета немецких рабовладельцев, виновных в эксплуатации и истязании советских граждан, для привлечения их к суду, а также для предъявления немецким захватчикам иска на возмещение затрат, произведенных на лечение и выплату пенсий советским гражданам в связи с утратой ими трудоспособности в немецкой неволе»². В настоящее время опросные листы «для возвратившихся на Родину из германской неволи» хранятся в фонде ЧГК в ГАРФ³. Среди лиц, заполнявших данные листы, было немало и жителей Северного Кавказа, добровольно или принудительно отправившиеся на работу в третий рейх⁴.

Задачи и условия проведения опроса, сами формулировки вопросов навязывали респондентам соответствующие ответы. Тем не менее опросные листы «восточных рабочих» сохраняют свое значение в качестве исторических источников, зафиксировавших особенности формирования представлений о работе советских граждан в третьем рейхе. Их анализ в частности позволяет судить о том, какие именно сюжеты превращались в своеобразные «фигуры умолчания» (например, участие в производстве военной продукции, случаи доброжелательного отношения со стороны хозяев) или, напротив, открыто излагались⁵.

¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 32. Д. 95.

² ЦДНИКК. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 167. Л. 21.

³ ГАРФ. Ф.Р-7021.

⁴ Так, в описи 16 содержатся материалы по Краснодарскому краю: в делах 550 и 551 — опросные листы на репатриированных граждан из немецкой неволи в Краснодар, в делах 561 и 562 — в Майкоп, в деле 583 — в Туапсинский район, в деле 584 — в Усть-Лабинский район. В деле 49 описи 23 — опросные листы на возвратившихся советских граждан в Грозненскую область и т.д.

⁵ См.: Кринко Е.Ф. Опросные листы несовершеннолетних «остовцев» Кубани как исторический источник // Вестник архивиста Кубани: историко-архивный альманах. Краснодар, 2008. № 3.

В 1960–1980-е гг. в записи рассказов участников войны принимали участие краеведческие и школьные музеи, ветеранские организации, фольклористы¹. Существенную роль в сборе воспоминаний сыграли Д. Гранин, А. Адамович, К. Симонов, С. Смирнов и другие писатели². Но в целом в послевоенное время интерес к устным источникам снизился, не только из-за отсутствия необходимой аппаратуры и специалистов, нехватки возможностей для расшифровки записей, обработки и анализа собранных материалов, но и потому что любые трактовки событий, отличавшиеся от официальной версии истории Великой Отечественной войны, оказывались в то время неприемлемыми. Поэтому в большинстве случаев советские исследователи «старались по возможности не афишировать обращение к практике устной истории»³. Устные сведения практически не откладывались в специализированных архивных хранилищах по истории Великой Отечественной войны, а содержание зафиксированных рассказов, как правило, сводилось к стереотипным оценкам и пропагандистским штампам⁴.

Только с 1990-х гг. начался настоящий бум устно-исторических исследований по теме Великой Отечественной войны. За миновавшие почти два десятилетия сложились целые комплексы устных источников о военном времени, многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, часть размещена в электронных СМИ. Рассказы участников военных событий в последнее время фиксируют, наряду с отдельными исследователями и рабочими группами, созданными на временной основе, специально созданные центры устной истории. Так, центр устной истории Европейского университета в Санкт-Петербурге занимается изучением отражения событий блокады в индивидуальной и коллективной

¹ Фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л., 1964; Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне. М., 1979 и др.

² В частности, К. Симонов создал серию телеинтервью с полными кавалерами ордена Славы («Солдатские мемуары»). А. Адамович и Д. Гранин записали и опубликовали рассказы сотен людей, переживших блокаду. См.: Адамович А., Гранин Д. Блокадная книга. 5-е изд. Л., 1989.

³ Шмидт С.О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Шмидт С.О. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 107.

⁴ См.: Кринко Е.Ф. Устная история: рассказы о войне // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Исторические, социально-экономические и политические науки. Майкоп, 2000. № 4.

памяти ленинградцев¹. Центр устной истории Петрозаводского государственного университета ведет сбор воспоминаний о финской оккупации Карелии². Центр устной истории Воронежского государственного педагогического университета обратился к судьбам узников немецких концлагерей³. Центр устной истории и биографии общества «Мемориал» проводит опросы среди бывших «восточных рабочих» и жертв политических репрессий. Существенные результаты достигнуты в исследовании истории оstarбайтеров в Беларуси и Украине. Немалую поддержку в сборе и публикации устных источников по Великой Отечественной войне оказывают отечественные и зарубежные научные фонды.

На Северном Кавказе еще в начале 1990-х гг. были записаны устные рассказы очевидцев немецкой оккупации, позволившие переосмыслить данную проблему, выйти на новые аспекты в ее изучении⁴. Однако в регионе до сих пор так и не создано специальных исследовательских структур, занимающихся устной историей войны, она продолжает оставаться делом отдельных энтузиастов, как правило, музейных работников, вузовских преподавателей и учителей, привлекающих к проведению опросов и обработке их результатов студентов и школьников. Как правило, их деятельность локализована в границах собственного населенного пункта и редко координируется с усилиями других исследовательских коллективов, даже работающих по сходной проблематике. Имея несомненное положительное воспитательное, дидактическое значение, позволяя приобщиться многим молодым людям к «живой истории», способствуя преодолению их отчуждения от прошлого, подобная форма организации устно-исторических исследований военной темы нередко наталкивается на значительные трудности, связанные с недостатком профессионального опыта и материальных средств. В учебных заведениях в большинстве случаев она неминуемо остается периферийным видом деятельности.

¹ Блокада глазами очевидцев. Интервью с жителями Ленинграда 1940-х гг. СПб., 2003; Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования. М., 2006.

² Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск, 2007.

³ Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в жизни и судьбе бывших заключенных: сборник статей, воспоминаний и интервью. М.; Воронеж, 2008.

⁴ См.: Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) и др.

Тем не менее появление молодого поколения исследователей, специализирующихся на использовании устно-исторических методов, расширение их контактов, постепенное совершенствование методики сбора воспоминаний способствовали реализации на Северном Кавказе в 2000-е гг. ряда устно-исторических проектов по теме Великой Отечественной войны. Они предусматривают запись и публикацию устных рассказов военного времени по нескольким сюжетным линиям, включая особенности положения советских граждан на фронте, в тылу, на оккупированной территории, а также создание электронных архивов и баз данных указанных источников. Среди исследователей, успешно работающих в данном направлении, следует отметить И.В. Реброву (Краснодар) и Е.Н. Стрекалову (Ставрополь)¹. Методы устной истории при изучении событий Великой Отечественной войны широко используют и другие историки.

В развитии устной истории Великой Отечественной войны можно выделить два направления, связанные с использованием разных видов источников, различными целями исследований и характером решаемых задач. Первое выражается в интервьюировании непосредственных участников и очевидцев событий военного времени. При этом в своих воспоминаниях информаторы порой опираются не только на свою память, но и на сохранившиеся у них документы, фотографии и другие материалы семейных архивов. Данный вид устных источников позволяет уточнить картину отдельных событий, что немаловажно при отсутствии иных свидетельств, а иногда и способствует пониманию исследователем самой сути происходивших процессов. Например, беседа с маршалом Ф.И. Голиковым, возглавлявшим перед войной Главное разведывательное управление, во многом помогла А.И. Некричу в середине 1960-х гг. предложить новую трактовку событий начального периода войны². Публикация записи ответов П.К. Пономаренко на вопросы руководителя Центра военной истории России Института российской истории РАН Г.А. Куманева способствует прояснению процесса создания руководящих органов партизанским движением в годы войны. П.К. Пономаренко — бесценный начальник Центрального штаба партизанского движения в 1942–1944 гг. — сообщил свиде-

¹ См.: Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб., 2008 и др.

² Некрич А.И. 1941, 22 июня. 2-е изд. М., 1995. С. 250–256.

ния, характеризующие отношение И.В. Сталина, других советских руководителей (Н.С. Хрущева, Л.П. Берии) к этому вопросу¹.

Обращение к данному виду устных источников позволяет выявить их отличие от опубликованных мемуаров и дневников. Если последние представляют собой своеобразный диалог автора со временем, в котором сам автор определяет круг рассматриваемых вопросов и уровень их освещения, то устные источники создаются полноправными соавторами — информатором и интервьюером. Последний не является пассивным участником беседы, а направляет ее ход, разрабатывает программу интервью. Как писал А.Г. Тартаковский, «лицо, записывающее рассказ очевидца, ориентирует его на определенный комплекс тем и сюжетов, как бы “программирует” память, активизируя ее в отношении одних сторон прошлого и оставляя пассивной относительно других, а это еще более усиливает избирательный характер проявления памяти рассказчиков»².

В последнее время наряду с воспоминаниями известных полководцев, государственных руководителей, выдающихся ученых и деятелей культуры, исследователи все чаще обращаются к рассказам «обычных» людей, рядовых очевидцев событий военных лет. Они имеют меньше возможностей для документирования своих рассказов, которые в результате оказываются менее точными в изложении конкретных исторических фактов. Однако содержание данных рассказов позволяет ответить на вопросы о жизни и представлениях участников войны. Способствуя переосмыслению сложившихся оценок, устные свидетельства «перерастают» рамки дополнительных материалов, превращаясь в альтернативный источник знаний о событиях военного времени.

Так, В.А. Дьячков на основании изучения воспоминаний сельских жителей Тамбовской области пришел к выводу о единодушии деревни «в своей памяти о войне». В разрез с устоявшимся в историографии положением о всеобщем массовом патриотическом подъеме зафиксированные им рассказы «исключают добровольность и инициативу колхозников в сдаче денежных средств» для фронта, деньги собирались по разнарядке. Да и на войну, в военные училища стремились лишь юноши 15–16 лет. В то же время деревня осуждала и дезертирство, хотя на «своих» дезертиров

¹ См.: Отечественная история. 1998. № 5–6.

² Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С. 62.

не доносили, опасаясь мести со стороны родственников. В целом война осталась в памяти тамбовских крестьян как тяжелое и голодное время, когда основными продуктами питания стали молоко, лебеда, конский щавель, желуди, гнилая картошка. Тем не менее деревня безропотно вынесла все тяготы военного времени, внося свой вклад в дело победы¹.

Особенно драматичны воспоминания очевидцев, переживших оккупацию. В памяти многих советских граждан запечатлелись издевательства над военнопленными, бесцеремонное поведение оккупантов, насилие и грабежи. «Плохо жилось нам, пока были немцы», «народ был как в аду» — звучит, например, лейтмотивом в рассказах детей из подмосковных деревень, записанных 1941 г. В отношении к врагу в них преобладают выражения «вшивые собаки», «озверелые бандиты», «проклятые варвары», «не люди, а звери»². Не столь однозначны суждения другой жительницы Подмосковья, также пережившей оккупацию в школьном возрасте: «Немцы были разные люди. Однажды немецкий солдат пришел к нам в избу, отрезал большой ломоть хлеба, намазал маслом и протянул детям. А были случаи, когда фашист отнимал у ребенка ложку и пожирал его немудреную еду сам». «Наши тоже на поверку оказались разные», — утверждает тот же очевидец³.

«Пришли и ушли без зла», «не обижали», «не зверствовали» — так характеризовали действия оккупантов жители поселка Краснооктябрьского Майкопского района. Им запомнились случаи угощения хлебом и конфетами со стороны немецких солдат, их защита от произвола местных полицейских. В памяти остались и факты уничтожения продовольственных складов отступавшими советскими войсками — «а могли ведь и жителям раздать». В то же время жители этого поселка, как и многих других населенных пунктов страны, «наших все равно ждали»⁴. Красноармейцы оставались «своими»,

¹ Дьячков В.А. Тамбовская деревня в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям современников — сельских жителей) // Вторая мировая война, Великая Отечественная война советского народа — по архивным документам: Тезисы докладов и научных сообщений участников конференции. М., 1995. С. 69–72.

² Неизвестная Россия. XX век. Книга четвертая. М., 1993. С. 366–384.

³ Судьба войны в судьбе народа. Социально-психологическое исследование студентов ИАТЭ (1975–1990 гг.) по теме «Великая Отечественная война». Обнинск, 1990. С. 54–55.

⁴ Личный архив автора. Воспоминания Л.В. Есипенко, 1928 г.р., Р.П. Пихтиревой, 1930 г.р., Е.А. Трепет, 1928 г.р., В.И. Шиловой, 1912 г.р. записаны в поселке Краснооктябрьском Майкопского района Республики Адыгея 7 июля 1994 г.

а немцы и другие оккупанты — врагами, «чужими», даже если по отношению к ним угасали страх и ненависть.

Подобные оценки вплоть до недавнего времени не приводились в работах отечественных исследователей военной темы, так как «не вписывались» в устоявшуюся характеристику оккупации как режима насилия и террора. Достаточно противоречивы порой очевидцы и в своих оценках партизанского движения. Если его участники рассказывают о своих боевых успехах, тесных связях и взаимопомощи партизан и населения, то встречаются и противоположные оценки. Так, «не заметили» партизанских действий в поселке Краснооктябрьском Майкопского района. По словам одной из его жительниц, «в партизаны пошли в основном партийные», нагрузив подводы продовольствием. В поселке они появились уже после отступления немцев¹. Эти суждения совпадают с рассказами, записанными О.В. Матвеевым в Северском районе Краснодарского края: «Когда уже почувствовали, что наши отступают, так воны туда (в горы) и мясо и скот отправили, у Дербентку, и мед отправили, и муки отправили, и там жили партизаны, роскошувалы»².

Различия в приведенных оценках очевидцев объясняются многими факторами, которые можно разделить на две группы. Во-первых, конкретными обстоятельствами оккупации того или иного региона: сроком, общей ситуацией на фронте, тем, как справлялись со своими обязанностями местные власти и т.п. По-разному могли вести себя оккупанты: немцы, румыны, итальянцы и другие их союзники; постоянно расквартированные тыловые части, сменяющие друг друга по пути на фронт военные команды или полицейские и карательные отряды. Не везде и не всегда партизаны активно сотрудничали с местным населением, а порой их действия противоречили его интересам (например, осуществлявшаяся в некоторых местах тактика «выжженной земли»). Во-вторых, реальность по-разному преломлялась в сознании разных людей. Это не означает, что кто-либо из очевидцев сознательно искажает картину событий военных лет. Самой человеческой памяти присущ избирательный характер. Поэтому и те и другие свидетельства остаются ценными

¹ Личный архив автора. Воспоминания В.И. Шиловой.

² Матвеев О.В. Меморатный пласт устной истории кубанского казачества // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1997 год. Дикаревские чтения (4). Белореченск, 1998. С. 9.

и равноправными источниками, позволяющими реконструировать определенные фрагменты действительности.

Еще более различаются мнения людей, находившихся во время войны на фронте, в тылу или в лагере военнопленных; в Белоруссии, Прибалтике или в Сибири. Все это позволяет сделать вывод о том, что глобальные оценки, отражающие в целом ход событий, не всегда находят подтверждение на конкретном материале. Тем самым устная история способствует выходу исследований войны на новый уровень осмысления темы, «расщепляя» общую картину на отдельные сюжеты, связанные с судьбой того или иного населенного пункта, города или села, отдельной семьи или человека в годы войны. Речь идет не просто о дополнении истории войны «малозначительными» деталями при помощи новых источников, а о появлении нового подхода к ее пониманию. Суть его сводится к изменению направленности исследований, в центре которых оказывается не война как некий исторический феномен, а ее влияние на жизнь человека.

К сожалению, с уходом из жизни людей, переживших войну, были безвозвратно утрачены многие ценные свидетельства о ней. В данной связи особое значение имеет обращение к воспоминаниям поколения, пережившего войну в детском возрасте. В настоящее время именно «дети войны» остаются фактически единственной группой, чьи воспоминания относительно репрезентативны, но и они постепенно становятся «уходящим поколением», с исчезновением которого завершится эпоха прямых свидетельств о событиях 1941–1945 гг.¹

Не менее перспективным представляется другое направление устной истории, связанное с использованием коллективных источников устного происхождения (фольклорных произведений, песен, народных рассказов, частушек, сказок, анекдотов, пословиц, слухов и других). Их особенность заключается в том, что информатор

¹ Проблемам формирования и эволюции памяти «детей войны» посвящен научно-исследовательский проект «Трансформация коллективной памяти о Великой Отечественной войне в воспоминаниях детей военного времени (1940-е — 2000-е гг.)», осуществлявшийся при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (руководитель — А.Ю. Рожков, участники — Е.Ф. Кричко, И.В. Реброва, Е.Н. Стрекалова, И.В. Юрчук). Его цель заключалась в реконструкции, анализе и интерпретации механизмов и моделей трансформации коллективной памяти о Великой Отечественной войне поколения, пережившего войну в детском возрасте, в динамике с 1940-х гг. по настоящее время.

часто не является непосредственным участником происходивших событий, его может даже разделять с ними солидный временной промежуток, при этом эмоциональный накал восприятия событий в подобных произведениях с течением времени угасает. С уходом последнего поколения, еще помнившего войну, их ценность как исторического источника особенно возрастает.

Значительную роль в сборе данных источников сыграли этнографы и фольклористы. Однако их исследовательские задачи обычно отличались от тех, которые ставят перед собой историки. Между тем в песнях и других фольклорных произведениях отразились переживания людей во время войны и их эволюция. Неслучайно, что в различные периоды войны получали распространение разные песни, наиболее точно отражавшие настроения и чувства советских людей. В 1941 г. это была «Напрасно старушка ждет сына домой...», в 1942 г. — «Землянка», в 1943 г. — «Темная ночь», в 1944–1945 гг. — «Хороша страна Болгария...», «Эх, кабы дожить бы до свадьбы-женитьбы...» и т.д.¹ Использование песенного и поэтического фронтового фольклора в качестве одного из главных видов источников позволило Е.С. Сениявской реконструировать духовный облик фронтового поколения как особой социальной группы².

Следует отметить, что рассматриваемые источники создают чрезвычайно обобщенную и образную картину прошлого. Даже в произведениях народного творчества, посвященных реальным героям, создавался собирательный образ, сочетавший как индивидуальные, так и типические черты. Многие фольклорные произведения в годы войны создавались в традиционных жанровых формах, наполнявшихся новым содержанием. Нередко тема или музыкальный строй старой песни становились основой для нового произведения. Так, распространенный на Кубани среди казаков-некрасовцев плач «Дитятка моя полоненная» был создан на основе старинного свадебного причета, исполнявшегося обычно матерью невесты перед свадьбой. Но если в причете мать призывала дочь к покорности у «чужих людей», то новый плач был построен на принципе антитезы-отрицания: мать советовала советской девушке, попавшей в немецкий плен, не исполнять желаний врагов, не

¹ См.: Песков В. Война и люди. М., 1979. С. 164.

² Сениявская Е.С. 1941–1945. Фронтовое поколение (историко-психологическое исследование) и др.

быть им послушной, помнить о своем народе¹. Модернизированный вариант старой некрасовской песни «Аскер-девка» получил название «Как девка на войну ходила». В других случаях менялись только некоторые стихи или даже слова. Наконец, создавались и совершенно самостоятельные произведения.

Осмысление событий в фольклорных произведениях принимает художественную форму. Враг сравнивается в них с образами, отражающими зло: «идолище поганое», «антихрист», «Змей-Горыныч», «Змей-Тугаринин». Однако масштабы насилия и ненависти на оккупированной территории СССР превзошли даже эти эпические образы зла, казавшиеся на их фоне слишком бледными. Поэтому в песнях для усиления впечатления употребляются выражения: «Будь ты трижды проклят, Гитлер!», «Будь ты тысячу трижды проклятый!»². В пословицах и поговорках, появившихся в годы войны, захватчиков сравнивают со злыми экзотичными животными (псом, волком, верблюдом), представителями нечистой силы как существами иного, запредельного понимания мира (вампиром, чертом, сатаной). Нередко использовались и прямые ругательства (мошенник, бандит, пройдоха, подлец, пугало, урод)³.

Содержат фольклорные произведения и мифологические элементы. В этом отношении показательны народные рассказы, записанные в Курганской области, в которых отразилось ожидание войны. Несмотря на бодрый тон предвоенной пропаганды в СССР в народном сознании ощущалась тревога. При этом предсказания о грядущих потрясениях, пролитой крови, смерти родных и близких, несобранном урожае вкладывались в уста белого, как лунь, старичка, женщины в прозрачном одеянии и других мифических персонажей, неизвестно откуда появлявшихся и также неизвестно куда затем исчезающих⁴. По мнению специалистов, данные рассказы близки к глубинным пластам народной культуры, восходят к языческим и религиозным корням русского национального сознания⁵.

¹ Песни и сказки. Фольклор казаков-некрасовцев о Великой Отечественной войне. Ростов-на-Дону, 1947. С. 8–9.

² Там же. С. 14.

³ См.: Партизанские пословицы и поговорки. Курск, 1958.

⁴ Спустя полвека. Народные рассказы о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1994. С. 8–10.

⁵ Там же. С. 6.

В последние годы в профессиональной среде постепенно преодолевается прежнее предубеждение против устных источников, основанное на представлении об их «особой» субъективности. Собственно говоря, любой исторический документ, будучи продуктом своего времени, несет на себе отпечаток определенной эпохи и потому субъективен. Более того, многие письменные документы порой создавались и уничтожались именно с целью сознательной фальсификации или сокрытия определенной информации. Поэтому степень достоверности любого источника должна определяться применительно к каждому конкретному случаю. Д.П. Урсу утверждал, что устные источники вовсе не являются источниками «второго сорта», а требуют к себе «такого же серьезного, строго научного отношения, как и все остальные документальные основания исторического исследования»¹. О том же писал и Л.Н. Пушкарев: «Нет и не может быть оказано предпочтения одному источнику перед другим только потому, что один источник — это акт, а другой — рассказ современника»².

Разумеется, проводя опросы и стремясь выявить интересующую его информацию, исследователь стремится актуализировать память информатора в определенном направлении. Но практически также действует и исследователь, работающий с любыми другими документами. Он заставляет «говорить» одни из них и отбрасывает то, что считает ненужным. Отбор и интерпретация фактов во многом определяются подходами и концепциями исследователя. Анализ любого источника — устного или письменного, официального или неофициального — требует учитывать историческую обстановку его создания, личные особенности автора, степень его предвзятости и информированности.

Необходимость серьезной исторической и источниковедческой критики не умаляет значения устных свидетельств. Обращение к устной истории способствует переосмыслению ряда устоявшихся в историографии положений и оценок, дает возможность услышать голоса «простых людей», которые прежде не являлись предметом специального исторического исследования³.

¹ Урсу Д.П. Указ. соч. С. 21.

² Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М., 1975. С. 228.

³ Никитина Д. Проблемы устной истории на VII Международной конференции // История СССР. 1990. № 6. С. 126.

В то же время в развитии устной истории Великой Отечественной войны в настоящее время существует немало проблем. Перспективы дальнейшего становления данного направления тесно связаны с совершенствованием методики и техники сбора устных источников. Фиксация воспоминаний широкого круга лиц требует наличия соответствующей записывающей аппаратуры, квалифицированных сотрудников, подготовленных к проведению опросов, расшифровке полученных сведений, обобщению итоговых результатов. Научно-технический прогресс способствует тому, что средства записи становятся доступными даже для «рядовых» исследователей. Историки приобретают навыки составления программ и планов опросов, их организации и проведения, умения «разговорить» собеседника, направить беседу в нужное русло. Получающаяся все более широкое распространение практика аутентичных записей позволяет передать не только содержание рассказов, но и их эмоциональный фон, поведение интервьюера и интервьюируемого. В то же время программы проводимых исследований нередко различаются, а их масштабы, как правило, невелики, обычно охватывают по несколько десятков человек. Для разработки и реализации масштабных проектов требуются усилия более крупных исследовательских коллективов, с выработкой единой программы и инструментария опросов.

Серьезной проблемой является хранение и использование уже имеющихся и создаваемых комплексов устных источников. Прежде воспоминания и рассказы военных лет фиксировались на магнитной пленке, на катушках, аудио- или видеокассетах. Обеспечить для данных записей соответствующие условия (от поддержания особого температурного режима до каталогизации), позволяющие одновременно решать вопросы их сохранности и доступности для исследователей, под силу только учреждениям, располагающим для этого необходимыми средствами, материальной и кадровой базой. В настоящее время используется прежде всего цифровая запись, но стремительное совершенствование техники ставит вопросы о выборе ее формата и носителя, поскольку они могут оказаться «нечитаемыми» аппаратурой следующего поколения.

Практически недоступными для других исследователей остаются частные коллекции звукозаписей, принадлежащие как отдельным лицам, так и ряду образовательных и научно-исследовательских учреждений. Подобные коллекции находятся всецело в распоряже-

нии своих владельцев, желания и возможности которых определяют порядок использования данных источников, что крайне ограничивает возможности их вовлечения в научный оборот.

Следует учитывать и ответственность исследователя перед информатором, в ряде случаев — необходимость сохранения конфиденциальности полученных сведений. Поэтому достаточно перспективным представляется создание виртуальных архивов и электронных баз данных, использование которых должно опираться на четкую правовую основу. Она призвана урегулировать и закрепить правоотношения респондентов и интервьюеров, владельцев и пользователей информации по всему комплексу вопросов.

Дальнейшие изменения в содержании и направленности записей обусловлены общей логикой развития исторической науки. Первоначально сбор устных источников военного времени был направлен на выяснение у респондентов отдельных обстоятельств их жизни, что позволяло дополнить ими сведения, содержащиеся в других официальных и неофициальных документах. Сегодня же более перспективным представляется осмысление того, как те или иные события отразились в памяти очевидцев, как складывается, сохраняется и трансформируется сама память о прошлом. По словам А.Я. Гуревича, то, как человек «воспринимает события, современником или даже, возможно, участником которых он был, как он их оценивает, каким образом он хранит информацию об этих событиях, — все это в высшей степени интересно»¹. Как и другие источники, устные свидетельства о войне многослойны, но главная их ценность заключается все же не в информации о событиях прошлого, а в том, как они отражались в общественном сознании. В данной связи вполне закономерен и перенос внимания исследователей с воспоминаний известных государственных руководителей, выдающихся ученых и деятелей культуры на рассказы «обычных» людей.

Решение указанных задач требует определенной координации усилий всех заинтересованных лиц, архивов, музеев, научно-исследовательских и образовательных учреждений, а также индивидуальных исследователей, использующих методы устной истории. Достижение этого возможно только в рамках определенной институции, которой первоначально может стать общественная организация с информационным порталом по устной истории, а затем и научно-исследовательское учреждение, инкорпорированное в об-

¹ Гуревич А.Я. Указ. соч. С. 234.

щую структуру российской исторической науки. Нередко рассматриваемая прежде в качестве альтернативы традиционной историографии, устная история обречена на все более тесное взаимодействие с ней при сохранении своей относительной самостоятельности.

Формирование источниковой базы, характер и возможности различных видов исторических источников в разработке проблем национально-государственного строительства и Великой Отечественной войны на Северном Кавказе наглядно свидетельствуют о трех принципиально важных моментах. Во-первых, о том, что данный процесс всегда контролировался государством. Степень этого контроля во многом зависела от признания важности и особой общественной значимости того или иного события новейшей российской истории. Признание таковым событием Великой Отечественной войны привело к целенаправленности и дозированнойности в комплектовании архивных фондов и музейных экспозиций, в то время как складывание источниковой базы другой проблемы осуществлялось до некоторой степени стихийно.

Во-вторых, прямой взаимосвязи между увеличением вводимых в научный оборот и в ряде случаев неизвестных ранее источников и толкованиями изучаемых явлений прошлого не обнаруживается. Она достаточно произвольна и зависит по большей части от интеллектуальной атмосферы времени, позволяющей либо, напротив, препятствующей тому или иному прочтению источника. Отсутствует и четко прослеживаемая взаимосвязь между периодами обновления исследуемых проблем и определенными видами задействованных в этом процессе источников, хотя в последние годы приоритет все чаще отдается свидетельствам личного происхождения.

В-третьих, в изучении национально-государственного строительства и Великой Отечественной войны, как и многих других сюжетов нашего недавнего прошлого, властно господствует конъюнктура времени. Она не обязательно вызвана идеологическим давлением, а зачастую выступает в качестве имплицитного воздействия коллективной памяти и общественного сознания. Именно последними обстоятельствами объясняется и та значимость, которую вопреки здравому смыслу приобрела национальная государственность для народов Северного Кавказа, и жесткое неприятие переосмысления бытовой и фронтовой сторон Великой Отечественной войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историографическое осмысление советской истории Северного Кавказа, региона с богатым и разнообразным историко-культурным наследием, показало, что оно все еще обладает непреходящей значимостью для его народов. К вопросам национально-государственного строительства, Великой Отечественной войны и депортациям отдельных северокавказских народов по-прежнему приковано внимание современных исследователей прошлого. Они связывают с ним последующие достижения и неудачи развития региона, находят в исторических событиях оправдание нынешнему положению дел и упущенным возможностям.

Вместе с тем обозначилось и постепенно расширяется осознание самодостаточности знания о прошлом, которое все чаще становится предметом научного анализа и рассматривается как особая разновидность повествовательного жанра. Изменения последних десятилетий, буквально потрясших историческую науку, по-разному сказались на исследовательских практиках изучения советской истории. Многие из ее сюжетов, в том числе и составивших основу данного исследования, подверглись активной ревизии. В то же время сохраняется немалое количество исторических пластов, все еще ждущих своей переоценки. Наблюдающаяся неравномерность в переосмыслении советской истории Северного Кавказа свидетельствует не только о созвучности отдельных достижений прошлого настоящему, но и о признании исторической наукой «правильности» его восприятия.

Показательно, что в обновлении представлений о тех или иных событиях прошлого движущими силами выступают совершенно разные обстоятельства. Так, для национально-государственного строительства ими оказались величины сугубо доктринального характера, связанные прежде всего с переосмыслением таких ключевых понятий, как нация и этничность. В свою очередь, изучение проблем оккупации и коллаборационизма напрямую связано с расширением источниковой базы, введением в научный оборот новых материалов, как архивных документов, так и устных свидетельств.

Всплеск интереса к повстанческому движению в регионе был отчасти вызван ростом антироссийских настроений в отдельных северокавказских республиках, а неослабевающее внимание к причинам и последствиям депортаций — принятием ряда законодательных инициатив по реабилитации депортированных народов.

Как свидетельствует предпринятое исследование, современное историографическое пространство советской истории Северного Кавказа весьма разнородно, и причины этой разнородности не всегда имеют научное происхождение. По-прежнему сохраняется опасность его полномасштабной политизации, которая может повлечь за собою далеко не безобидные последствия в виде конфликтов и войн памяти, перетекающих в открытое вооруженное противостояние. Наблюдается определенная напряженность в отношениях между региональной и центральной историографией в понимании и оценке ряда событий советской истории. Многие современные исследования несут на себе отпечаток идеологической конъюнктуры, открытого плагиата и крайне низкой профессиональной культуры. Между тем нельзя не отметить и появление работ прорывного характера, пытающихся «вписать» историю региона в формирование новой парадигмы восприятия советской истории, уловить и артикулировать неразрывную взаимосвязь общего прошлого российских народов с сохранением его специфики и непреходящего значения для национального самосознания северокавказских народов.

Состояние и развитие современной отечественной историографии рассматриваемой проблемы далеки от какой-либо однозначной и исчерпывающей оценки. Переживаемые ею болезни профессионального роста свойственны любому процессу обновления. Если, следуя мысли выдающегося отечественного медиевиста А.Я. Гуревича, «история — это спор без конца», то осмысление его последствий — это постоянно возобновляющаяся дискуссия, целью которой является напоминание о неразрывной связи времен и поколений. К счастью или сожалению, для каждого поколения историков эта связь имеет свои неповторимые особенности и свою специфику осмысления.

БИБЛИОГРАФИЯ

Публикации документов официального и личного происхождения

Административно-территориальные преобразования в Кабардино-Балкарии. История и современность. Сб. документов. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 320 с.

Архив новейшей истории России. Серия «Каталоги». Т. VII. Протоколы руководящих органов Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР. 1918–1924 гг.: Каталог документов. М.: РОССПЭН, 2001. 296 с.

Битва за Кавказ в документах и материалах. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. 508 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов-на-Дону: РВШ МВД РФ, 1997. 204 с.

Депортация карачаевцев: Документы рассказывают. Сб. документов. Черкесск: Карач.-Черкес. институт гуманист. исследований при Правительстве КЧР, 1997. 341 с.

Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Краснодар: Кн. изд-во, 1965. 294 с.
Живая память: Сб. Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. 360 с.

Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Изд-во АПН, 1970. 734 с.

За нашу Советскую Родину! Воспоминания ветеранов — участников Великой Отечественной войны. Майкоп: Литературная Адыгея, 1995. 245 с.

Забвению не подлежит. Воспоминания о ветеранах г. Краснодара: 60-летию со дня освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков и памяти погибших на Кубани в годы Великой Отечественной войны посвящается, 1943–2003. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2003. 511 с.

Иванов В. Национальные области в полосе развернутого социалистического строительства: Доклад на краевом партийном совещании 27 ноября 1930 г. Ростов-на-Дону: «Северный Кавказ», 1931. 55 с.

Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать...»: Документы, факты, комментарии. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х — первая половина 1950-х годов: Собрание документов в 7 т. Т. 5. М.: РОССПЭН, 2004. 824 с.

Ищенко М. О Родине и о себе. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2000. 372 с.

Кавказ: героизм и предательство // Военно-исторический журнал. 1991. № 8. С. 35–43.

«Казачи» со свастикой // Родина. 1993. № 2. С. 70–79.

Карачаевцы: выселение и возвращение, 1943–1957: Материалы и документы. Черкесск: Изд-во «ПУЛ», 1993. 176 с.

Коллаборационизм на территории Краснодарского края в период немецкой оккупации (1942–1943 гг.): малоизвестные страницы: Сб. документов. Сочи: Сочинский гос. ун-т туризма и курортного дела, 2003. 69 с.

Конституции, уставы и договоры субъектов Российской Федерации на Северном Кавказе. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 1998. 480 с.

«Кормят их гораздо лучше, чем нас»: Из дневника военнослужащего РККА, перешедшего на службу к гитлеровцам, 1943 г. // Военно-исторический журнал. 1994. № 7. С. 32–38.

Кубанская ЧК. Органы безопасности Кубани в документах и воспоминаниях. Краснодар: Советская Кубань, 1997. 672 с.

Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3-х кн. Краснодар: Советская Кубань, 2000. Кн. 1.: Хроника событий. 1941–1942 гг. 816 с. Кн. 2. Часть 1: Хроника событий. 1943 год. 896 с.

Мезох В.Ч. Жизнь и профессия летчика-испытателя Гражданской авиации. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2001. 344 с.

«Мусульманская плаха» для России // Военно-исторический журнал. 1996. № 5. С. 24–31.

Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Черкесск: Карач.-Черкес. отд. Ставроп. кн. изд-ва, 1990. 408 с.

Немцы о русских: Сб. М.: Столица, 1995. 192 с.

Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в жизни и судьбе бывших заключенных: сборник статей, воспоминаний и интервью. М.; Воронеж: ВГПУ, 2008. 351 с.

Огненные строки. Письма с фронта и на фронт 1941–1945 гг. Изд. 2-е, доп. и перераб. Ставрополь: Кн. изд-во, 1985. 206 с.

Память о блокаде. Свидетельства очевидцев и историческое сознание общества. Материалы и исследования. М.: Новое изд-во, 2006. 392 с.

Память о Великой Отечественной войне в социокультурном пространстве современной России. Материалы и исследования. СПб.: Европейский дом, 2008. 292 с.

Петров В.Т. Социалистическое строительство в национальных областях и национальных районах Северного Кавказа. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1930. 64 с.

Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. М.: РОССПЭН, 1998. 664 с.

Письма с фронта. 1941–1945. Краснодар: Кн. изд-во, 1983. 206 с.

«По решению правительства Союза ССР...» (Депортация народов: документы и материалы). Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2003. 927 с.

Русские на Северном Кавказе. 20–30-е годы. Документы, факты, комментарии. Нальчик: [Б.и.], 1995. 391 с.

Северный Кавказ после районирования: итоги и выводы. Ростов-на-Дону: [Б.и.], 1925. Т. 1. 541 с.

Сердобольская Л.А. Кавказ. Военные годы (1941–1943). Воспоминания // Звезда. 2000. № 6. С. 156–166.

Союз объединенных горцев Северного Кавказа и Дагестана (1917–1918). Горская республика (1918–1920). Документы и материалы. Махачкала: Даг. науч. центр РАН; Ин-т истории, археологии и этнографии, 1994. 440 с.

Ставрополье в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сб. документов и материалов. Ставрополь: Кн. изд-во, 1962. 514 с.

Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 — январь 1943 гг.): Документы и материалы. Ставрополь: Кн. изд-во, 2000. 175 с.

Судебный отчет Бухаринско-троцкистского процесса. URL: <http://www.zhurnal.ru/magister/library/trotsky/tro...>

Так это было. Национальные репрессии в СССР. 1919–1952 годы: Худож.-док. сб. М.: Инсен, 1993. Т. 1. 337 с. Т. 2. 336 с.

Тер-Нерсесов Р. Будни войны. Солдатские записки. Ставрополь: Кн. изд-во, 1990. 224 с.

Территория и расселение кабардинцев и балкарцев в XVIII — начале XX веков. Сб. документов. Нальчик: Изд-во «Эль-фа», 1992. 267 с.

Треплин Л. Майн фельдзуг. Воспоминания солдата вермахта, 1942–1945. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 1996. 91 с.

Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. 212 с.

Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа (документы и материалы). Нальчик: Эльбрус, 2001. 901 с.

Опубликованные исследования

Абрамян Э. Кавказцы в Абвере. М.: Издатель Быстров, 2006. 352 с.

Агеева В.А. Войной опаленное детство: система школьного и профессионально-технического образования Дона и Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Таганрог: Изд-во ТГПИ, 2007. 156 с.

Азашиков Г.Х. Адыгя в годы войны. Майкоп: Изд-во МГТИ, 1998. 113 с.

Айбазова Ф.У. Трудовой подвиг молодежи и комсомола Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического института. 2001. № 5. С. 4–13.

Алафаев А.А., Сабанчиев Х.-М.А. Реабилитация балкарского народа: проблемы и решения // Отечественная история. 2008. № 1. С. 79–90.

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1941–1945 гг. СПб.: Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр “Блиц”», 2001. 360 с.

Александров К. Русские солдаты Вермахта. Герои или предатели: Сб. статей и материалов. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 752 с.

Алексеев В.В. Уральская школа историков на международном форуме. URL: http://www.urau.ru/gazetanu/2006/07/nu16_17/wvmnu.

Алексеева Г.Д. Историческая наука России в поисках новых концепций // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 635–642.

Алиев К.-М. Свет и тени партизанской войны. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. 160 с.

Алиев К.-М.И. В зоне «Эдельвейса». М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2005. 358 с.

Алферова Е.А. Советская автономия и федерация — государственно-правовые формы решения национального вопроса (исследования ученых-правоведов 20-х годов). М.: ИНИОН, 1989. 60 с.

Алферьев Б.О. Походный атаман батько фон Паннвиц. Документальная повесть. М.: Коммерческий вестник, 1997. 191 с.

Аникеев А.А., Баликоев Т.М., Януш С.В., Селюнина Н.В. Проблемы битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 73–86.

Анисков В.Т. Война и судьбы российского крестьянства. Вологда; Ярославль: Изд-во Вологод. ИПКиППК, 1998. 288 с.

Архангородская Н.С., Курносов А.А. О создании Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР и ее архива (К 40-летию со дня образования) // Археографический ежегодник за 1981 год. М.: Наука, 1982. С. 219–229.

Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. 152 с.

Баженов А.Н., Барсуков В.И. О документальной базе по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 5. С. 184–189.

Байрамуков И.Х. О территориальной реабилитации репрессированных народов // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2000. С. 132–137.

Байтуган Б. История возникновения и развития народной партии горцев Кавказа // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 17–23.

Байтуган Б. Роль горской интеллигенции в горском освободительном движении // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 23–26.

Байтуган Б. Этапы развития национально-освободительного движения на Северном Кавказе // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 8–17.

Баликоев Т.М. Народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Владикавказ: Сев.-Осетин. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова, 2000. 184 с.

Батиев Л.В., Кринко Е.Ф. Проблемы интеграции социальных и гуманитарных наук на Юге России // История научной интеллигенции Юга России: межрегиональные и международные аспекты. Краснодар: Кубанькино, 2008. С. 188–194.

- Бахвалов А.Л. Генерал Власов. Предатель или герой? СПб.: С.-Петербург. высш. шк. милиции, 1994. 126 с.
- Бахвалов А.Л. Пути и судьбы. СПб.: Норма, 2000. 192 с.
- Беджанов М.Б. Генерал Султан-Гирей-Клыч. Краснодар: Советская Кубань, 1999. 384 с.
- Безугольный А.Ю. Казачья кавалерия в обороне Кавказа или почему не состоялось второе рождение Конармии // Военно-исторический архив. 2001. Вып. 7. С. 122–141.
- Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная Армия. 1918–1945 годы. М.: Вече, 2007. 512 с.
- Беликов Г. Оккупация: Ставрополь. Август 1942 — январь 1943. Ставрополь: Фонд духовного просвещения, 1998. 151 с.
- Бербеков Х.М. К вопросу об образовании национальной государственности Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. 28 с.
- Бердинских В. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 214 с.
- Бердинских В. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 765 с.
- Бессонов Ю.П. «Адыгейское дело», 1937 год. Документальная повесть. Майкоп: РИПО «Адыгея», 2003. 121 с.
- Болдырев Ю.А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Нестор, 1996. 143 с.
- Борлакова З.М. Депортация и репатриация карачаевского народа. 1943–1959 гг. // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. 2001. С. 6–19.
- Боров А.Х., Думанов Х.М., Кажаров В.Х. Современная государственность Кабардино-Балкарии: истоки, пути становления, проблемы. Нальчик: Издат. центр «Эль-Фа», 1999. 184 с.
- Бочкарев А.А. Критика чистого чувства. Национал-социалистическая Перестройка большевистской России периода германской военной оккупации (1941–1944 гг.). Метафизические этюды. Ставрополь: ЮРКИТ, 1996. 720 с.
- Боярский В.И. Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 304 с.
- Брачев В.С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб.: Стомма, 2001. 262 с.
- Бугаев А.М. Основные этапы становления и развития национальной государственности народов Северного Кавказа. 1917–1936 гг. // Из истории социалистического и коммунистического строительства в СССР. М.: Ин-т истории АН СССР, 1978. С. 127–150.
- Бугай Н.Ф. Депортационные процессы на Кубани: их последствия // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: РИПО «Адыгея», 1992. С. 157–180.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М.: АИРО-XX, 1995. 320 с.

Бугай Н.Ф. Казачество России: отторжение, признание, возрождение. 1917–90-е годы. М.: Можайск – Терра, 2000. 96 с.

Бугай Н.Ф. Проблема депортации и реабилитации народов в трудах ученых Северокавказского региона (гуманитарный аспект) // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 35–42.

Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х. Народы и власть: «социалистический эксперимент». 20-е годы. Майкоп: Меоты, 1994. 424 с.

Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). М.: ИНСАН, 1998. 365 с.

Бугай Н.Ф., Коцонис А.Н. «Обязать НКВД СССР ... выселить греков». М.: ИНСАН, РФК, 1999. 168 с.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с.

Булдаков В.П. Кризис империи и революционный национализм начала XX в. в России // Вопросы истории. 2000. № 1. С. 29–45.

Булдаков В.П. Феномен революционного национализма в России // Россия в XX веке: Проблемы национальных отношений. М.: Наука, 1999. С. 204–220.

Васильева О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 214 с.

Вдовин А.И. Национальный вопрос и национальная политика в СССР в годы Великой Отечественной войны: мифы и реальность // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2003. № 5. С. 24–54.

Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В четырех книгах. М.: Наука, 1998. Книга первая. Суровые испытания. 544 с. Книга вторая. Перелом. 502 с. 1999. Книга третья. Освобождение. 510 с. Книга четвертая. Народ и война. 368 с.

Великая Отечественная война: история и современность: Сб. науч. трудов. Ставрополь: СГПУ, Образоват.-практ. центр «LEX», 1995. 108 с.

Вишнев О.В. Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М.: Наука, 2001. 230 с.

Вклад кубанцев в победу над фашизмом. Краснодар: Краснодарские известия, 1996. 96 с.

Волобуев О.В., Кулешов С.В. Очищение: история и перестройка. Публицистические заметки. М.: Изд-во АПН, 1989. 284 с.

Воскобойников Г.Л. Казачество и кавалерия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Изд-во Рос. киновидеоконпании, 1995. 319 с.

Вторая мировая и Великая Отечественная войны: проблемы социальной истории: Материалы Международ. науч. конф. 28–31 мая 2002 г. Майкоп: Изд-во АГУ, 2002. 384 с.

Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны. 1941–1945: Пиррова победа. М.: РНФ, 1995. 79 с.

Гареев М.А. О мифах старых и новых // Военно-исторический журнал. 1991. № 4. С. 42–52.

Гареев М.А. Об изучении истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 3–24.

Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы в трудовой армии (1941–1945). М.: Готика, 1998. 206 с.

Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. 477 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. 415 с.

Грум-Гржимайло Ю.В., Поляков М.Н. Виртуальный архив как перспективная система поддержки сопровождения исторических исследований // Отечественная история. 2008. № 2. С. 138–145.

Гутов Р.Х., Козлов А.И., Этенко Л.А. Вопросы историографии Великого Октября на Дону и Северном Кавказе. Нальчик: Эльбрус, 1988. 282 с.

Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода. Вступительные замечания // Одиссей. Человек в истории. М.: Coda, 1996. С. 5–10.

Даудов А.Х. Горская АССР. 1921–1924 гг. Очерки социально-экономической истории. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 231 с.

Джамбулатов Р.Т. Погромы 1918 года в Хасав-Юрте // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 146–148.

Джигиль О. Оккупация. Невольные параллели // Советская Россия. 2006. 6 мая.

Джуха И.Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. СПб.: Алетей, 2008. 560 с.

Дзамихов К.Ф. Адыги и Россия (формы исторического взаимодействия). М.: Поматур, 2000. 288 с.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. Владикавказ: Алания, 1994. 263 с.

Дзидзоев В.Д. Национальные отношения на Кавказе. 3-е изд. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2000. 240 с.

Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил. 1941–1945. М.: Эксмо, 2004. 608 с.

Другая война: 1939–1945. М.: РГГУ, 1996. 490 с.

Дружба О.В. Великая Отечественная война: проблемы современной историографии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 1995. № 1. С. 10–20.

Дружба О.В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону: Изд. центр ДГТУ, 2000. 212 с.

Дьяков Ю.Л. О некоторых причинах кризиса исторической науки. Проблемы и перспективы их решения // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 643–653.

Жупикова Е.Ф. Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах (документальные публикации и новейшая отечественная историография) // Отечественная история. 2004. № 3. С. 159–169.

Журавлев Е.И. Коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во РГСУ, 2006. 229 с.

Зайцев В.П., Туков В.В. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар: Традиция, 2007. 176 с.

Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М.: Наука, 2003. 306 с.

Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М.: ИРИ РАН, 2000. 279 с.

Зинич М.С. Будни военного лихолетья. 1941–1945. М.: ИРИ РАН, 1994. Вып. 1. 125 с. Вып. 2. 143 с.

Золотарев В.А. Проблемы изучения истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 2. С. 4–11.

Зюзин Е.И. Малоизвестные страницы войны. М.: Знание, 1990. 64 с.

Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны (На примере национальных республик Северного Кавказа). М.: МПГУ, 1998. 462 с.

Иванов А.С. База данных как динамическая модель истории региона. URL: <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/30/99.html>.

Илизаров Б.С. И Слово воскрешает... или «Прецедент Лазаря». 25 тезисов и развернутое дополнение к светской теории воскрешения. По материалам Народного архива. М.; СПб.: Летний сад, 2007. 400 с.

История Кубани. XX век: очерки. Краснодар: Перспективы образования, 1998. 224 с.

История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

История промышленности и рабочего класса Адыгеи (1917–1991 гг.). Майкоп: [Б.и.], 1991. 278 с.

История Северной Осетии. XX век. М.: Наука, 2003. 632 с.

История сельского хозяйства и крестьянства Адыгеи (1870–1993 гг.). Майкоп: Меоты, 1994. 342 с.

История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. II. История Чечни XX и начала XXI веков. Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. 832 с.

Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: «Высшая школа», 2004. 687 с.

Исхаков С.М. «Кристаллизация» горского освободительного движения. Размышления Б. Байтугана об истории мусульман Северного Кавказа и Дагестана // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 3–7.

Кажаров А.Г. Революция 1917 г. в России и проблемы формирования государственности народов Северного Кавказа // В.Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения): Тезисы докладов. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 93–94.

Кажаров А.Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик: [Б.и.], 2000. Вып. I. С. 7–36.

Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 60–75.

Кладова Н.В. Следственные дела репрессированных: соотношение информации и смысла в историческом источнике. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/74-79.html>.

Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (исторические очерки). Пятигорск: РИА-КМВ 2006. 211 с.

Кобахидзе Е.И. Освещение проблемы интеграции народов Центрального Кавказа в административную систему Российской империи в постсоветской историографии // Вс. Ф. Миллер и актуальные проблемы кавказоведения (I Всероссийские Миллеровские чтения). Владикавказ: ИПО СОИГСИ. С. 97–98.

Ковалев Б.Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России (1941–1944 гг.). Новгород: Великий Новгород, 2001. 482 с.

Козлов А.И., Хмелевский К.А., Этенко Л.А. Изучение истории борьбы за власть Советов на Дону и Северном Кавказе // Вопросы истории. 1981. № 10. С. 32–47.

Козлов В. Российская история: обзор идей и концепций 1992–1995 годов // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 99–113. № 4. С. 104–120.

Козлов В.П. Документы Архивного фонда Российской Федерации по истории Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 3–9.

Козлов В.П. Проблемы доступа в архивы и их использование // Новая и новейшая история. 2003. № 5. С. 79–103. № 6. С. 78–108.

Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археографии. М.: РОССПЭН, 2008. 224 с.

Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб.: Ленинград. обл. ин-т усовершенствования учителей, 1995. 140 с.

Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. М.: Изд-во «Европа», 2005. 544 с.

Койчужев А.Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. пед. ин-та, 1998. 484 с.

Койчужев А.Д. Славные сыны Карачая. Карачаевск: Изд-во Карач.-Черкес. гос. пед. ун-та, 1998. 233 с.

Койчужев А.Д. Тоталитаризм и фальсификация роли малочисленных народов Северного Кавказа в Великой Отечественной войны как причина депортации целых народов // Вестник Карачаево-Черкесского государственного педагогического университета. Карачаевск, 2001. № 5. С. 36–54.

Колесник А.Н. Генерал Власов — предатель или герой? М.: Техинвест, 1991. 175 с.

Кондакова Н.И. Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941–1945 гг. М.: Луч; Фонд 900-летия Рязани, 1995. 203 с.

Кондакова Н.И., Маин В.Н. Интеллигенция России, 1941–1945. М.: Луч, 1995. 250 с.

Кондратьев В.А. О публикации писем советских людей периода Великой Отечественной войны // История СССР. 1986. № 6. С. 96–105.

Коновалова О.В. Карачаевцы: трудное возвращение из пятнадцатилетней ссылки // Проблемы истории Северного Кавказа и современность: Тез. докл. III Международ. конгресса по программе «Мир на Северном Кавказе через язык, образование, культуру» (18–21 сентября 2001 г.). Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2001. С. 36–39.

Коняев Н.М. Власов: два лица генерала. М.: Вече, 2003. 479 с.

Копосов Н. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 246 с.

Котов В.И. Депортация народов Северного Кавказа: кризисные явления этнодемографической ситуации // Северный Кавказ: выбор пути национального развития: Сб. ст. Майкоп: Меоты, 1994. С. 193–209.

Край наш Ставрополье: очерки истории. Ставрополь: Шат-гора, 1999. 528 с.

Крагова Н.В. Формирование повстанческих отрядов на территории Кубано-Черноморской области в 1920–1922 гг. // Научная мысль Юга России. 2006. № 1. С. 117–129.

Крикунов В.П. Под угрозой расстрела или по доброй воле? О формировании в годы войны немецко-фашистским командованием национальных частей из числа военнопленных РККА и изменников Родины // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 40–44.

Крикунов П.Н. Казаки. Между Гитлером и Сталиным. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 608 с.

Кринко Е.Ф. Оккупация советских территорий во время Великой Отечественной войны: проблемы исследований // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Майкоп: АРИГИ, 1999. Вып. 2. С. 21–29.

Кринко Е.Ф. Повседневная жизнь населения оккупированной Кубани (1943–1943 гг.) // Информационно-аналитический вестник. История. Этнология. Археология. Вып. 1. Майкоп: АРИГИ, 1999. С. 43–55.

Кринко Е.Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. 242 с.

Кринко Е.Ф. Устная история: рассказы о войне // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Исторические, социально-экономические и политические науки. Майкоп: Изд-во АГУ, 2000. № 4. С. 49–54.

Кринко Е.Ф. Устная история, ее проблемы и возможности // Вопросы теории и методологии истории: Сб. науч. тр. Вып. 3. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. С. 37–48.

Кринко Е.Ф. Массовые миграции населения на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны: опыт историографического обобщения // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: Сб. науч. статей,

посв. 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп: Меоты, 2002. С. 156–178.

Кринко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. М.: Союз, 2004. 312 с.

Кринко Е.Ф. Антисемитизм на Кубани в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность) 1906–2006 гг.: Мат-лы краевой науч.-практ. конф., Адлер, 7–11 октября 2006 г. Краснодар: Традиция, 2006. С. 129–133.

Кринко Е.Ф. Антропологический ракурс в изучении истории Великой Отечественной войны // Человек на исторических поворотах XX века. Краснодар: Изд-во «Кубанькино», 2006. С. 100–107.

Кринко Е.Ф. Кавказ в планах Альфреда Розенберга // Кавказский сборник. Т. 3 (35). НП ИД «Русская панорама», 2006. С. 107–121.

Кринко Е.Ф. Социальное обеспечение семей военнослужащих на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Актуальные вопросы социальной политики в регионе. Армавир: ИП Шурыгин В.Е., 2006. С. 150–159.

Кринко Е.Ф. Майкопские партизаны. Майкоп: ООО «Аякс», 2007. 347 с.

Кринко Е.Ф. Опросные листы несовершеннолетних «остовцев» Кубани как исторический источник // Вестник архивиста Кубани: историко-архивный альманах. Краснодар: Холидэй, 2008. № 3. С. 99–102.

Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Юрчук И.В. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 35–59.

Кром М. Отечественная история в антропологической перспективе // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя. М.: АИРО – XX, 2003. С. 179–202.

Курдюшов С.В. Предатели, «освободители» или жертвы режима? Советский коллаборационизм (1941–1942) // Свободная мысль. 1993. № 14. С. 84–98.

Курносов А.А. Источники по истории всенародного сопротивления в тылу немецко-фашистских захватчиков (1941–1945 гг.) // История СССР. 1965. № 3. С. 76–87.

Курносов А.А. Воспоминания-интервью в фонде Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (Организация и методика собрания) // Археографический ежегодник за 1973 год. М.: Наука, 1974. С. 118–132.

Курносов А.А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941–1945) // Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Наука, 1979. С. 35–44.

Курносов А.А. Собрание документов личного происхождения участников Великой Отечественной войны: тенденции и проблемы // Археографический ежегодник за 1990 год. М.: Наука, 1992. С. 3–8.

Куценко И.Я. Кубанское казачество. 2-е изд. Краснодар: Кн. изд-во, 1993. 583 с.

Куцетеров Р.М. Насилие. Политика коммунистической партии в отношении крестьян, методы и результаты ее осуществления. Черкесск: Изд-во АО «ПУЛ», 1993. 150 с.

Куцетеров Р.М., Куцетеров А.-Х.У. Депортация. Ставрополь: Кн. изд-во, 1994. 136 с.

Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М.: РОССПЭН, 2002. 208 с.

Линец С.И. Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942 — октябрь 1943 гг.). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 564 с.

Людские потери СССР в период второй мировой войны: Сб. статей. СПб.: ИРИ РАН; Изд-во «Русско-Балтийский информ. центр БЛИЦ», 1995. 192 с.

Магамадов С.С. Политика советского государства в национальных районах Северного Кавказа в 1920–1922 гг. (социально-экономический аспект) // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: Мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 180-летию присоединения Карачая к России: в 2 ч. Карачаевск: КЧГУ, 2008. Ч. 2. С. 71–82.

Магомедов М.А. О некоторых особенностях Октябрьской революции и Гражданской войны на Северном Кавказе // Отечественная история. 1997. № 6. С. 81–90.

Малая война. Минск: Харвест, 2000. 512 с.

Малиновский В.В. Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории. 1996. № 11–12. С. 164–166.

Маловичко С.И., Мохначева М.П. Регионалистика — историческое краеведение — локальная история: размышления о порогах и пороках «не/совместимости»/ URL: <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>

Мальшева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2000. 432 с.

Мальшева Е.М. Основные направления развития новейшей историографии Великой Отечественной войны учеными Северного Кавказа // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Мат-лы I съезда ученых-кавказоведов (27–28 августа 1999 г.). Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2000. С. 129–132.

Мамбетов З.Г. Аграрная политика советской власти в Кабардино-Балкарии: анализ причин крестьянских выступлений в 20–30-е годы // Res publica. Альманах социально-политических и правовых исследований. Нальчик: [Б.и.], 2000. Вып. 1. С. 37–47.

Маргиев В.И. История государства и права Осетии. Майкоп: Меоты, 1997. 262 с.

Марченко Г.В. Антисоветское движение в Чечне в 1920–1930-е годы // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 131–138.

Марченко Г.В. Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы // Научная мысль Кавказа. 2003. № 1. С. 87–97.

Материалы по истории Русского освободительного движения (Статьи, документы, воспоминания). М.: Архив РОА, 1998. Вып. 2. 480 с. 1999. Вып. 4. 567 с.

Материалы по истории Русского освободительного движения. 1941–1945 (статьи, документы, воспоминания). М.: Грааль, 1997. Вып. 1. 416 с.

Матишов Г.Г., Авксентьев В.А., Батиев Л.В. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. III. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 260 с.

Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Котеленко Д.Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 176 с.

Медушевская О.М. Становление и развитие источниковедения. URL: <http://avorist.narod.ru/publish/istved1-1-14.html>.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Довольно о войне? Воронеж: Изд.-полиграф. фирма «Воронеж», 1992. 103 с.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е). М.: Родник, 1994. 399 с.

Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы // Вопросы истории. 1996. № 9. С. 145–157.

Минюк А.И. Современная архивная политика: ожидания и запреты // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М.: «АИРО – XX», 1996. С. 11–21.

Момотова Н.В., Петров В.Н. Ценностный мир военнослужащих в письмах с фронтов Великой Отечественной войны // Социология. 2005. № 2. С. 106–130.

Мохначева М.П. Internet-образы российской провинциальной культуры XVIII–XIX вв. и задачи научного краеведения. URL: <http://his.1september.ru/2004/34/26.htm>.

Напсо Д.А., Чекменев С.А. Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск: Стелла, 1993. 318 с.

Народы России: проблемы депортации и реабилитации: Сб. статей. Майкоп: Меоты, 1997. 198 с.

Национально-государственное строительство в Российской Федерации: Северный Кавказ (1917–1941 гг.). Майкоп: Меоты, 1995. 301 с.

Национальные истории в советском и постсоветских государствах. М.: «АИРО – XX», 1999. 368 с.

Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М.: Славянский диалог, 1998. 418 с.

Невежин В.А. Великая Отечественная война в новейших исследованиях и документальных публикациях // Преподавание истории в школе. 2000. № 4. С. 24–29.

Новая локальная история: методы, источники, универсальная и провинциальная историография: Мат-лы науч. конф. URL: <http://nlh.stavsu.ru>.

Новикова Л.Г. Советская национальная политика в оценках трех западных историков // Отечественная история. 2006. № 4. С. 142–146.

Одиссей: человек в истории. 2006: Феодализм перед судом историков. М.: Наука, 2006. 493 с.

Озова Ф.А. 1918 год: из истории межнационального конфликта на Кубани // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: [Б.и.], 1992. С. 44–52.

Озова Ф.А. Кубано-Черноморье в условиях кризиса Российской государственности // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований. Черкесск; Ставрополь: [Б.и.], 1999. Вып. 1. С. 36–52.

От Узун-Хаджи Салтинского до Шамиля Введенского. URL: <http://www.kavkazcenter.net/russ/content/2006/01/1...>

Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. 1917–1970 годы. Грозный: Чечено-Ингуш. кн. изд-во, 1972. Т. 2. 360 с.

Очерки по истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. Краснодар: Советская Кубань, 1996. 656 с.

Павлова И.В. Понимание сталинской эпохи и позиция историка // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 3–18.

Пальчиков П.А. История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 123–144.

Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 784 с.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). Жуковский; М.: Кучково поле, 2001. 464 с.

Пережогин В.А. Партизаны и население (1941–1945 гг.) // Отечественная история. 1997. № 6. С. 150–154.

Пережогин В.А. Из окружения и плена — в партизаны // Отечественная история. 2000. № 3. С. 25–33.

Плетушков М.С., Якушевский А.С. Особенности отечественной историографии Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война (историография). Сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1995. С. 7–40.

Плохотнюк Т.Н. Российские немцы на Северном Кавказе. М.: Общественная академия наук рос. немцев, 2001. 238 с.

Поляков Ю.А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М.: Наука, 1996. С. 31–42.

Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. М.: РОССПЭН, 1999. 454 с.

Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.

Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М.: Мемориал, 2001. 328 с.

Попов А.Ю. Диверсанты Сталина. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 512 с.

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М.: Олма-пресс, 2003. 382 с.

Попова Т. К анализу региональной историографии: институциональный подход. URL: http://www.crs.org.ua/data/Regional_Historiography...

Почешхов Н.А. Гражданская война в Адыгее: причины эскалации (1917–1920 гг.). Майкоп: Изд-во АГУ, 1998. 152 с.

Почешхов Н.А. Юго-Восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп: [Б.и.], 1999. Вып. 2. С. 37–39.

Прибылов Г.В. Михизеевская трагедия или «Кубанская Хатынь». Исторический очерк. Мостовской, 1993. 64 с.

Просянкина Т.Ю. Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны на страницах российских журналов (1990–1994) // Исторический архив. 1995. № 3. С. 211–218.

Пушкарев Л.Н. Источники по изучению менталитета участников войны (на примере Великой Отечественной) // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 319–333.

Пыхалов И. За что депортировали народы во время войны? URL: http://www.info-irm.com/ru/news/news_detail.php?ID=24792.

Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? М.: Язуз-пресс, 2008. 478 с.

Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М.: Наука, 1995. С. 292–313.

Репина Л.П. История женщин и гендерная история на рубеже веков: итоги и перспективы развития. (Аналитический обзор) // XX век: Методологические проблемы исторического познания: Сб. обзоров и рефератов: В 2 ч. М.: [Б.и.], 2001. Ч. 2. С. 70–100.

Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.

Репрессированные народы: история и современность: Мат-лы II-й Всерос. науч. конф., 1–2 ноября 1993 г. Карачаевск: Карач.-Черкес. гос. пед. ун-т, 1994. 215 с.

Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима // Знамя. 1994. № 8. С. 158–179.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М.: ООО «Изд-во АСТ», ООО «Транзиткнига», 2004. 312 с.

Романько О.В. Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М.: Издатель Быстров, 2006. 640 с.

Сабанчиев Х.-М.А. Были сосланы навечно: депортация и реабилитация балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 2004. 158 с.

Савельев А.Н. Черная книга Чеченской войны (2000): Истоки и предпосылки Чеченской войны. URL: <http://www.savelev.ru/book/?ch=17>.

Селунская Н.Б. От квантификации к исторической информатике — от исторической к виртуальной реальности? URL: <http://kleio.asu.ru/aik/bullet/19/32.shtml>.

Селюнин В.А. Промышленность и транспорт Юга России в войне 1941–1945 гг. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов-на-Дону: Кн. изд-во, 1997. 425 с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Сенцов А.А. Развитие Российского государства после Февральской революции 1917 г. Краснодар: [Б.и.], 1994. 252 с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.

Сенявская Е.С. 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: ИРИ РАН, 1995. 220 с.

Сенявская Е.С. Человек на войне: Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 231 с.

Сенявская Е.С. Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.

Сенявская Е.С. Военно-историческая антропология как новая отрасль исторической науки // Военно-историческая антропология. Ежегодник. 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М.: РОССПЭН, 2002. С. 5–22.

Сиджах Х.И. Воинские и ополченские формирования Адыгеи в годы Великой Отечественной войны. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999. 190 с.

Сиджах Х.И. Адыгейский полк в боях за Советскую Родину. Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. 567 с.

Симонова Т. Такими мерами укреплялась советская власть на Северном Кавказе в 1920-е годы. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002-03-15/5_destruction...

Смыслов О.С. Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. М.: Вече, 2006. 512 с.

Советская историография. М.: РГГУ, 1996. 592 с.

Соколов Б.В. Правда о Великой Отечественной войне (сб. статей). СПб.: Алетей, 1998. 349 с.

Соколов Б.В. Разведка. Тайны Второй мировой войны. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2001. 368 с.

Соколов Б.В. Оккупация. Правды и мифы. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2002. 352 с.

Соколов Б.В. Фронт за линией фронта. Партизанская война 1939–1945 гг. М.: Вече, 2008. 432 с.

Сомова И.Ю. Религиозный вопрос на Ставрополье в 1943–1945 гг.: новшества, особенности и состояние к концу войны // Актуальные проблемы российской и всемирной истории. Ученые записки ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. Вып. 1. С. 147–155.

Старинов И.Г. О войне в тылу врага // Вопросы истории КПСС. 1990. № 5. С. 76–89.

Старинов И.Г. Фронт без командования (о руководстве партизанским движением в годы Великой Отечественной войны) // Новая и новейшая история. 1990. № 3. С. 110–122.

Стенограмма научно-практической конференции «Великая Отечественная война советского народа 1941–1945 гг. в документах Государственного архивного фонда СССР и печатных изданиях» 25 апреля 1990 г. М., 1991. 86 с.

Стругова М.Р. Репатриация советских граждан в Краснодарский край в 1945–1946 гг. // *Голос минувшего*. Кубанский исторический журнал. 2000. № 3–4. С. 47–52.

Суций С.Я. Атлас как форма презентации научного знания // *Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: Тез. докл. Всерос. науч. конф. (9–10 октября 2008 г., Ростов-на-Дону)*. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 296–299.

Тебуев Р.С. Возвращение карачаевцев на историческую родину и начало возрождения народа // *Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований*. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1999. Вып. 1. С. 66–74.

Тебуев Р.С., Хагев Р.Т. *Очерки истории карачаево-балкарцев*. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 224 с.

Тишков В.А. Национальности и национализм в постсоветском пространстве (исторический аспект) // *Этничность и власть в полиэтничных государствах: Мат-лы междунар. конф.* 1993 г. М.: Наука, 1994. С. 9–34.

Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. 40 с.

Тишков В.А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // *Россия в XX веке. Проблемы национальных отношений*. М.: Наука, 1999. С. 33–43.

Тишков В.А. Народ, нация, государственность // *Тишков В.А. Этнология и политика*. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 13–19.

Тишков В.А. О нации // *Тишков В.А. Этнология и политика*. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 234–240.

Тишков В.А. Что есть самоопределение? // *Тишков В.А. Этнология и политика*. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 49–54.

Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. *Этнография чеченской войны*. М.: Наука, 2001. 552 с.

Томан Б.А. База данных документов ЦК ВКП(б) периода Великой Отечественной войны // *Отечественные архивы*. 1997. № 5. С. 25–27.

Томпсон П. *Голос прошлого. Устная история*. М.: Изд-во «Весь Мир», 2003. 368 с.

Трагедия плена: Сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. «Окончание войны, завершение деятельности НКСГ/СНО и начало репатриации военнопленных», Москва – Красногорск, 31 октября — 2 ноября 1995 г. Красногорск: Мемориальный музей немецких антифашистов, 1996. 200 с.

Филоненко С.И., Филоненко М.И. *Психологическая война на Дону: мифы фашистской пропаганды 1942–1943*. Воронеж: Кварта, 2006. 464 с.

Филюшкин А.И. *Методологические инновации в современной российской исторической науке (вместо предисловия)* // *АСТЮ NOVA 2000 (сб. науч. статей)*. М.: Глобус, 2000. С. 7–52.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001. 336 с.

Харченко В. У подножия Собера. История Северского района. URL: // http://severskaya.ru/html/rayon_info/sober/index.php?ID=35.

Хлынина Т.П. Горские народы Кубанской области: большевистская модель решения национального вопроса // Северный Кавказ: национальные отношения (историография, проблемы). Майкоп: Меоты, 1992. С. 52–64.

Хлынина Т.П. Адыгея в 1920-е годы: проблемы становления и развития автономии. Краснодар: ООО «Качество», 1997. 127 с.

Хлынина Т.П. Национальная политика и этнические конфликты на Северном Кавказе в 1920-е годы // Северный Кавказ в условиях глобализации: Тез. Всерос. науч.-практ. конф. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. С. 452–456.

Хлынина Т.П. Советская национальная государственность: природа, понятие, образ. Майкоп: ООО «Аякс», 2001. 68 с.

Хлынина Т.П. Проблемы государственного устройства и деятельность органов власти в Адыгее (февраль–октябрь 1917 г.) // Народы и власть в истории России: проблемы исследований: Сб. науч. статей, посв. 60-летию со дня рождения Н.Ф. Бугая. Майкоп: ООО «Аякс», 2002. С. 59–69.

Хлынина Т.П. Становление советской национальной государственности у народов Северного Кавказа. 1917–1937 гг.: проблемы историографии. М.: МГОУ, 2003. 268 с.

Хлынина Т.П. Психология «большого» террора, или «маленькие» страхи советского человека образца 1930-х гг. // Человек в экстремальных условиях: историко-психологические исследования: Мат-лы XVIII Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 12–13 декабря 2005 г.: в 2 ч. СПб.: Дмитрий Булавин, 2005. Ч. 2. С. 253–257.

Хлынина Т.П. Страницы социальной истории советской Адыгеи: повседневная жизнь населения области в 1920-е гг. Майкоп: ООО «Качество», 2005. 63 с.

Хлынина Т.П. 1937 год в Адыгее: политические репрессии или «корректировка» правящего курса? // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: Мат-лы III Всерос. науч. конф. Краснодар: ООО Компания «Волонтер», 2006. С. 112–114.

Хлынина Т.П. В преддверии «большого террора»: борьба с контрреволюцией в Адыгее в начале 1930-х гг. и ее последствия // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. Роль СССР во Второй мировой войне — неизвестные и малоизученные страницы: Мат-лы IV Всерос. науч. конф. Краснодар: Экоинвест, 2006. С. 107–112.

Хлынина Т.П. Современная исследовательская практика и ее возможности в изучении национально-государственного строительства на Северном Кавказе // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития: Мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 180-летию присоединения Карачая к России: в 2 ч. Ч. 2. Карачаевск, 2008. С. 244–253.

Храмкова Е.Л. Экономика России периода Великой Отечественной войны, 1941–1945: Историография проблемы. Самара, 1996. 224 с.

Храмкова Е.Л. Культура России периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Историографические очерки. Самара: Изд-во ООО «Научно-технический центр», 2001. 317 с.

Хрестоматия по устной истории. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2003. 396 с.

Хунагов А.С. «Выселить без права возвращения...». Депортация народов Юга России. 20–50-е годы (на материале Краснодарского и Ставропольского краев). Майкоп: Меоты, 1999. 170 с.

Цаканян Г.Н. Повстанческое движение на Северном Кавказе в годы гражданской войны. URL: <http://pn.pglu.ru/index.php?module=subjects&func=v...>

Цурганов Ю.С. Неудавшийся реванш. Белая эмиграция во Второй мировой войне. М.: Intrada, 2001. 286 с.

Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Цуциев А., Дзугаев Л. Северный Кавказ: история и границы. 1780–1995. Владикавказ: Проект-Пресс, 1997. 78 с.

Чеботарева В.Г. Сталин и партийно-советские национальные кадры // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 3–25.

Черепанов В.В. Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М.: Известия, 2006. 496 с.

Чистяков О.И. О национально-государственном размежевании в период становления Российской Федерации // Советское государство и право. 1991. № 11. С. 143–151.

Чутунцова Н.А. Местная власть и война. Местные органы советской власти Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Краснодар: Изд-во КубГТУ, 1996. 217 с.

Чув С. Проклятые солдаты. М.: Эксмо, Яуза, 2004. 576 с.

Шабает Д.В. Правда о выселении балкарцев. 2-е изд., доп. Нальчик: Эльбрус, 1994. 288 с.

Шаманов И.М., Тамбиева Б.А., Абрекова Л.О. Наказаны по национальному признаку. Черкесск: Карач.-Черкес. филиал МОСУ, 1999. 114 с.

Шебзухов М.Х. Тыл — фронту (тыл Северо-Западного Кавказа в годы войны 1941–1945): опыт, уроки. Майкоп: Меоты, 1993. 327 с.

Шебзухов М.Х. Сыны и дочери Адыгеи в Великой Отечественной... Майкоп: Меоты, 1995. 407 с.

Шебзухов М.Х. «Враги народа» // Советская Адыгея. 1998. 21 октября.

Шкаровский М.В. Крест и свастика. Нацистская Германия и Православная Церковь. М.: Вече, 2007. 512 с.

Шмидт С.О. Краеведение и региональная история в современной России. URL: <http://www.newlocalhistory.com/bookshelf/?tezis=ot...>

Шнайдер В.Г. Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института

социального образования (филиала) МГСУ. Научный и учебно-методический ежегодник. 2003. № 1. С. 181–192.

Эдиев Д.М. Демографические потери депортированных народов СССР. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. 336 с.

Яблочкина И.В. Рецидивы Гражданской войны. Антигосударственные вооруженные выступления и повстанческое движение в Советской России. 1921–1925 гг. М.: Фирма «Хельга», 2000. 495 с.

Диссертации и авторефераты

Абулова Е.А. Партийное руководство созданием и развитием национальной государственности народов Северного Кавказа (1917–1937 гг.): Дисс... д-ра ист. наук. Пятигорск, 1986. 373 с.

Агиев Р.С. Трагедия чеченского и ингушского народов в 30–50-е гг. XX века: депортация, спецпоселения, реабилитация: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

Аджиева Э.А. Депортация народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: причины и следствия (на примере карачаевского и балкарского народов): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. 151 с.

Айбазова Ф.У. Развитие духовной культуры народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1997. 23 с.

Алиева С.К. Материальная и финансовая помощь трудящихся Северного Кавказа Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Адыгейской, Карачаевской, Черкесской автономных областей и Кабардино-Балкарской АССР): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 2001. 176 с.

Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х — 50-е гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1997. 24 с.

Ахмадов А.Д. Народы Северного Кавказа в условиях общенационального кризиса 1917–1920 гг.: Дисс... канд. исторических наук. М., 2005. 214 с.

Баликоев Т.М. Национальная политика советского государства на Северном Кавказе в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Владикавказ, 2003. 37 с.

Баучиев Х.Б. Вклад интеллигенции Северного Кавказа в разгром фашизма в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2000. 194 с.

Бетанов В.Т. Аграрные преобразования в республиках Северного Кавказа (конец 20-х — начало 30-х годов): Дисс... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999. 213 с.

Бочкарева З.В. Оккупационная политика фашистской Германии на Северном Кавказе: Дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1992. 242 с.

Булгарова М.К.-Г. Деятельность местных советов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 — май 1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2002. 185 с.

Гилязов И.А. Коллаборационистское движение среди тюркомусульманских военнопленных и эмигрантов в годы второй мировой войны: Дисс... д-ра ист. наук. Казань, 2000. 400 с.

Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: Дисс... д-ра ист. наук. Нальчик, 1997. 403 с.

Гусейнова И.С. Горская республика: зарождение, становление и причины падения (1917–1920 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Махачкала, 2003. 30 с.

Даудов А.Х. Образование и развитие Горской АССР. 1920–1924 гг. Проблемы национально-государственного строительства: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Л., 1984. 16 с.

Дзидзоев В.Д. Национальная политика СССР, межнациональные отношения и национальные движения на Северном Кавказе: Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 446 с.

Дидигова И.Б. Административно-территориальное устройство Чечни и Ингушетии. 1920–1930-е годы: Дисс... канд. ист. наук. М., 1997. 198 с.

Доного М.М. Нажмуддин Гоцинский и общественно-политическая борьба в Дагестане в первой четверти XX века: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 2008. 40 с.

Дробязко С.И. Восточные формирования в составе Вермахта, 1941–1945 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1997. 208 с.

Дружба О.В. Освещение в советской исторической литературе деятельности партийных организаций Дона и Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1985. 262 с.

Евтушенко Ю.Л. Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. Армавир, 2005. 186 с.

Кажаров А.Г. Кабарда и Балкария в процессе административно-территориального переустройства Северного Кавказа (1918 — первая половина 1920-х гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2001. 19 с.

Казаков А.В. Деятельность органов госбезопасности Кабардино-Балкарии по нейтрализации подрывных акций эмигрантских организаций в 20–50-х гг. XX в.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нальчик, 2005. 19 с.

Каратаева Х.А. Трудный путь к победе: женщины в годы Великой Отечественной войны (на материалах партийно-государственных организаций Северного Кавказа): Дисс... канд. ист. наук. СПб., 1994. 156 с.

Кратова Н.В. Повстанческое движение в Северо-Западной части Кавказа и Предкавказья (1920–1922 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.

Кринко Е.Ф. Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.): Дисс... канд. ист. наук. М., 1997.

Кузнецова А.Б. Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957–1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей: Дисс... канд. ист. наук. М., 2005. 196 с.

Линец А.С. Партизанское движение в Ставропольском крае в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 — январь 1943 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2003. 163 с.

Мартианов В.Е. Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны (1937–1945 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Краснодар, 1997. 22 с.

Мекулов Д.Х. Проблемы власти и демократии на Северном Кавказе: история, динамика, особенности. 1917–1941 гг.: Дисс... в виде научного доклада д-ра ист. наук. Махачкала, 1996. 57 с.

Муртазалиев В.Ю. Конституционно-правовая реабилитация репрессированных народов Северного Кавказа: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. 30 с.

Мухортова Т.В. Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941–1955 гг. (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2006. 26 с.

Напсо Н.Т. Восточные легионы в вермахте в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2000. 28 с.

Озов А.Ю. Патриотическая работа и ратные подвиги молодежи Северного Кавказа в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999. 22 с.

Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы второй мировой войны: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 2001. 38 с.

Панарина Е.В. Профсоюзы Кубани и Ставрополя в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2001. 23 с.

Печалова Л.В. Кооперативная промышленность Ставрополя и Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны: Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2007. 24 с.

Ржавин А.А. Национально-государственные образования в Краснодарском крае. 20–50-е годы: Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2000. 24 с.

Сабанчиев Х.-М.А. Депортация, жизнь в ссылке и реабилитация балкарского народа (1940-е — начало XXI в.): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 54 с.

Селюнина Н.В. Водный транспорт Юга России в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Ростовской области и Краснодарского края): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2002. 27 с.

Сенявская Е.С. Психология российских участников войн XX века: сравнительно-историческое исследование: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. М., 1999. 57 с.

Сигачев Ю.В. Новые источники по истории Великой Отечественной войне: публикация и анализ: Дисс. в виде науч. доклада... канд. ист. наук. М., 1997. 40 с.

Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект: Дисс... д-ра ист. наук. СПб., 2000. 417 с.

Фефилин С.В. Взаимоотношения государства и религиозных организаций в 40-х — середине 50-х гг. (на материалах Краснодарского края): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 2002. 22 с.

Филин М.В. Протестное движение российского казачества в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007. 26 с.

Хапчаев Р.И. Организация и управление хозяйственно-трудовой деятельностью и этнополитическими процессами народов Северного Кавказа (1943–1957 гг.): Автореф. дисс... канд. ист. наук. Пятигорск, 2001. 22 с.

Хлынина Т.П. Адыгья в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. 1920–1924 гг.: Дисс... канд. ист. наук. М., 1993. 210 с.

Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20-е — 50-е годы): Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 1998. 24 с.

Цуцулаева С.С. Репрессированные народы Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: проблемы историографии: Автореф. дисс... канд. ист. наук. Казань, 2001. 27 с.

Чанкаева Д.С. Печать Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1999. 178 с.

Шебзухов М.Х. Трудовая активность народов Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. Опыт, проблемы: Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Махачкала, 1993. 52 с.

Шишкин В.П. Трудовой подвиг народов Северного Кавказа в период восстановления и развития народного хозяйства (1943–1953 гг.) (на материалах Ставропольского, Краснодарского краев, Кабардино-Балкарской АССР): Дисс... канд. ист. наук. Карачаевск, 1999. 216 с.

Шнайдер В.Г. Национальное строительство как фактор социокультурной интеграции народов Северного Кавказа в советское общество (1917 — конец 1950-х гг.): Автореф. дисс... д-ра ист. наук. Армавир, 2008. 54 с.

Юрчук И.В. Политика местных властей Кубани по защите детства и ее практическая реализация в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2008. 235 с.

Януш С.В. Банкротство немецко-фашистской стратегии на Кавказе: Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 1998. 238 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1. Современная историографическая ситуация в изучении истории советского Северного Кавказа 1920–1940-х гг.: ключевые проблемы и направления исследовательского поиска	8
§ 1.1. Историческая регионалистика и региональная история	8
§ 1.2. Национальная государственность: между историческим знанием и региональными практиками историописания	24
§ 1.3. Северный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: смена исследовательской парадигмы и историографические традиции	51
ГЛАВА 2. Проблемные зоны исследований и историографические образы советского Северного Кавказа 1920–1930-х гг.	80
§ 2.1. Национально-государственное строительство в регионе: на перекрестке мнений	80
§ 2.2. Повстанческое движение 1920–1930-х гг. на Северном Кавказе в лабиринтах современной историографии	104
§ 2.3. Год «большого террора» в отдельно взятой автономии: рождение историографического образа	122
ГЛАВА 3. Дискуссионные вопросы истории Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны	139
§ 3.1. Нацистская оккупация и партизанское движение: поиск новых подходов в изучении	139
§ 3.2. Предатели, герои или жертвы? Споры о коллаборационизме и коллаборационистах в современной историографии	159
§ 3.3. Межэтнические отношения, депортация и реабилитация народов Северного Кавказа: полемика продолжается	182

ГЛАВА 4. Исторические источники и перспективы дальнейшего изучения северокавказской истории 1920–1940-х гг.	203
§ 4.1. Исторический источник в системе современного исторического знания	203
§ 4.2. Различные виды источников по истории Северного Кавказа 1920–1940-х гг.	227
§ 4.3. Возможности устной истории: опыт использования устных источников в изучении Великой Отечественной войны	256
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	275
БИБЛИОГРАФИЯ	277

TABLE OF CONTENTS

FOREWORD	5
CHAPTER 1. Contemporary historiographic situation in the history studies of the Soviet Northern Caucasus of the 1920–1940s:	
key problems and directions of research quest	8
§ 1.1. Historical regional studies and regional history	8
§ 1.2. Ethnic statehood: between historical knowledge and regional practices of historical studies	24
§ 1.3. The Northern Caucasus in the years of the Great Patriotic War: change of research paradigm and historiographic traditions	51
CHAPTER 2. Problem research zones and historiographic images of the Soviet Northern Caucasus of the 1920–1930s	80
§ 2.1. Ethnic-state building in the region: at a crossroads of opinions	80
§ 2.2. Insurgent movement of the 1920–1930s in the Northern Caucasus in the labyrinths of contemporary historiography	104
§ 2.3. The year of «The Great Terror» in one autonomy: emergence of a historiographic image	122
CHAPTER 3. Debatable issues of the Northern Caucasus history during the years of The Great Patriotic War	139
§ 3.1. The Nazi occupation and guerrilla movement: search for new approaches towards the studies	139
§ 3.2. Traitors, heroes, or victims? Debates over collaboration and collaborationists in contemporary historiography	159
§ 3.3. Inter-ethnic relationships, deportation, and rehabilitation of peoples of the Northern Caucasus: polemic continues	182
CHAPTER 4. Historical sources and prospects for further studies of the Northern Caucasus history of the 1920–1940s	203

§ 4.1. Historical source in the system of contemporary historical importance	203
§ 4.2. Different kinds of sources on the history of the Northern Caucasus of the 1920–1940s	227
§ 4.3. Possibilities of oral history: experience of oral sources’ application and use when studying the Great Patriotic War	256
CONCLUSION	275
REFERENCES	277

Научное издание

Кринко Евгений Федорович, Хлынина Татьяна Павловна

**ИСТОРИЯ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1920–1940-е гг.:
СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ**

Редактор *А.А. Яковлева*
Оригинал-макет *А.В. Стахеева*
Оформление обложки *Е.В. Жирухина*
Перевод *Р.Г. Михалюк*

Подписано в печать 02.09.2009.
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Гарнитура MinionPro.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 19. Тираж 300 экз.

Издательство Южного научного центра
Российской академии наук
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел.: 8 (863) 250-98-21

Отпечатано в ООО «Медиа-Полис»
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 14а, оф. 225
Тел.: 8 (863) 201-37-80 (факс), 201-37-81, 201-37-82